

*А.И. Попов*

*1812*

*Первое дело при  
Красном*





*200-летие Отечественной войны 1812 г.*

*А.И. Попов*

# *Первое дело при Красном*

Москва, 2007 г.

Конный егерь 12-го полка в русском походе  
Акварель А. Ежова

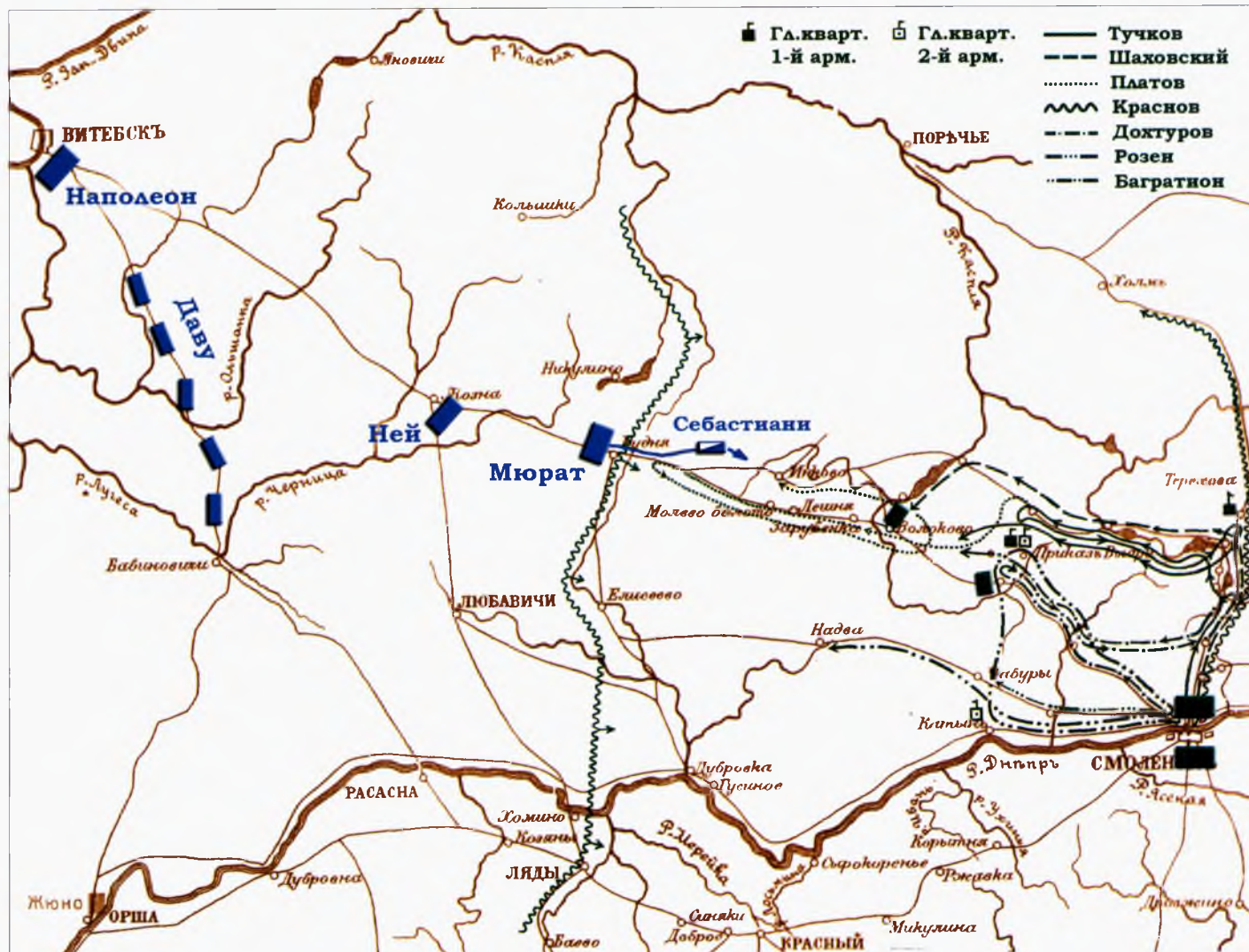




# Славные дела под Смоленском в августе 1812 г.

Боевые действия вокруг Смоленска в августе 1812 г. в историографии иногда именуют «Первой Смоленской операцией русских войск». Не вдаваясь пока в рассуждения о том, насколько правомерно такое словосочетание, заметим, что самому сражению за Смоленск предшествовали, помимо множества мелких стычек, два относительно крупных боевых столкновения. Оба они принесли несомненную славу российскому оружию, но в литературе освещены далеко не равнозначно. К тому же, при описании знаменитого «львиного отступления» генерала Д.П. Неверовского отечественные авторы допускали явные преувеличения и передержки. При этом большинство авторов были почти незнакомы с иностранными источниками, что лишает их рассказы объективности и достоверности. Цель нашего исследования двоякая – исправление допущенных в отечественной литературе ошибок и недочётов, - создание наиболее детальных описаний упомянутых боевых столкновений.

Передвижение войск в начале августа 1812 г.







Пленение генерала Ж.М.Н. Делиль де Фальконе  
де Сен-Женьеса возле Друи. Рисунок А.Ежова



## «Прежаркое дело» при Молевом Болоте

Известный бой при Инково или Молевом Болоте не удостоилось в отечественной литературе специального исследования. В обобщающих же трудах А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича ему посвящено соответственно одна и две страницы. Наиболее подробно о нём рассказал Н.П. Поликарпов, но это не аналитическое, а описательное изложение, основанное исключительно на русских источниках. В советское время детально этот бой описал В.И. Вяликов, но также на базе только русских источников.<sup>1</sup> Между тем, с неприятельской стороны разного рода источников сохранилось, пожалуй, даже больше, чем с русской.<sup>2</sup> Это позволяет с гораздо большей детализацией и объективностью описать данное боевое столкновение.

Для того, чтобы лучше понять ход этого боя, необходимо заглянуть на несколько дней вперёд. Во время второй стратегической паузы в конце июля – начале августа основные силы «Великой армии» расположились в Белоруссии, на границе коренной России. Вперёд были выдвинуты лишь некоторые части и соединения лёгких войск, в том числе дивизия генерала О. Себастьяни из 2-го корпуса резервной кавалерии генерала А.П. Монбрёна. Войска этой дивизии с самого начала кампании находились в авангарде и имели несколько стычек с русскими, в частности, у Новых Трок, у Довгелишек и при Друе и понесли серьёзные потери. В частности, возле Друи попал в плен командир 7-й бригады генерал барон Ж.М.Н. Делиль де Фалькон де Сен-Же-ньес, которого сменил полковник М. Дезира.

*Фабер дю Фор. Офицерские шалаши  
лагеря в Лиозно, 11 августа 1811 г.*





**2-я дивизия лёгкой кавалерии:** дивизионный генерал граф О.Ф. Себастьяни

**адъютанты:** шефы эскадрона Л.Ж.Э.Ф. Рейно де Булонь Лакур, А.Ш.А. Лавозстен, О.Л.Ж.К.Г. де Куаньи  
**начальник штаба:** штабной полковник А.Л. Жантиль де Сент-Альфонс (4.08)

**7-я бригада лёгкой кавалерии:** полковник барон М. Дезира (15.07)

11-й конно-егерский (3 эск.): полковник Дезира  
12-й конно-егерский (3 эск.): полковник барон Ш.Э. Гиньи

**8-я бригада лёгкой кавалерии:** бригадный генерал барон А. Бюрт

5-й гусарский (4 эск.): полковник барон К. Мёзьо  
9-й гусарский (4 эск.): полковник шевалье Л.Ш. Мэнье

**16-я "иностранная" бригада лёгкой кавалерии:** бригадный генерал барон Ж. Сюберви

10-й польский гусарский (3 эск.): полковник Я.Н. Уминьский

3-й вюртембергский конно-егерский "Герцог Луис" (3 эск.): полковник граф Э.Т. фон Валдбург-Вюрцах  
Прусский сводный уланский (4 эск.): майор К. фон Вердер - 3-й и 4-й эск. Силезского уланского № 2 полка, 3-й и 4-й эск. Бранденбургского уланского № 3 полка

**Всего:** 24 эскадрона. На 29 июля дивизия имела всего 2.300 комбатантов.<sup>3</sup>

31 июля Себастьяни сообщил из Лиозно: «Моё здоровье расстроено», а 1 августа написал маршалу Й. Мюрату из Рудни, что сильно страдает от боли в распухшей ноге, что делает мучительными любые движения. Генерал просил короля походатайствовать перед императором или Бертье, чтобы ему дали краткий отдых для восстановления здоровья. Мюрат приложил его письмо к своему рапорту императору и предложил заменить его генералом Орнано, либо Экзельмансом. Через не-

сколько дней, по поручению Мюрата, начальник его штаба генерал О.Д. Бельяр сообщил Бертье, что «Себастьяни имеет нужду в отдыхе, чтобы позаботиться о своём здоровье». 5 августа Бертье известил императора о новой просьбе предоставить отпуск Себастьяни.<sup>4</sup> Но император не дал своего согласия.

«На биваке у Инково,- пишет историк прусского уланского полка,- кавалерийская дивизия Себастьяни оставалась спокойно стоять до 6 августа. 2-го дивизии был устроен смотр одним инспектором смотров».<sup>5</sup> При этом состояние лошадей прусского полка было найдено более сносным, нежели во французских полках. «Помимо этого смотра и ежедневных рекогносцировок и продолжительных патрулирований, за это время ничего значительного не произошло, несмотря на то, что 3 августа противником были захвачены на форпостах три гусара и один улан. Что касается службы на форпостах, то французы имели определённые её принципы, на которых они базировали свою сторожевую службу: здесь они считали главным делом поддержание связи между войсками и придавали лишь ограниченное значение учреждению связанной системы постов. Для наблюдения за неприятелем они считали более целесообразным частые посылки рекогносцировок-патрулей, чем выставление многих сторожевых застав и вёдтов. При второй лёгкой кавалерийской дивизии для ежедневных форпостов назначалась одна, составленная из всех полков, команда, чаще всего лишь ограниченной силы. Для её ближайшей поддержки, насколько это становилось необходимым, назначалась одна бригада, которая, однако, также как и прочие и вместе с ними располагалась на биваках. Как правило, французские генералы мало заботились о выставлении форпостов, зачастую проявляя большую неосведомлённость

**Генерал О.Ф. Себастьяни (1772-1851)**



**Генерал А. Бюрт (1772-1830)**





в этом роде службы. Позиция дивизии была чрезвычайно изолированной, лишь в Рудне, на расстоянии сильного дневного марша позади, находила она ближайшую поддержку в двух других дивизиях корпуса.

Обоснованное опасение Себастьяни за безопасность своей дивизии побудило его отдать особые распоряжения относительно выставления форпостов, которым, однако, было столь превратно избрано [место], что связь между сторожевыми заставами и ведетами ограничивалась лишь единственной переправой через ручей; упомянутый захват ведетов 3-го числа стал следствием такого расположения. Оживлённый ход патрулей мог, конечно, уступить место связанной цепи постов, и принёс бы в данном случае больше пользы, но он также не соблюдался бы. Обычно приказывали: "Тот или иной полк к определённом часу должен выслать команду на два часа для рекогносцировки". Ни определённого направления, ни особой задачи командам не давалось; они затем разъезжали вокруг по полям, чтобы провести время, но по возможности всё же меньше утомлять своих лошадей, на ограниченном удалении от ведетов и возвращались назад по истечении предписанного времени с сообщением, что ничего нового не видели». Такой род несения охранной службы приносил мало пользы для обеспечения отдыха войск на биваках, которые часто поднимались по тревоге.

**Казачий корпус:** генерал от кавалерии М.И. Платов  
**обер-квартирмейстер:** подполковник П.А. Чуйкевич  
**дежурный штаб-офицер:** полковник И.Я. Шперберг  
**старший адъютант:** войсковой старшина С.Д. Лазарев 3-й  
**при штабе:** полковник принц Э. Хессен-Филиппсталь-Бархфельд, майор барон Г. фон Барнеков  
**2-я бригада:** подполковник Т.Д. Греков 18-й  
 Донской казачий Иловайского 5-го полк: войсковой старшина И.Г. Давыдов 3-й  
 Донской казачий Грекова 18-го полк: войсковой старшина А.С. Греков 26-й  
**3-я бригада:** генерал-майор В.Т. Денисов 7-й  
 Донской казачий Денисова 7-го полк: войсковой старшина Г.П. Победнов 1-й  
 Донской казачий Мельникова 3-го полк: подполковник И.Г. Мельников 3-й  
**5-я бригада:** генерал-майор Д.Е. Кутейников 2-й  
 Донской казачий Харитонов 7-го полк: подполковник К.И. Харитонов 7-й  
 Симферопольский конно-татарский полк: подполковник князь К.М. Балатуков 1-й  
**не входили в состав бригад:**  
 Атаманский Донской казачий полк: полковник С.Ф. Балабин 2-й  
 1-й Башкирский казачий полк: командир - майор Нарвского драгунского полка М.М. Лачин  
 конная Донская артиллерийская рота № 2: войсковой старшина П.В. Суворов 2-й - 12 орудий.<sup>6</sup>

### Э. Детай. Французские гусары на аванпостах



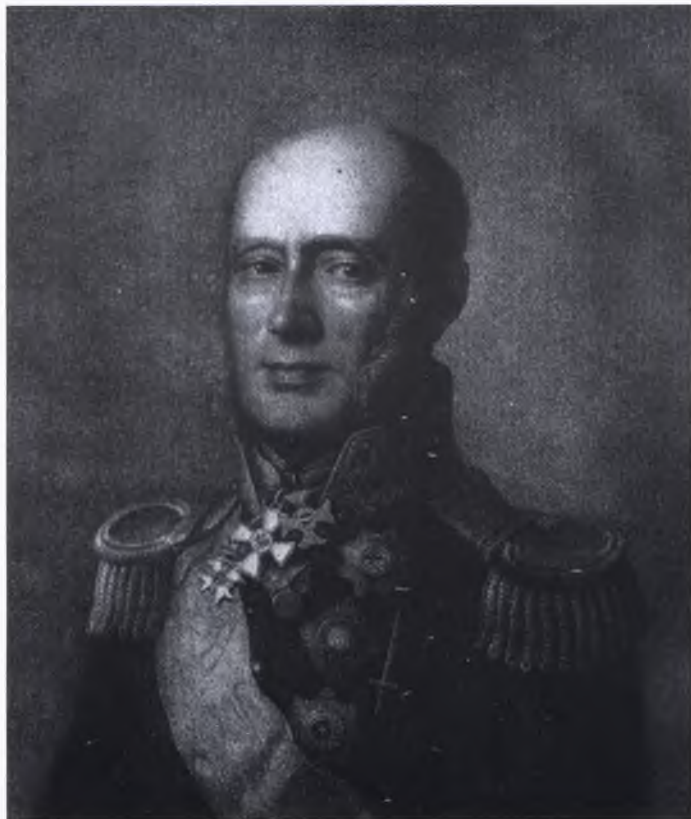


Офицер 1-го вюртембергского шволежерского полка, июль-август 1812 г.

Акварель А. Ежова





**Генерал М.Б. Барклай де Толли (1761-1818)**

Рисовал и гравировал К. Зенф

Ослаблен был, впрочем, не только конский, но и личный состав полков. Описывая лагерь у Лешно, хирург вюртембергского полка Х. Роос писал: *«Жаркие дни и очень холодные ночи, которые приходилось проводить на голой земле, в связи с плохим питанием и отвратительной водой, вызвали усиление желудочных заболеваний»*. Прибывший к полку в Лешно аудитор Крафт говорил: *«Горестно смотреть, как офицеры и солдаты лежали больные в лагере; поносы так сильно свирепствовали там, что невозможно было производить учение, и едва отправлялись обыкновенные службы. Все дома были переполнены больными, многие умирали, в самом лагере происходила такая беготня за фронт, как будто всем полкам сразу даны были слабительные средства»*. В этом лагере войска простояли неделю.

Тем временем генерал М.Б. Барклай де Толли начал наступление на центр неприятельской армии. К вечеру 26 июля/7 августа Главная квартира 1-й армии расположилась в Приказ-Выдре, 2-й армии - в Катыни. Ранним утром 27 июля/8 августа войска готовились продолжить наступление, и квартирмейстеры уже выехали вперёд для обозрения местности по дороге к Рудне. Так, оберквартирмейстер казачьего корпуса М.И. Платова подполковник П.А. Чуйкевич на ночь отправился к его авангарду для обозрения неприятеля. *«При мне,- пишет он,- прибыл к авангарду в деревню Кастрице [Костричино] от генерала Бермана парламентар, которого я оставив на ночь сегодня отправил назад совершенно противною дорою, ибо он приезжал по пустякам»*. Полковник

**Атаман М.И. Платов (1751-1818)**

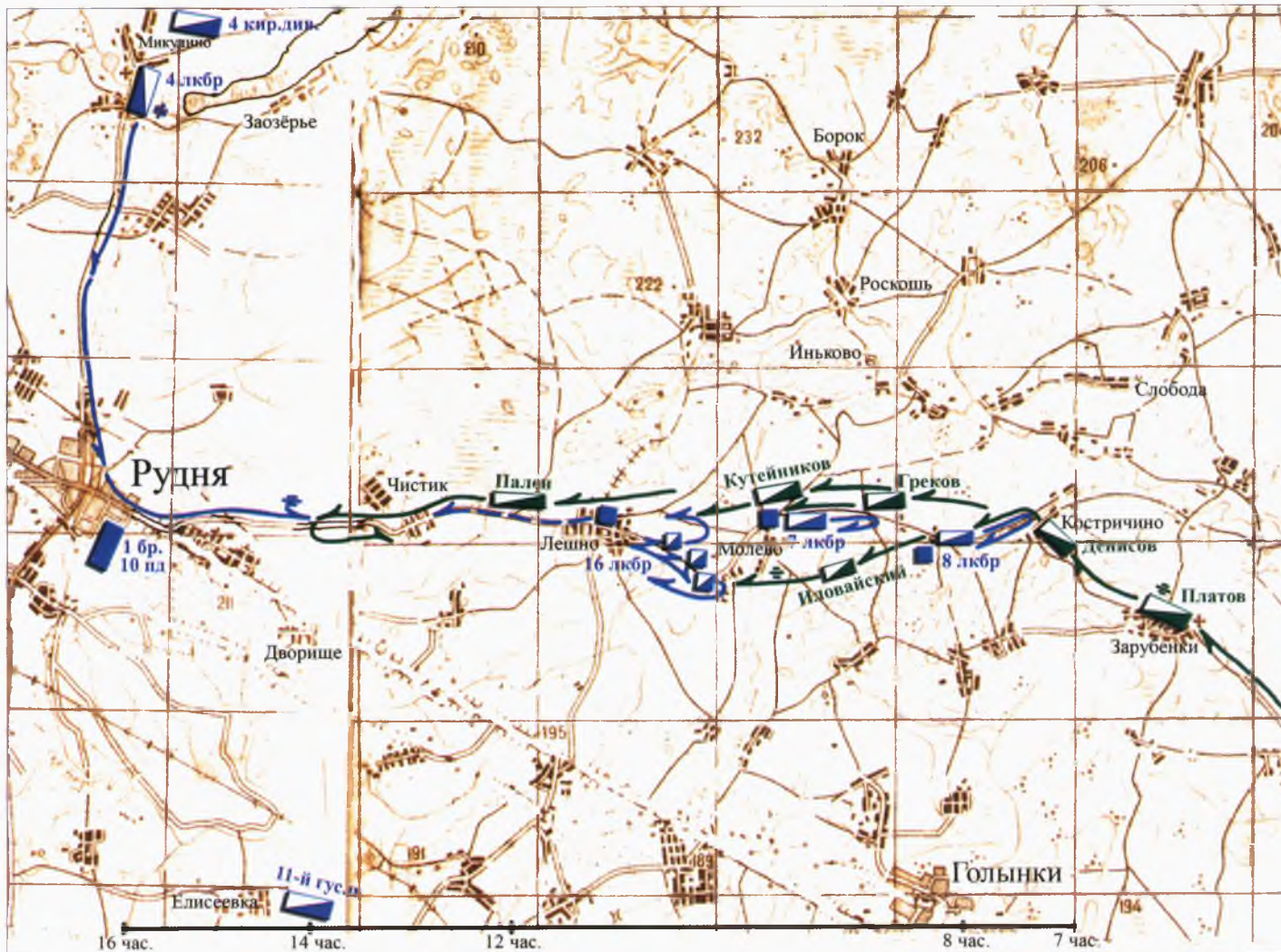
Раскрашенная гравюра В.Сэя

К.Ф. Толь ночью выступил *«с авангардом генерал-майора графа Палена дабы успеть рекогносцировать дальнейшего марша»*.

Но в ночь с 7 на 8 августа Барклай получил от генерала Ф. Винцингероде, отряженного к Велюжу, донесение о сосредоточении значительных сил противника у Поречья. Барклай посчитал, что Наполеон собирается из Поречья двинуться на Смоленск, и решил отказаться от предпринятого наступления. По его приказу все передвижения войск были приостановлены. Затем он отдал приказ перевести войска 1-й армии с Рудненской дороги на Поречскую, 2-й армии - занять её место у Приказ-Выдры, а корпусу Платова - не продвигаться вперёд.<sup>6</sup>

На пути движения Платова как раз и находилась дивизия Себастьяни, стоявшая возле большой дороги из Рудни в Смоленск, занимая *«выходы из теснины леса до берега Каспли»*. Капитан 12-го конно-егерского полка Т.Ж. Обри вспоминал: *«Три бригады были расположены пошелонно на расстоянии полулье: бригада гусар в первой линии, шассеров - во второй и иностранная бригада - в третьей»*. Приданный дивизии 4-й батальон 24-го полка лёгкой пехоты (шеф батальона Аллар) был распределён по бригадам: при 7-й находилась 1-я рота (Лешно), при 8-й - 3-я и две элитные роты (Roussiski - Роскошь?), при 16-й - 2-я и 4-я роты. Монбрён ещё 6 августа предупредил Себастьяни о возможности нападения на него русских, и тот продержал дивизию на конях с 1 до 5 часов.<sup>8</sup> Утром 7 августа Себастьяни язвительно сообщил своему начальнику, что ничего опасного не про-





### Схема боя при Молевом Болоте

изошло, и его дивизия понапрасну «провела часть ночи на конях. Разведки, которые продвинулись до Инково, ничего не обнаружили. Бригада Сюберви была вынуждена из Чистик (Taustiki) выехать в Лешно, чтобы напоить своих лошадей». В тот момент генералу сообщили, что «сильная разведка неприятеля появилась перед аванпостами».

В 5 часов вечера Себастьяни донёс: «Неприятель направил на нас этим утром сильную рекогносцировку; он продвинулся до линии наших вёдетов, где он мог оценить наши силы... Три раза неприятелю удавалось доходить до нашей позиции, и три раза мы выходили на него, каждый раз продвигаясь более чем на одно льё. Я не смог удержать один эскадрон 5-го полка гусар под командой г. шефа эскадрона [Сен-] Перна, который, совершенно лишившись стойкости, позволил сотне казаков себя опрокинуть; мы понесли бы большие потери, если бы не храбрость одного эскадрона 9-го гусарского [полка] под командой г. шефа эскадрона Фодда [-Барбазана] и г. капитана Рейнаха; не только всё было восстановлено, но мы причинили много вреда неприятелю. Наши потери ограничились двумя убитыми и одиннадцатью ранеными. Генералы и наши адъютанты были вынуждены сражаться саблями. Противник ретировался, и мы возвратились на свою позицию, так как имели большую нужду в отдыхе». Силы нападавших

Себастьяни определил в 2 тыс. чел., но по тучам пыли в стороне Смоленска предположил, что имеет перед собой 5 тыс. чел.

В 9 часов вечера он сообщил: «Неприятель находится перед нами; его ведеты соприкасаются с нашими, они ежеминутно обмениваются выстрелами из пистолетов. Я ещё не могу понять, является ли их намерением предпринять что-либо против нас, или они хотят только потревожить нас и утомить; им вполне удалось заморить нас голодом». Тогда же он попросил Монбрёна отпустить его для поправки здоровья. Тот, сам будучи больным, в этом ему отказал, но переслал его просьбу генералу Бельяру. При этом Монбрён пожаловался на своего подчинённого: «Я ему сделал несколько замечаний во время разговора; но он никогда не вникает в мои мысли». «Я задержан приступом подагры, которая помешала мне обуть сапоги», — написал он, а в 2 часа ночи сообщил: «Я приведу в порядок мои ноги как смогу и сяду на лошадь, чтобы поехать осмотреть всё, что происходит на аванпостах». Он разрешил Себастьяни «разместить свою дивизию в Лешно, выдвинув немного вперёд свой авангард и свои аванпосты».<sup>9</sup>

В тот же день маршал М. Ней приказал бригадному генералу П. Мурье, стоявшему в Любавичах, отозвать из Елисейевки 11-й гусарский полк и 8-го числа явиться в Одрино для проведения смотра. В



Гусар 9-го полка, июнь-июль 1812 г.

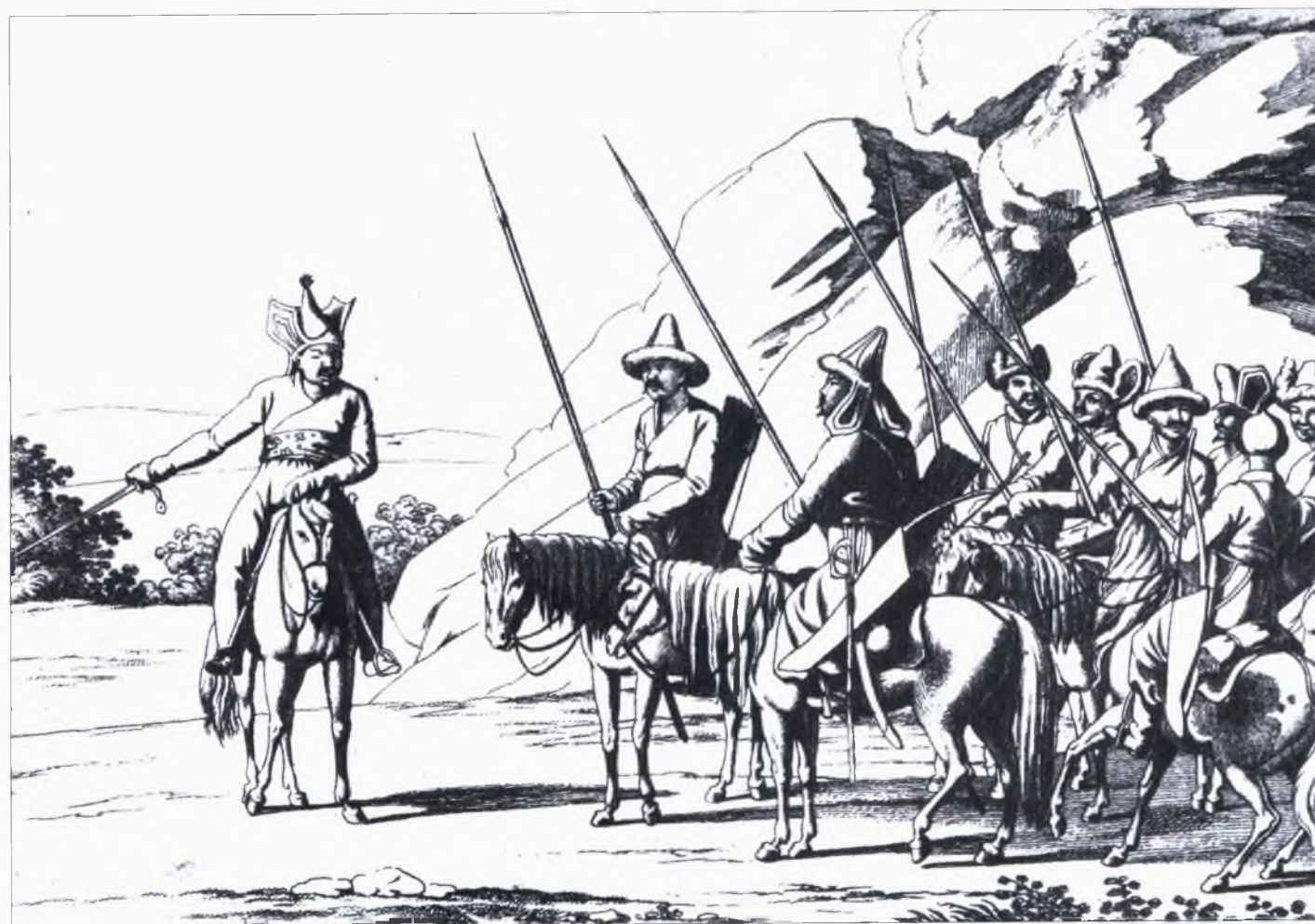
Акварель А. Ежова







Заурвейд. Конные башкиры



Башкирский разъезд во главе с офицером



довершение всех бед, два батальона 1-го корпуса были тогда же отозваны из Любавичей и, таким образом, правый фланг 2-го кавалерийского корпуса остался незащищённым. Узнав об этом, Монбрён разместил пост из 100 чел. в Могильно. 14-я бригада лёгкой кавалерии генерала Ф.О. Бёрманна направилась в Заозерье. Оттуда в 4 часа вечера Бёрманн выслал в направлении на Поречье патруль, который, пройдя 28 вёрст, возвратился в 22 часа, не встретив неприятеля. Другой патруль был послан для установления коммуникации с д. Чистики (Taustiky).<sup>10</sup>

По требованию Монбрёна, в ночь с 7 на 8 августа были отданы приказы генералу Мурье возвратиться в Елисеевку 11-й гусарский полк и выслать по одному эскадрону в Лоби (?) и Дворище, чтобы осветить правую дорогу из Рудни в Смоленск, а генералу Бёрманну - отправиться из Заозерья в Инково, чтобы прикрыть левый фланг дивизии Себастьяни, находившейся на большой дороге из Рудни в Смоленск. «В столь критической ситуации,- отмечал Ж. Фабри,- отсутствие Мюрата являлось опасным; Бельяр будучи не в том звании, чтобы давать приказы маршалу Нею, ограничился просьбой оставить бригады Бёрманна и Мурье, которые подпирали правый и левый фланги 2-го корпуса». 8 августа в 6 часов утра Бельяр, пересылая из Матушево Мюрату рапорты Монбрёна и Себастьяни, написал: «Я не думаю, что неприятель имеет серьёзные намерения, он только желает знать то, что находится позади наших аванпостов; или он пытается отвлечь нас на правый берег, тогда как сам будет действовать на левом берегу». Он известил Мюрата, что отправляется в Рудню. Оттуда же в 7 часов утра он написал Нею: «Ваше сиятельство может быть посчитает своевременным оставить на позиции генерала Мурье и генерала Бёрманна до тех пор, пока не выяснится, каковы намерения неприятеля».

Платов не получил во время контрприказа Барклая и поэтому утром 27 июля/8 августа продолжил движение на Рудню, согласно прежней диспозиции. Его авангард (полки Денисова 7-го и подполковника Мельникова 3-го) располагался при д. Костричино. Его начальник, генерал-майор В.Т. Денисов 7-й донёс в 4 часа утра атаману, который находился с главными силами перед д. Зарубенки, что «неприятель в девяти полках кавалерии и одном пехотном следует от деревни Лешне по дороге». Платов приказал генералу «неприятельский авангард, в четырех кавалерийских полках бывший, удерживать», и сам двинулся к нему на помощь с остальными полками и 2-й ротой донской конной артиллерии.

Монбрён писал: «Я прибыл в 6 часов утра на аванпосты генерала Себастьяни в тот момент, когда русские стремительно атаковали наши сторожевые заставы. Я тотчас приказал этому генералу посадить на коней свою дивизию, и мы совместно приняли меры, чтобы остановить неприятеля, который накинута на наши посты». Командир 4-го батальона 24-го полка Аллар донёс:



**Дивизионный генерал  
Л.-П. Монбрён (1770-1812)**

«В 7 часов утра генерал граф Себастьяни дал мне приказ выдвинуться вперёд с моей позиции, которую я занимал в Русишки; я направился с тремя ротами, которые у меня оставались, выслав вперёд себя роту вольтижеров». По словам подполковника фон Милькау, «этим утром в 7 часов полковник и командир граф фон Валдбург получил приказ следовать за движением дивизии, которая выступила вперёд против колонны неприятеля, которого атаковала, дебушируя из Инково. Полк оставил тогда свой бивуак в поместье Лешно и продвинулся на одно льё вперёд; немного позже он получил приказ выдвинуться, прикрывая левый фланг».<sup>11</sup>

По словам пруссаков, дорога на Смоленск в этом месте «проходила через хребёт возвышенности, который постепенно выравнивался около Инково, напротив, в сторону Рудни круто обрывался. Дорога вела вверх по узкой и очень глубоко врезанной лощине от возвышенности к Рудне». По их словам, «дивизия тотчас села на коней и выступила рысью через лощину на возвышенность. Бригада генерала Бюрта (5-й и 9-й французские гусарские полки), которая несла службу, первой





А.Е. КОС  
2006 г.



**Офицер донских казаков**

вступила в бой; она нашла форпосты уже далеко оттеснёнными и сама была не в состоянии противостоять превосходящему противнику». «Мы двинулись на него,- пишет Монбрён,- и прибыли на довольно большое плато впереди Лешно, где он развернул на занимаемой позиции много войск. Ими командовал генерал Платов; мы оценили их, по меньшей мере, в двенадцать тысяч коней. Восемнадцать орудий долго стреляли в нас, многие старшие офицеры говорили мне, что видели пехоту; я этого не заметил. В момент, когда я увидел, что мы имеем дело с превосходящими силами, я приказал отступить».

Капитан 12-го конно-егерского полка М.Ш. Таше записал в дневнике: «Утром неприятель атаковал сторожевую заставу (смерть де Руво). Генерал Монбрён атаковал с эскадронам 5-го гусарского, отбросил неприятеля и возвратился». Позже Таше написал: «Руво (Rouveau), который находился на сторожевой заставе, был одной из первых жертв. Он упал на землю от удара пули и был прикончен ударами пик казаков» (речь здесь идёт о лейтенанте 12-го шассерского полка). Платов же, действительно, у д. Молево Болото встретил Денисова 7-го и подкрепил его 2-й бригадой подполковника Т.Д. Грекова 18-го (полки Н.В. Иловайского 5-го и Грекова 18-го) и двумя «отборными» сотнями 1-го Башкирского полка под коман-

**Схватка на аванпостах между казаком и французским гусаром**  
Современный немецкий рисунок





дой своего адъютанта поручика Павлоградского гусарского полка Жилина, и приказал ударить на неприятельский авангард.<sup>12</sup>

По словам Чуйкевича, у неприятеля «было два полка 9-й и 5-й гусарские. Храбрый подполковник Мельников, первый сбил неприятеля решительным ударом во фланг под Лешнею и между господским двором и деревнею Неготыней». Урядники полка Денисова 7-го Е. Титов и Егоров «при первом ударе на неприятеля с охотниками бросились во фланг неприятельских эскадронов». Греков 18-й, «командуя полками его имени и генерал-майора Иловайского 5-го, обрушился на правый фланг и гнал его до пехоты так, что и она начала отступать». Сотник этого полка Ступачевский был ранен саблею в руку. 1-го Башкирского полка сотник И. Ишсареев, хорунжие М. Куруринов, Я. Азиматин и Я. Мудрашкамдеев, «с двумястами отборными башкирцами» под командой поручика Жилина «при ударе на неприятельскую кавалерию действовали с отличною храбростию и поражая оного прогнали до самого подкрепления, подавая пример башкирцам». Жилин, «командуя двумя сотнями отборных башкирцов, которых прежде того приводил в порядок и исправление лошадыми по худобе оных, первый по приказанию генерала Платова вел с неприятелем перестрелку, а когда к неприятельскому корпусу сблизились, то он вместе с другими казачьими полками сделал сильный удар», получив «в правую ногу пулею тяжёлую рану». Платов писал, что неприятельский авангард «храбростию оных полков был в глазах моих опрокинут и преследуем поражением до двух верст до остававшихся в подкрепление одному авангарду еще пяти неприятельских кавалерийских полков и одного пехотного».<sup>13</sup>

Итак, 8-я бригада Бюрта в беспорядке отступила на основную часть дивизии. При этом 7-я бригада полковника М. Дезира (11-й и 12-й конноегерские полки) уже была развернута, а шедшая в хвосте 16-я «иностранная» бригада ещё только выходила из теснины и начинала разворачиваться. «Мы поспешили,- вспоминал капитан Обри,- для поддержки гусаров, которые были атакованы значительно превосходящими силами; мы заменили их в первой линии, так как они были ослаблены и утомлены. В тот же момент мы были окружены тучей казаков. Но мы сохраняли полное самообладание, вообще не испытывая страха перед этими дикарями». Капитан того же полка Таше записал в дневнике: «В 8 часов наша бригада направилась вперёд, прошла дефиле, дошла до неприятеля и оказалась значительно слабее его числом. Отступали позшелонно (en échelons), беспорядок, замешательство и загромождение в дефиле... Калмыки и башкиры: их стрельы».

«Тогда неприятель,- пишет Платов,- сильно стал наступать на мой авангард, за которым вслед шел я не более версты с остававшимися при мне полками, и, видя, сильное неприятельское наступление пустил с правого моего фланга в его левый полки: Атаманский, Харитонов 7-го, Симферопольский татарский, под командою ге-



А. Фейст. Трубач элитной роты 9-го гусарского полка, 1812 г. (открытки Бюкуа)



Современное изображение башкира и киргиза





Д. Доу. Генерал-майор  
Д.Е. Кутейников (1766-1844)

Э. Детай. 5-й гусарский полк



нерал-майора Кутейникова 2-го, который только что освободился в течение месяца от полученной им в руку в сражении при местечке Мире слабой раны, сам я с Донской конной артиллерией и находящимся при мне конвоем в центре, где мне способствовал генерал-майор Иловайский 5-й, также освобождающийся только от полученной им в сражении при Мире в правую ногу пулею раны. Тут вышло упорное сражение, продолжавшееся более часу».

Согласно наградным документам, Иловайский 5-й, «не выздоровев от раны, находился на левом нашем крыле с своей бригадой», а Кутейников 2-й «командовал бригадою из трех казачьих полков, опрокинул неприятеля и прогнал до пехоты, подкреплявшей кавалерию». Атаманского полка войсковые старшины Копылков и Янов, «командуя сотнями, действовали с отличною храбростию, находясь впереди и не взирая на превосходство сил неприятельской кавалерии и на жестокой огонь ударили в дротики, смешали оную, и с поражением прогнали за деревню Лешню». Есаул Пантелеев во главе своей сотни «при всех ударах неприятеля действовал неустрашимо, не смотря на сильной батальной огонь, был во фронте». Сотники этого полка Фомин и Быкадоров, «будучи при всех ударах на неприятельскую кавалерию впереди, выдерживали батальной огонь и действовали с



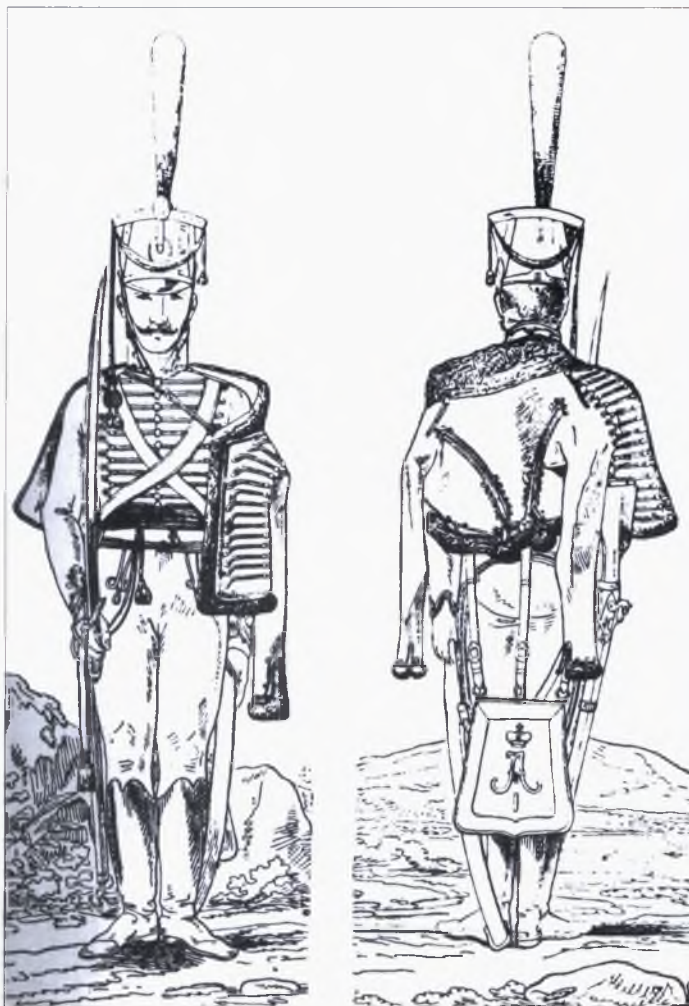
**Рядовой гусарского полка, 1811 г.**

Рисунок А.О. Орловского

неустрасимую храбростию» и оба были ранены пулями в головы. Симферопольского конно-татарского полка войсковой старшина К.М. Балатуков 1-й «с частью полка действовал с отличною храбростию», а есаул и сотник Ильясовы, «командуя сотнями, делали удар на неприятеля». Урядник этого полка Адилеев «на ударе сбил неприятельского офицера и взял оного в плен». Есаул Власова 3-го полка Процысков «был послан от генерала Платова к командовавшим генералам и прибыл к полку Атаманскому во время сражения находился с охотниками впереди, ведя перестрелку, а потом делал неоднократно удары, нанося неприятелю поражение».<sup>14</sup>

«Неприятель,- пишет Монбрён,- маневрируя со своими казаками более ловко, чем мы, в один момент потеснил мои задние войска с фланга. 5-й и 9-й гусарские атаковали и освободили их. Я продолжил своё отступление на расстоянии полутора льё. Понадобилась, уверяю вас, сила, чтобы его выдержать. Противник двигался на нас столь быстро, что я едва имел время разместить войска, которые должны были его остановить. Мы обороняли местность с чрезвычайным упорством». По словам Аллара, рота вольтижёров «в течение долгого времени удачно перестреливалась на возвышенности и в деревне, которая находилась в одном льё впереди от моей первой

**Донской казак. Начало XIX в.**

позиции. Когда неприятель прибыл в больших силах и повёл стрельбу по этой роте, она получила приказ отступить, что она успешно исполнила, поддерживая 5-й гусарский полк и 12-й конно-егерский, на расстояние ружейного выстрела в небольшой лес, который находился по эту сторону возвышенности... Тогда она была окружена тучей казаков, которые воспрепятствовали ей сесть в засаду. На данный момент остались один су-лейтенант, один сержант, фурьер и семеро вольтижеров, из которых трое ранены; остальные из этой роты были взяты в плен; су-лейтенант обязан своим спасением полковнику 12-го шассерского, который заметил его и дал ему лошадь». Монбрён сообщил, что «вольтижерская рота 24-го лёгкого [полка], которая не открыла огонь, чтобы остановить атаку на неприятеля на нашу кавалерию, которая была уже на её правом фланге, была взята в плен около леса. Этот досадный случай произошёл в момент, когда русские произвели небольшой беспорядок в нашем арьергарде, и происходила их первая атака на нас, и уже невозможно было помочь». По словам же пруссаков, «рота вольтижеров, которая занимала в Залесье Церковна штаб-квартиру генерала, вынуждена была положить оружие».<sup>15</sup>

Ю. Био пишет, что «утром неприятель атаковал наши аванпосты, отбросил бригады гусар и



**Канонир донской артиллерии, 1812 г.**  
Акварель А. Ежова







К. Верне. Казаки на биваке

егерей, и развил бы свой успех, если бы бригада, именуемая иностранной, не выдвинулась бы вперёд», причём «две первые бригады потеряли много людей». Прусский уланский полк, замыкавший 16-ю бригаду, начал выходить из лощины. «Майор фон Вердер, - рассказывает историк полка, - обнаружил на некотором удалении на левом фланге значительное облако пыли. Если оно было поднято приближающимся противником, то возникала опасность для дивизии из-за потери дефила в её тылу лишиться единственного пути отхода». Тогда К. Вердер, «взвесив это обстоятельство, обратил внимание генерала Себастьяни на увиденное, получил от него уверение, что эта пыль должна быть поднята неприятельской кавалерией, и приказ силой предотвратить угрожающую дивизии опасность. Командир велел полку, который ещё находился в двигающейся справа взводной колонне, тотчас повзводно на право кругом завернуть и галопом скакать назад через ложбину. Он своевременно достиг противоположного выхода, так как обнаруженный им противник, два казацких полка, обошёл крутой склон возвышенности и самым быстрым аллюром устремился к большой дороге и дефиле.

Как только оба бранденбургских эскадрона, теперь первые, вышли из дефила, майор фон Вердер велел им повернуть вправо и атаковал с ними превосходящего противника; тот был опрокинут, снова построил фронт, был ещё один раз отброшен и затем преследуем вдоль склона... Оба силезских эскадрона, которые при начале атаки были ещё в ложбине, последовали, после того, как прошли через неё, в качестве второго эшелона позади левого фланга бранденбуржцев. Опасность была устранена в одно мгновение; отход дивизии через дефиле был обеспечен. Майор фон Вердер велел теперь своему полку, всё ещё построеному в два эшелона, остановиться у подножья возвышенности и выдвинуть вперёд четвёртые взводы в качестве фланкёров на её гребень». Вероятно, это были казаки Атаманского полка, поскольку из хорунжих Свиридова, Кайданова и Акимова, которые «действовали с храбростью, подавая пример подчиненным», двое были «ранены пиками, первой тяжело в правую ногу, а последний в живот. Акимов в левую ногу пулю». Состоявшие по армии полковник «принц Филип-Стальский» [Э. Хессен-Филиппсталь-Бархфельдт] и пруссак «майор Густав барон фон Барников» [Барнеков],





А. Шефер. 1-й и 2-й уланские полки (Пруссия). Слева-направо: уланы 1-го и 2-го полка в походной форме; трубач 1-го полка в парадной форме; улан 2-го полка в манти; офицер 1-го полка в парадной форме



Р. Кнетель. Вюртембергская кавалерия в 1812 г. Слева-направо: лейб-шволежер 2-го полка, конный егеря 4-го полка, шволежер 1-го полка, конный егеря 2-го полка

«находясь во все время сражения при полку атаманском по ревностному усердию, действовали при всех на неприятеля ударах», причём последний «ранен пулею в правую ногу на вылет».<sup>16</sup>

Аллар пишет, что после пленения одной роты, он «получил приказ продолжить отступление, следуя вдоль опушки леса; я исполнил его в величайшем порядке. Я имел случай произвести множество выстрелов, которые были выполнены прекрасно, и поддерживал несколько атак кавалерии на глазах у гг. генералов графов Монбрёна и Себастьяни; я прикрывал отступление эскадронов, которые вместе со мной образовывали арьергард». Монбрён подчёркивал, что этот батальон «был мне очень полезен, я должен выразить ему похвалу, и особенно большую - г. шефу батальона Аллару. В двух случаях в течение дня он производил огонь рядами в упор, и особенно помог мне в моих маневрах». Обри также с похвалой отозвался о храбрых пехотинцах: «В двух концах леса были у нас размещены на каждой стороне несколько рот вольтижёров, которые ободряли нас своим прекрасным поведением».

Командующий вюртембергским полком доносил: «Мы были тогда атакованы примерно 3000 человек: гусаров, уланов, казаков и башкир; после того как были отбиты многочисленные атаки и успешно исполнены многие свои атаки, командующий генерал отдал приказ полку отступить; в тоже время, он должен был по-прежнему прикрывать левое крыло. Я исполнил это движение позшелонно (en échiquier); во время этого отступления я, без сомнения, испытывал очень большие затруднения перед лицом значительно превосходящего неприятеля, и понёс чувствительные потери». Роос вспоминал, что «иностранный бригада» прибыла на помощь французам. «Прусские уланы теснили правое крыло русских; наши егеря действовали в центре, в то время как польские гусары защищали столбовую дорогу у имения и охраняли её для нашего отступления. Здесь мы впервые увидели направленные против нас луки со стрелами, большая часть которых, однако, не достигла цели».<sup>17</sup>

Платов сообщил, что во время боя «неприятельский кавалерийский полк под командою полковника с подкреплением батальона пехоты их сражался против картечных выстрелов наших и даже приближался к пушкам, не более как на шестьдесят сажен от оных, кои были в опасности, чему доказательством служит то, что артиллеристы и артиллерийские лошади были ранены неприятельскими пулями; а особливо если бы не подоспели два казачьих полка Мельникова 3-го - на пехоту, а Харитонов 7-го - на кавалерию во фланг неприятеля, где отличившийся во многих случаях неустрашимою храбростию подполковник Мельников 3-й, к сожалению, убит, но полк имени его не остановился; Харитонов же остановил поражением оный кавалерийский полк и командовавший им полковник с некоторыми подчиненными своими взят в плен». Наградной документ гласит, что Харитонов, «находясь с зве-



*М.В. Борисов. Вюртембергская кавалерия наполеоновских войн.*

*Слева-направо: рядовой 2-го лейб-шволежерского полка, 1809 г.;  
унтер-офицер драгунского полка Кронпринца, 1809-1813 гг.;  
трубач 3-го конно-егерского полка герцога Людвига, 1811-1812 гг.;  
офицер 4-го конно-егерского полка Короля, 1809 г.*







**Атаман М.И. Платов (1751-1818). 1810-е гг.**

ренным ему полком на право от центральной батареи нашей, когда неприятель стремился атакою на артиллерию и подошел уже на картечный выстрел, то он сделал на него во фланг сильный удар в дротики, опрокинул и прогнал оного, спас тем шесть орудий в опасности находившихся и поражая далее неприятеля разбил конно-егерской полк и взял в плен с офицерами и довольном числом рядовых того полка полковника графа, имя коего не известно».<sup>18</sup>

Речь идёт 3-м вюртембергском полке. По официальной версии, полковник Э.Т. Валдбург, «при столь большой пыли, которая едва позволяла видеть стоящего впереди, был потерян полком из виду и захвачен казаками в плен». Принявший командование подполковник фон Милькау так объяснил случившееся: «Время было сухое, вследствие отступления семи полков, которые ретировались впереди, пыль была столь большой, что невозможно было видеть, что происходило перед собой. Полковник граф фон Валдбург потерял полк из виду, он почти не имел с собой никого, кроме лейтенанта графа Гревеница, секунд-лейтенантов Финта и Хорнштайна, старшего трубача Хорлонера, унтер-офицера Хафнера, егерей Штюца и Фехлинимида; в один момент они были окружены двумя эскадронами казаков; наш командир имел несчастье упасть с лошади; несмотря на усилия тех, кто находился вместе с ним (и вследствие того, что лошадь тащила его



**Генерал-майор граф фон дер Пален (1778-1864)**

ещё много шагов) полковник попал раненым в руки противника, который был значительно сильнее». Хорнштайн храбро защищал своего командира и получил две серьёзные раны; также мужественно вёл себя егерь Штюц, тяжело раненный десятью ударами пик. Роос пишет, что фон Хорнштайн был смертельно ранен, Шенгаммер попал в плен по трусости.

Роос писал: «Полковника графа Валдбург-Вюрцаха при отступлении... постигло несчастье; его лошадь, перепрыгнувшая через бивачную веревку, зацепилась и упала, так что он вместе с подъехавшими к нему на помощь несколькими солдатами был ранен и взят в плен». В. Кёних со слов очевидцев вспоминал, что русские «напали на дивизию с началом дня столь внезапно, что она едва имела время выступить из своего лагеря и оказать им сопротивление. Вследствие этого лагерные канаты, растянутые по лагерю для привязывания лошадей, не могли быть более сняты, и теперь при отступлении через них упала часть личного состава, которая из-за этого попала в плен или пришла в беспорядок». Прусский историк уточнил обстоятельства этого пленения: «Основанием для этого послужила одна незначительная сама по себе небрежность. Утром при оставлении бивака егеря не взяли с собой фуражные верёвки, которые как обычно были растянуты между коновязными кольями, чтобы привязывать к ним лошадей; частые ложные тревоги дивизии заставили



их думать, что и на этот раз после напрасного дела они вскоре вновь возвратятся на бивак. Когда же вюртембергцы, во время своего отступления, были быстро оттеснены неприятелем через бивак, при большой пыли значительная часть, почти половина полка, упала из-за растянутых верёвок, и преследовавшие казаки взяли упавших в плен. Так часто на войне незначительный повод имеет пагубное действие».<sup>19</sup>

Пока дивизия вела бой на плато, «русские не отказывались от своего намерения захватить дефиле в тылу дивизии. Казаки летали роем вокруг [прусского] полка со всех сторон и тревожили взводы фланкёров, которые под руководством лейтенантов А. фон Вульфена и М. фон Гродзюки мужественно противостояли им. Иногда противник собирался, чтобы наброситься на сам полк, но при виде хладнокровного самообладания, с которым тот ожидал их атаки с пиками наперевес, постоянно отказывался от этого. Так бой длился несколько часов. Личный состав четвёртых взводов постепенно весь был рассыпан во фланкёры».

«Тогда с нашей стороны,- продолжает Платов,- со всех пунктов сделана на неприятеля сильная атака, простиравшаяся с фланга на фланг не менее полуторы версты, и неприятель совершенно опрокинут и преследован с большим поражением на двухверстное расстояние, а между тем по данному от меня известию подоспел ко мне в курс находившийся не в близком от меня расстоянии генерал-майор граф фон-дер-Пален с тремя гусарскими полками: Изюмским, Сумским и Мариупольским, которому поручил я дальнейшее преследование и поражение неприятеля, а сам по нездоровью моему остался на месте. Он его преследовал еще кроме прежнего до восьми верст».<sup>20</sup>

«Около полудня,- пишет прусский историк,- неприятель получил подкрепление, казаки умножались напротив полка от минуты к минуте; но любое отступательное движение улан могло повлечь величайшую опасность для дивизии. Слыша призывы своего храброго вождя, они сохраняли твёрдое самообладание. Когда бригады дивизии как раз собрались произвести отход через дефиле, и вюртембергский егерский полк уже пришёл в движение, чтобы поспешить на поддержку улан, неожиданно появился на возвышенности напротив них один неприятельский (красный) гусарский полк». Это был Изюмский полк, имевший красные доломаны, он превышал по численности пруссаков. Обе линии бросились друг на друга, но неожиданно русские осадил лошадей, и оба полка несколько мгновений стояли друг против друга примерно в 30 шагах. Русский командир, видный офицер, имевший прусский орден «За заслуги», прокричал майору Вердеру несколько слов. Находившийся рядом лейтенант В. фон Лупински, знавший по-русски, сказал, что эти слова являются вызовом майору.<sup>21</sup> Вердер принял его, и перед лицом обоих полков завязался упорный поединок между их командирами. Сильный удар русского соскользнул с плеча майора, который ударом сабли по голове свалил противника с лошади, и его



**Конный башкир**

тотчас взяли в плен. Из-за этой дуэли, которая привлекла взоры всех сражавшихся, в бою наступила короткая пауза. Когда русский упал, уланы с криком «Ура!» ринулись на неприятеля, который отступил и был преследован до возвышенности. Одновременно с этим лейтенант Хойдук с 13 уланами отразил казаков, которые пытались обойти левый фланг полка, причём сразил их командира. Тем временем дивизия Себастьяни прошла через лошину, и Вердер отказался от дальнейшего преследования неприятеля; в это же время русская батарея открыла сильный картечный огонь по пруссакам, которые начали отступление.<sup>22</sup>

Согласно русским наградным документам, ротмистр Изюмского полка П.Н. Рошанович «в первой атаке когда неприятельской и наш фронты остановились не далее десяти шагов друг от друга, поражая неприятеля своеручно, возбудил мужество колеблющихся нижних чинов, удержал фланги на месте до атаки ротмистра Лошкарева и потом гнал неприятеля с примерно храбростью своего эскадрона». Ротмистр А.С. Лошкарев «стройною и быстрою атакою на правый фланг неприятеля возбудил мужество в колеблющихся двух эскадронах и был примером в сей части жесточайшему поражению неприятеля, врубаясь сам первый в неприятеля». Вахмистр Глоба, «когда ротмистр

Стр. 26-27. А. Ежов. **Кавалерийский бой между 2-м Силезским уланским полком и Изюмскими гусарами в деле при Молевом Болоте** ▶









**Генерал К.Л. Бройнинг (1771-1812). 1808 г.**

Лошкарев был окружен неприятелем, то он врубившись изрубил своеручно нескольких человек, чрез что спас жизнь ему». Командующий полком майор А.Б. Розенбаум «примерно стройным движением своего эскадрона не допустил расстроенного неприятеля собраться и взяв неприятельские резервы в правый фланг остановил оный, чем и способствовал к вторичному поражению оногo». Вахмистр Пимонов «взял двух офицеров в плен и отличался примерным мужеством». Ротмистр этого полка Сташевский получил «жестокие рань» и был взят в плен.

Офицер Изюмского полка К. Мартенс, служивший прежде в прусской армии, вспоминал: «Наш полк наткнулся на отряд прусских улан второго Силезского полка. Стычка была тем ужаснее, что на дороге стояла пыль столбом, и мы сшиблись, не видя друг друга. Мы потеряли трёх офицеров и много солдат. Пруссаки также потеряли не мало людей. Этот уланский полк, которым командовал майор фон Блок, был единственным прусским полком, находившимся при Великой армии. Я лично знал почти всех офицеров этого полка. Можно себе представить, что я испытал, очутившись лицом к лицу с моими бывшими товарищами».<sup>23</sup>

«Тем временем,- пишет Обри,- почувствовав поддержку прекрасной русской кавалерии, которая находилась в резерве позади них, они [казаки] стали как бешенные и пошли стрелять в нас из пистолетов и атаковали нас в пики вплоть до наших рядов. Кроме того, прибыв на возвышен-

ность, которая доминировала над позицией, мы заметили пехоту и артиллерию, а наш полковник отсутствовал... Внезапно по нам начался огонь артиллерии и унёс у нас множество лошадей, в частности, лошадь капитана Рахе (Rascher), моего коллеги по эскадрону; тотчас один вахмистр спрыгнул вниз со своей лошади и посадил его наверх». В данном случае речь идёт о капитане Таше (Tascher), племяннике экс-императрицы Жозефины. В письме к своему другу Дюмону он сообщил: «Сражались, отступая крупной рысью. Я остался немного позади моего эскадрона и присоединился к нему, тесно сопровождаемый калмыками и казаками, когда залп артиллерии рассёк надвое бригадира Гилоза и убил мою лошадь. Я неизбежно был бы взят в плен или убит. Мируар подъехал отдать мне свою лошадь. Я ему отказал. Вахмистр Леклерк соскочил на землю, освободил меня, хотел отдать мне свою лошадь и в тот же момент был окружён неприятелем; я обязан жизнью и свободой героической самоотверженности моего земляка». Огонь вела 2-я рота донской конной артиллерии. Дежурный штаб-офицер корпуса Платова полковник И.Я. Шперберг «находился безотлучно» при атамане, но, когда «неприятельские кавалерийские колонны упорно стояли на правом фланге, то по распоряжению его, четыремя орудиями донской конной артиллерии отбиты, расстроены и в беспорядке Донскими полками опрокинуты». Урядники В. Богатырев и И. Андреев, «каждый из них своим орудием, поражая цельными и удачными выстрелами из картечи, наносили неприятелю великой вред».<sup>24</sup>

Между тем, бригада Бёрманна двигалась из Заозерья на юг. Помощник Бёрманна вюртембергский генерал К.Л. Бройнинг доносил: «8-го, когда 14-я бригада оставила Заозерье, где она размещалась для прикрытия лагеря французской кавалерийской дивизии Дефранса, и двинулась маршем

**Х.В. Фляйшман**





М.В. Борисов. **Вюртембергская артиллерия наполеоновских войн.**  
Слева-направо: канонир пешей артиллерии, 1807 г.; канонир гвардейской  
конной батареи, 1809-1813 гг.; штабс-капитан дворцовой конной батареи,  
1809 г.; барабанщик армейской пешей артиллерии, 1809-1813 гг.







**Р. Кнетель. Прусские уланы. Слева-направо: улан гвардейского эскадрона в парадной форме; офицер гвардейского эскадрона в парадной форме; уланы Бранденбургского полка в парадной и походной форме**

в Могильно, чтобы занять там пост, по приказу маршала герцога Эльхингенского, на нашем левом фланге послышалась оживлённая канонада. Шум, который быстро приближался, заставил нас предположить, не без оснований, что дивизия лёгкой кавалерии генерала Себастьяни, размещённая на дороге между Рудней и Инково, была сильно притеснена неприятелем. Бригада уже прибыла в Рудню, генерал Бёрманн решил тогда направиться на помощь этой дивизии». Лейтенант вюртембергского шволешерского полка № 1 В. Кёних, состоявший при Бёрманне ординарцем, вспоминал: «На марше утром 8-го мы вдруг услышали издали орудийные выстрелы. Генерал Бёрманн, который знал, что в двух часах впереди от Рудни у Инково располагался генерал Себастьяни со своей кавалерийской дивизией, к которой принадлежал наш егерский полк Герцог Луис № 3, и не имел никакой артиллерии, совершенно верно заключил отсюда, что он должно быть атакован русскими. Поэтому он тотчас отдал мне приказ отправиться насколько возможно быстро к полю боя и на пути туда, через интервалы выставлять четырёх человек, чтобы сообщить ему, верно ли его предположение».

Лейтенант вюртембергской батареи этой бригады Х.В. Фляйшман вспоминал: «8 августа в 9

часов утра, когда, как обычно, большая часть личного состава с одним унтер-офицером выехала заготовливать зелёный корм, мы услышали на удалении 3-х часов довольно оживлённый орудийный огонь. Он действительно приближался, когда оттуда прискакал французский офицер с приказом о том, что батарея должна немедленно выступить и рысью двигаться вперёд; кавалерийская дивизия Себастьяни подверглась нападению превосходящего противника с многочисленной артиллерией и была отброшена. Тут был дорог хороший совет: более половины личного состава и лошадей отсутствовало, будучи высланы на 1-2 часа пути. Наконец собрали 3 орудия и 2 комплекта повозки. Капитан выступил с ними, а я должен был остаться, чтобы собирать остальных и, как можно скорее, нестись вслед... Я выслал людей, чтобы привести к себе фуражиров; спустя 1 час они, наконец, собрались и я двинулся рысью с 3 пушками».<sup>25</sup>

«Иностранная бригада», - пишет Роос, - «ослабленная большим количеством больных, не могла долго устоять против возобновившегося натиска русских, далеко превосходивших нас числом и силой. Новым нападением они заставили наш отряд отступить. Отступали сначала сомкнутыми рядами, но этот порядок продолжался недолго, потому что русские своими быстрыми натисками опрокинули нас и заставили обратиться в бегство». По словам Обри, «решились тогда снова перейти мост, находившийся недалеко у нас позади. Отступление совершалось с небольшим беспорядком». Историк прусского полка пишет: «Полк начал отступление в лучшем виде, с поочерёдно меняющимися эшелонами; оба силезских эскадрона под командой ротмистра фон Блаха составляли один, бранденбургские другой эшелон. Противник... не только обстрелял отходящий полк, но и напирал столь сильно, что эшелоны перед каждым своим отходом должны были отгонять его коротким ударом. Генерал Себастьяни сам встал во главе одной атаки, произведённой силезскими эскадронами», и позднее хвалил храброе поведение пруссаков. По словам Монбрёна, «дивизия Себастьяни, хотя и очень утомлённая, показала неприятелю в течение этого дня, что нельзя гнаться за храбрыми людьми безнаказанно. Генерал Себастьяни был сбит с лошади и передал мне управление, чем я не пренебрёг; мы понесли большие потери; но они были необходимы для чести оружия императора... Неприятель должен понести значительные потери, один полковник взят в плен, а другой убит. Мы часто брали пленных, но неприятель постоянно забирал их у нас назад». «Неприятель», - сообщил Платов, - «ретировался бегством к стороне местечка Рудни до находящейся по дороге к оному местечку довольно большого числа пехоты и пушек его пока шедший оттоль на защиту остатков своих неприятель начал палить из пушек, чем и кончилось сражение».

Тем временем лейтенант Кёних пытался отыскать отступающую дивизию. «Так как я не знал, где находится дивизия, - пишет он, - а орудийный





**Д. Доу. Генерал К.Ф. Толь (1777-1842)**

огонь не был безошибочным проводником там, где дороги разбегаются под острым углом – так что следовали в противоположном направлении – то я был в таком состоянии, что сомневался, какую из двух дорог мне следует избрать, когда я увидел облако пыли, приближающееся ко мне, причём по той из двух дорог, которую я не считал за правильную. Тут я поскакал напрямик через поле и наткнулся на офицера, спешившего с повозкой обратно от поля боя. Сообщив этому подъехавшему полковнику одного гусарского полка свой приказ, я спросил, как обстоят дела. «В данный момент Вы сами можете это видеть», и едва он это сказал, на нас двинулся один из полков, отброшенных русскими, и полковник направился вперёд, чтобы его встретить. Теперь я велел сообщить назад, что дивизия находится в полнейшей ретираде и преследуется русским, которые более чем вдвое сильнее её...

Генерал Бёрманн решил, вероятно, из-за продолжавшегося и приближавшегося грома орудий, не дожидаться прибытия моего сообщения и рысью и галопом прискакал на поле боя. Он выстроил свои 3 полка в боевой порядок в одну линию, чтобы этим внушить противнику больше уважения, так как из-за покатой местности невозможно было увидеть, что позади нашей линии не стояло никаких войск. Мне он приказал немедленно привести сюда конную батарею под командой капитана фон Брайтхаупта, принадлежавшую к нашей бригаде, выстроиться на одном возвышенном пункте и открыть огонь по русским».<sup>26</sup>



**Дивизионный генерал Белльяр (1769-1832)**

Сам Бёрманн сообщил: «Я направился с моей бригадой и шестью пушками на помощь дивизии генерала Себастьяни, которая была очень сильно теснима неприятелем. Я присоединился к ней в два часа впереди Рудни и очень вовремя, так как она отступала уже на протяжении двух льё, преследуемая шестью пушками, около 6000-7000 человек кавалерии и многими батальонами пехоты; а местность становилась более выгодной для кавалерии; присутствие моих войск принесло большую пользу этой дивизии, которая без этого неизбежно была бы охвачена с флангов многочисленной кавалерией неприятеля, движение которого я стремительно остановил хладнокровием моих войск и с помощью моей роты лёгкой артиллерии, каковая, проявив храбрость, выскочила заглушить огонь неприятельской артиллерии, и вынудила его к отступлению. Тем самым было остановлено общее атакующее движение со стороны неприятеля, а мне дано время произвести возвратное движение в наилучшем порядке или, лучше сказать, как на поле парадных манёвров. Тем не менее, было проведено множество атак повзводно и позкадронно для поддержки стрелков, которых, время от времени, теснило множество неприятельских стрелков. На моей последней позиции в одном льё от входа в Рудню они полностью оставили меня и заняли позицию в двух льё от меня, прикрывая дорогу на Смоленск через Лешню». Батальон 24-го полка, который шёл с бригадой, Бёрманн «оставил в Рудне в распо-





**Казаки.** Акварель начала XIX в.

*ряжении генерала Жангу, не считая местность подходящей для малого числа пехоты».*

Бисмарк со своим эскадром 2-го Лейб-швоберского полка находился во главе бригады и, следуя рысью, вырвался на 2000 шагов вперед.



**Вюртембергская кавалерия, 1810 г.**

Когда он хотел обогнуть край леса, ему навстречу явились в беспорядке и диком бегстве полки генерала Себастьяни. Бисмарк приказал эскадрону, двигавшемуся в открытой походной колонне, принять в сторону, чтобы не быть смятым, остановился и сформировал плотно сомкнутую толпу, которая образовала фронт со всех сторон. В этом своеобразном построении он стоял и ожидал приближавшихся донских казаков. Казаки изумились такому странному построению, но вскоре пришли в себя и окружили эскадрон. Тщетно пытались они пробить его своими пиками. Один храбрец бросился на Бисмарка, но пистолетный выстрел сразил его. «В этот момент вюртембергская конная батарея (стоявшая с бригадой позади на позиции) открыла действительный огонь, который отвлек внимание противника. Воспользовавшись этим, Бисмарк повернул со взводами, которые легко нашли свой строй, и галопом добрался безо всяких потерь до бригады, которая встретила его радостным Ура (*Lebehoch!*)!».

Генерал Бройнинг так описал этот бой: «Продлав марш в одно льё по дороге на Инково, мы нашли дивизию Себастьяни в полном отступлении, сильно стеснённую огнём по меньшей мере шести орудий, а также роем из шести-семи тысяч гусар и казаков, за которыми следовала сильная колонна пехоты. Мы тотчас развернулись; благодаря нашему вмешательству, дивизия смогла отойти, мы прикрыли её отступление, хладнокровно остановив многочисленные атаки; после того, как наша батарея под командованием капитана Брайтхаупта открыла огонь, пыл неприятеля, который нас преследовал, начал убывать, мало-

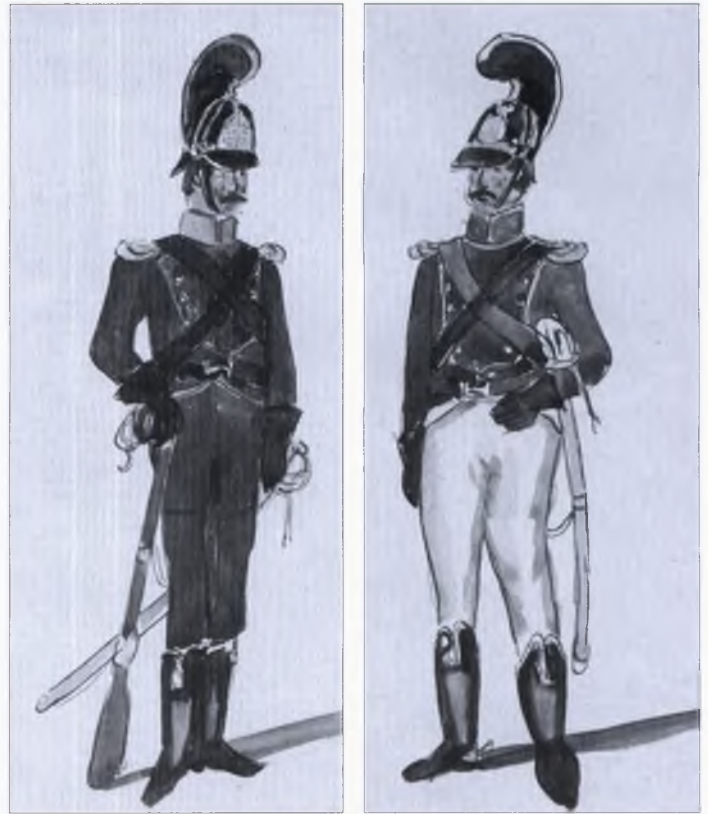


помалу он стянулся, особенно когда две его пушки были подбиты огнём нашей батареи, а другие вынуждены были замолчать». Кёних вспоминал: «Первый выстрел, произведённый батареей, ударил в середину русской колонны, как мы ясно видели сквозь разъезжающийся личный состав, и с первым выстрелом русским, кажется, было приказано остановиться, так как вскоре наступил перерыв в их движениях. Наша артиллерия и показавшаяся на возвышенности в тылу дивизии Себастьяни линия наших трёх полков указали им, что подошло подкрепление».

С русской стороны огонь вели орудия 2-й конно-артиллерийской роты капитана П.И. Цвиленева, который, «командуя половиною роты..., сбил фланг неприятельской линии и во время преследования неприятеля держался с самыми передними казачьими полками, поражая одного». Оба вюртембергских шволежерских полка «только оборонялись и ничего более» не делали, они «выдерживали с величайшим спокойствием канонаду неприятеля, которая вначале была очень сильной».

Правда, по словам Бисмарка, 1-й шволежерский, 4-й конно-егерский (французский) полки и эскадрон Лейб-шволежер преследовали противника до леса, изрубив немало гусар и казаков. Тем самым эскадрон Бисмарка получил время перестроиться и вернуться к полку, вся потеря которого состояла в 2 убитых и 2 раненых лошадей. Кёних уверял, что «из каждого полка тотчас было послано в бой по одному эскадрону с тем, чтобы дивизия проскакала через нас и смогла позади нас выстроиться и привести себя в порядок. После того как мы таким образом приняли бой, и русские около 1 часа продолжали стоять, с нашим появлением сила их атаки ослабла, и они отступили, не преследуемые нами. Когда всё закончилось, из Рудни явилась в полной помаде (in aller Potade), то есть шагом, дивизия кирасир, которая ещё спокойно готовила еду, когда я проскакал через её лагерь, спеша на поле боя». Бройнинг похвалил Брайтхаупта, который проявил «хладнокровие и твёрдость в этом деле». «Русские были уже остановлены,- вспоминал Фляйшман,- когда я присоединился к трём первыми орудиями, только ещё велась слабая орудийная перестрелка с обеих сторон. Вскоре после этого противник медленно отступил, и когда мы его потеряли из виду, мы также начали производить свой отход. Вечером в 4 часа мы опять возвратились в Рудню». Согласно рапорту Брайтхаупта, его батарея, «находилась в огне с 11 часов утра до 3 часов пополудни; она выстрелила 77 гранат и 85 шестифутовых ядер».<sup>27</sup>

Платов пишет: «Генерал-майору графу Палену, по уведомлении его, дал я приказание мое остановиться и далее не подвергать войска опасности; дождавшись же ночи, отступил к деревне Лешне, оставя на том месте, где кончилось преследование неприятеля, извещательную заставу, что им и исполнено». По словам Чуйкевича, «неприятеля преследовали до дерев[ни] Залозья, в 5-ти верстах от Рудни». К. Толь донёс, что «генерал Пла-



**Егерь и офицер вюртембергских конных егерей. Акварель н.х. начало XIX в.**

тов остановился в дер[евне] Кастрице, а войско по Рудненской дороге - за Лешнею. Авангард графа Палена немного позади его». По словам Монбрёна, «русские остановились в одном льё впереди Лешно». Сам он отступил на правый берег Березины и расположил дивизию в полулье от Рудни, где находилась 2-я кирасирская дивизия и бригада пехоты генерала А.Т. Жангу. Бригада Бёрманна заняла позицию «напротив и справа от Рудни позади реки» у Микулино, где стояла 4-я кирасирская дивизия. Бригада Мурье стояла в Любавичах, имея один полк в Елисеевке.<sup>28</sup>

«Неприятель потерял,- пишет Платов,- большое количество, ежели не больше, то по крайней мере половину кавалерийского корпуса его, из пехотного же полка осталось не более ста человек и те спаслись кустарниками. В плен взят полковник полка конноегерского, подполковник гусарский, майор один, обер-офицеров семь, разных полков унтер-офицеров и рядовых еще не сочтено, но полагаательно, что будет более трех сот человек. Неприятель пардона не просил, войска Российские..., быв разъярены, кололи и били его». Чуйкевич сообщил, что «дело было прежаркое, продолжалось часов 7-мь. Семь казачьих полков и Донская конно-артиллерийская рота были все в деле и Изюмский гусарский полк». У противника же «почти весь 2-й резервный кавалерийский корпус был в деле. Командовал сам генерал Монбрюн, генералы: Себастиани, Берман и другие также находились. В дело введены были сначала 3 французских, 5-й, 9-й и 7-й гусарские, Виртембергский Легкоконный и уланские Прусский и Варшавский. Потом у Рудни подоспело еще 3 полка кавале-





Л. Киль. **Донские казаки.** Современный рисунок

рии, конных егерей и один кирасирской дивизии генерала Себастьяни, с 4-мя орудиями артиллерии. 24-й полк легкой пехоты один только был в деле. У неприятеля взято в плен 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор и 8 обер-офицеров, рядовых разных полков до 300». Толь со своей стороны уточнил, что в деле были 4-й, 10-й и 12-й конноегерские полки, а потери неприятеля составляют 400-500 пленных.<sup>29</sup>

Неприятель тоже кое-что узнал о русских. Монбрён послал Бельяру «показание одного капитана, взятого нами в плен, которое может заинтересовать Его Величество». Текст этого допроса гласил: «Ст\*\*\*, капитан русского гусарского полка, говорит, что имелось двенадцать полков казаков и два полка гусаров Изюмский и Сумской и 24 орудия казачьей лёгкой артиллерии, всем командовали генералы Дорохов и Платов. Он говорит, что русские войска в числе 200000 человек, которые находились в Смоленске, получили приказ выступить 6-го [числа] этого месяца, чтобы идти атаковать нас сегодня и последовательно до Витебска и Варшавы. Сила неприятеля сегодня была, как он говорит, 10000 человек кавалерии». Бельяр же понял дело так, что показания дал пленённый в поединке русский «старший офицер» (казачий полковник) и переслал их Мюрату, прибавив, что «этот офицер будет послан к императору генералом Монбрёном». Нею он написал, что «пленный офицер сказал, что следует быть настороже, и что возможно этой ночью нас потревожат».<sup>30</sup>

Данные о потерях сторон в бою неполные. Таше считал, что его «дивизия силой в 2000 коней

потеряла 600». По словам историков, Себастьяни потерял 200-300 чел. (Р. Дюпюи), около 500 чел. (Л. Пикар), а Дж. Нафзигер определил потери в 300 чел. убитых и раненых и 300 пленных. Потери батальона 24-го полка составили около 200 чел. убитыми, ранеными или взятыми в плен.<sup>31</sup>

Толь написал Барклаю, что «в сем деле казаки особо отличились и смею доложить, что во всякое время опрокидывали неприятеля».<sup>35</sup>

В 6 часов вечера Бельяр сообщал Мюрату из Рудни о случившемся: «Если этот день и не был удачным, Сир, он не был менее славным для войск императора. Две тысячи кавалеристов сражались с шести часов утра до двух часов пополудни против десяти-двенадцати тысяч человек, поддержанных восемнадцатью орудиями и двумя полками пехоты, как об этом говорят некоторые офицеры, но генерал Монбрён говорит, что не видел». Дивизия Себастьяни «сражалась с невероятной храбростью - выше всяких выражений; она проделала своё отступление в наилучшем порядке, встретив и отразив от сорока до пятидесяти атак; в течение получаса имела место рукопашная, и дивизия в течение пяти часов проделала отступление в четыре-пять льё... Генерал Монбрён и генерал Себастьяни, которые храбро руководили своими войсками, очень расхваливают все полки; они соперничали в горячности, рвении и храбрости. 9-й гусарский, 11-й и 12-й шассерские, также как прусские и польские уланы и вюртембергцы поистине покрыли себя славой». В посткриптуме Бельяр прибавил: «Имел место поединок перед двумя полками между полковником казаков



**Потери русских войск<sup>32</sup>**

полк	убитые	раненые
Атаманский	1 офицер, 7 казаков	7 офицеров, 29 казаков
Мельникова 3-го	полковник, 1 казак	1 офицер, 11 казаков
Денисова 7-го	1 офицер, 1 казак	13 казаков
Грекова 18-го	4 казака	1 офицер, 24 казака
Иловайского 5-го	3 казака	1 офицер, 11 казаков
Харитонов 7-го	1 казак	1 офицер, 5 казаков
Симферопольский татарский		5 казаков
Изюмский гусарский	1 офицер	1 офицер

**Потери неприятеля**

полк	убитые	раненые	пленные
11-й конно-егерский		3 офицера	
12-й конно-егерский	1 офицер	полковник	
5-й гусарский	2 офицера, 1 солдат	1 офицер, 1 солдат	шеф эскадрона
9-й гусарский		2 офицера	
Прусский уланский	1 офицер		1 офицер
3-й вюртембергский	6 солдат	1 офицер, 14 солдат	2 офицера, 11 солдат. <sup>33</sup>
24-й лёгкой пехоты	1 офицер, 1 солдат	1 офицер, 7 солдат	2 офицера
14-я бригада:			
4-й конно-егерский	1 офицер		
1-й вюртембергский	2 солдата	2 солдата	
2-й вюртембергский		2 солдата	
Всего		300 чел.	11 офицеров, 300 чел.

и командиром пруссаков. Полковник казаков был ранен и взят в плен; полковник был приведён и допрошен... Этот офицер будет послан императору генералом Монбрёном». Вернувшись в Матушево, Бельяр в 23 ½ часа сообщил эти же сведения Нею: Себастьяни имел всего 2000 чел., но его «дивизия покрыла себя славой; она потеряла многих, но, к счастью, она не потеряла самообладания... Один батальон III-го корпуса творил чудеса, он оказал наивеличайшие услуги и заслужил быть вознаграждённым». Явно по наущению Монбрёна, Бельяр прибавил: «Жаль, господин герцог, что бригада Бёрманна не смогла этим утром остаться на своей позиции и выступить по дороге в Инково. Её уход повредил всему нашему левому флангу, и генерал Монбрён был обеспокоен в течение некоторого времени».<sup>36</sup>

Действительно, Монбрён высказал Бельяру недовольство поведением командира 14-й бригады из корпуса Нея: «К сожалению, генерал Бёрманн получил приказы, которые отозвали его на смотр и воспрепятствовали ему исполнить то, что я передал ему через генерала Дефранса; несомненно, если бы он выступил этим утром на Инково, как я полагал, он тогда прикрыл бы мой левый фланг, побеспокоил бы неприятеля, отвлек бы значительную его часть и моё отступление не было бы столь тяжёлым». Вечером Бёрманн получил от Монбрёна приказ возвратиться на позицию у Заозерья, чтобы прикрыть дивизию Ж.М. Дефранса, но тот отказался, сославшись на усталость своих лошадей. «Хотя генерал Бёрманн не хочет повиноваться моим приказам,- написал Монбрён Бе-

льяру,- я их ему повторил письменно, чтобы он возвратился на свою позицию, которая будет этим вечером защищаться только дивизией Дефранса». Бёрманн же в рапорте Нею из Рудни в 20 ½ часов возражал против этих упреков: «Я должен сказать, Ваше Сиятельство, что, несмотря на то, что генерал Монбрён настаивает, что я не оказал больших услуг, я полагаю, тем не менее, что весьма поспособствовал тому, что батальон 24-го [полка] из дивизии Себастьяни не претерпел той же участи, что рота вольтижеров из этого батальона, которая ещё до моего прибытия была захвачена двумя или тремя тысячами казаков... Мои лошади очень измучены, я занял на эту ночь позицию напротив и справа от Рудни позади реки. Я ограничился посылкой лишь одного эскадрона в Могильно, куда я отправлюсь завтра, согласно контр-приказу Вашего Сиятельства».

В этом бою особенно отличились прусский и вюртембергский полки. «Наша иностранная бригада вела себя в тот день великолепно»,- признавал Обри. Генерал Ж. Сюберви выдал специальное «свидетельство» командиру вюртембергцев, где, в частности подчеркнул: «Ваш полк сегодня покрыл себя славой. Его поведение доставило ему похвалы за заслуги». Генерал просил «передать комплимент всем вашим офицерам, которые проявили величайшее спокойствие и общее мужество»; он обещал сделать всё возможное, чтобы обменять полковника Валдбурга. Историк прусского полка пишет, что отныне «генералы Сюберви, Себастьяни и Монбрён оказывали командиру всяческое внимание и рассыпались в похвалах за





**Офицер Изюмского гусарского полка**  
Акварель н.х. начало XIX в.

успехи его полка». Некоторые рассматривали это дело не как поражение, а как тяжёлое, но героически проведённое отступление. Лейтенант вюртембергского полка Х.А. Фосслер записал в дневнике: «Такой отход, какой мы вынесли в этом случае можно рассматривать почти как победу. Несмотря на своё огромное превосходство, неприятель не имел никакого времени, чтобы разорвать наши ряды».

Но иные рассматривали это дело как поражение. По мнению генерала К. Пажоля, дивизия «потерпела тяжёлую неудачу. Генерал Себастьяни был захвачен врасплох казаками Платова. Эта неудача не имела последствий сначала потому, что Монбрён поспешил со всем своим армейским корпусом, затем потому, что Платов получил сообщение, что русская армия не продолжит его атаку». 9 августа к Богарнэ возвратился от Мюрата его адъютант шеф эскадрона Ш.А. Лабедуайер. Он подтвердил новость о нападении русских на дивизию Себастьяни, о потерях кавалерии и храб-



**Гусар Сумского полка**  
Акварель н.х. начало XIX в.

рой вольтижёрской роты 24-го полка. Все офицеры «прибавляют также, что без храбрости и неустрашимости прусских улан наши потери были бы гораздо более значительными. В этом случае они порицали генерала Себастьяни; но наибольшее их число перекладывали вину на генерала Монбрёна, который, хотя и был проинформирован о превосходящих силах неприятеля..., не прислушался ни к одному рапорту». Лейтенант Кёних вспоминал: «Вечером я сопровождал генерала Бёрманна, который посетил генерала Себастьяни, и был свидетелем, как последний неоднократно самым любезнейшим образом благодарил его за оказанную помощь, без которой он, при большом превосходстве русских, наверняка был бы уничтожен. Он язвительно жаловался на то, что его выдвинули так далеко вперёд без поддержки в своём тылу». Кёних был согласен с этими претензиями к высшему командованию.<sup>37</sup>

Захваченные русскими пленные дали ложные показания о том, что Наполеон находится в По-





Гравюра И.П. Жазе по рисунку А.И. Зауервейда. **Казачи.** 1810-е гг.

речь. Шеф эскадрона Сен-Перн сказал Толю, «что в Рудне корпус генерала Монбрена в 15000 кавалерии, что Наполеон с гвардией выступил из Витебска и вероятно вскоре соединит всю свою армию». Чуйкевич предположил, что Наполеон находится в Поречье. Всё это ещё более убедило Барклая в правильности предпринятых им действий о переводе 1-й армии на Поречскую дорогу. Правда, полковник Валдбург «сообщил, что о приближении нашем они не имели известия и на то особенных распоряжений не сделано, равномерно в других корпусах никаких движений не происходит». Следовательно, заключил А.П. Ермолов, «еще обстоятельства благоприятствовали нам, если бы главнокомандующий тверд был в намерении. Поражение при Лешне, конечно, пробудило неприятеля, но близки были новые ему удары и кратко время для избежания их. Главнокомандующий не только отклонился от исполнения условленного плана, но и переменял его совершенно».<sup>38</sup> Но Барклай из показаний пленных воспринял лишь то, что подтверждало его уже принятое решение.

«Наше несчастье,- вспоминал Роос,- совершенно лишило генерала Себастьяни той незначительной любви, которую некоторые из нас к нему питали». По словам Био, Себастьяни, павший духом от этого поражения и имевший дурные отношения с Монбрёном, просил освободить его от командования. Оба генерала обвиняли друг друга в этой неудаче. Себастьяни несколько раз сообщал о концентрации русских войск перед фронтом своей дивизии, но Монбрён не

посчитался с этими донесениями. Приказом от 9 августа командование дивизией было передано генералу Пажолю, который был одновременно произведён в дивизионные генералы. Пажоль получил известие об этом в Дубровне 10 августа, а в Рудню прибыл 11-го. Правда, Таше записал в дневнике, что из-за неприятностей с Монбрёном Себастьяни уехал из Рудни 12 августа, а Пажоль прибыл туда 13-го.

Анализируя этот бой, Ж. Фабри отметил следующие странные моменты. Употребление, которое Бёрманн дал своему батальону, отослав его в Рудню, является странным из-за приведённых им резоннов; он обнаруживает редкое незнание употребления пехоты, ибо этот род войск пригоден для любой местности, потому что единственный в состоянии сражаться сам по себе. Вопреки заявлениям французов, русская пехота в этом бою не участвовала. Непонятно, на чём основывал Монбрён своё заключение, будто атаки Платова имели целью замаскировать некое отступательное движение русских. «Французская кавалерия,- считал Фабри,- потеряла всякий контакт с русской армией, которая смогла оставить Смоленск так, что император об этом не догадывался. Маловероятно, чтобы русские пришли атаковать французские аванпосты со столь большими силами в момент своего отступления... К тому же сведения, добытые у пленного офицера, сводили к нулю такое объяснение ситуации. Одним словом, кавалерия Себастьяни была застигнута врасплох, она едва не была охвачена с флангов, и своим спасе-





**Генерал Донского войска, 1809-1812 гг.**  
из "Историческое описание одежды и  
вооружения..."

нием была обязана самоотверженности пехоты, которая, как всегда, жертвует собой для неё». По словам Монбрёна, он хотел снова занять позицию у Лешно, но оставление Заозерья бригадой Бёрманна заставило его перейти через р. М. Березина. Здесь имел место явный конфликт между двумя генералами». На ком лежит вина? Должен ли был Монбрён подчиняться приказам маршала Нея, а Бёрманн - приказам Монбрёна?

Нам не следует оценивать поведения Наполеона, но достоверно и бесспорно одно: в течение 8 дней все генералы пытались выяснить, кому им подчиняться, но никакого приказа не было дано; не было создано единого командования для кавалерии, выдвинутой далеко вперёд. У французов не было сведений о том, что делает 120000 русская армия. Неясно, почему пехота, размещавшаяся в Рудне, не выступила на помощь отступавшей кавалерии? Она безусловно имела для этого время. Почему Ней не возвратился в Рудню, как это сделал Бельяр? В целом, невозможно найти такого боя, где руководство было бы более плохим. И так будет всегда, пока командование будет пред-



**Офицер и урядник Донского войска,**  
**1809-1812 гг.** из "Историческое  
описание одежды и вооружения..."

почитать хорошие кантонир-квартиры вместо размещения в первой линии, чтобы оставаться в контакте с аванпостами.<sup>39</sup> При этом Фабри повторил едкие замечания пруссаков о недостатках в организации службы охранения во французской армии, что, впрочем, признавал и генерал А. Колленкур. «Наши солдаты дрались вообще хорошо, - писал он, - но охраняли себя очень плохо. Нет другой армии, где разведочная и патрульная служба находились бы в большем небрежении. Наступает ночь, размещают кое-где несколько караульных постов, чтобы иметь время вскочить на коней, если подойдет неприятель, но о том, чтобы прикрывать части, находящиеся позади или рядом, не думает никто».<sup>40</sup> Отрицательно сказались и противоречия между французскими начальниками на поле боя. «Наши генералы Монбрён и Себастьяни, - пишет Обри, - проявляли нерешительность в том, что они делали. Между ними имела небольшая зависть, как низшего командира к высшему». Таше даже считал, что «разногласие генералов было единственной причиной нашего разгрома».<sup>41</sup>

#### Примечания

<sup>1</sup> Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812. Ч. I // Труды МО ИРВИО. Т. IV. Ч. 1. М., 1913; Вяликов В.И. Документы ЦГВИА о первой Смоленской операции

русских войск в 1812 г. // Труды московского государственного историко-архивного института. Т. V. М., 1954. С. 130-133. Признавая заслуги Поликарпова как публикатора документов, следует за-



метить, что он позволял себе слегка, “по мелочам” поправлять источники.

<sup>2</sup> Fabry G. Campagne de Russie. Т. III. Paris. 1902; Goltz G.F. Geschichte des königlich preussischen dritten Ulanen-Regiments... Fürstenwalde. 1841; Guretzky-Cornitz H. Geschichte des 1. Brandenburgischen Ulanen-Regiments... Berlin. 1866 (использованы дневник лейтенанта М. фон Гродзки и записки лейтенантов А.А. фон Вильдовски, В. фон Лупински 2-го, фон Штюльпнагеля); Aubry J.T. Souvenirs du 12-e chasseurs. Paris. 1889; Fleischmann Ch.W. Denkwürdigkeiten eines württembergischen Offiziers aus dem Feldzuge im Jahre 1812. Berlin. 1892; König W. Aufzeichnungen // Hildebrand B. 1812. Drei Schwaben unter Napoleon. Russlandberichte eines Infanteristen, eines Leutnants, eines Generals. Aalen, 1967; Dupuy R. Historique du 12-e régiment de chasseurs de 1788 à 1891. Paris, 1891 (использованы записки капитана Т.Ж. Обри и су-лейтенанта Г. Дюка); Baye J. Smolensk... Paris. 1912. P. 180-81; Поос Г. С Наполеоном в Россию. СПб., 1912.

<sup>3</sup> 9 января 1812 г. командиром этой дивизии был назначен генерал П. Ватье, граф де Сент-Альфонс. 26 июня ему было приказано произвести разведку от Ст. Кейтовишек к Нов. Трокам. Ватье выслал для этой цели 7 отборных рот во главе с полковником Дезира. Они были разбиты русским арьергардом, потеряв 15 чел. убитыми и 5 пленными. Рассерженный Наполеон приказал Мюрату переменить командиров дивизий. 29 июня Мюрат донёс императору: “Сир, я провёл смотр в дивизии Ва-тье, которую я нашёл силой в 4000 лошадей. Это не значит, что она также хороша, как дивизия генерала Брюйёра; люди и лошади совсем не в лучшем состоянии; однако 11-й и 12-й шассерские и 9-й кирасирский [полки] показали мне достаточно хорошими; в целом лошади кажутся утомлёнными. Эта дивизия не получила ещё своей артиллерии, она имеет большое число вакантных офицерских мест, которых следует немедленно назначить. Эта дивизия оставила позади 300 лошадей после переправы через Неман; но те, кто её составляют, показали мне воодушевлёнными наилучшим духом”. На место Ватье Мюрат назначил Себастьяни, 2-я кирасирская дивизия которого была передана Ватье (Aubry. 151-54; Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. Paris, 1901. P. 19-20; Fabry G. Campagne de Russie. Т. I. Paris, 1900. P. 37, 45-47, 49, 60-62; Guretzky-Cornitz. 43; Поликарпов. 58-59).

На 3 августа при дивизии числилась 6-я рота 4-го полка конной артиллерии, но она не показана ни на одной переключке (Fabry. II. 313, 365; III. 105, 359) и не упоминается в мемуарах. По словам Кёниха, «так как дивизия состояла из шести полков, то при тогдашнем их уже очень ослабленном состоянии, она имела самое большее 3000 человек, без артиллерии» (König. 128).

<sup>4</sup> Fabry. II. 370; III. 9-10, 193-94. В середине июля капитан Ю.Х. Залуский приехал в лагерь Себастьяни у Друи. «Я нашёл этого последнего,- вспоминал он,- раздетым до сорочки и отдыхающим на походной кровати посреди комнаты постоялого двора, драпированной зелёной тканью, и натирающим берцовые кости! Поражённый до изумления этим зрелищем, я начал всерьёз опасаться за его авангард и за него лично» (Zaluski J. Les chevau-légers polonais de la garde dans la campagne

de 1812 // Carnet de la Sabretache. 1897. P. 489). Залуский ошибочно принял увиденную им картину за проявление сибаритства генерала и его излишней беспечности, хотя причина, как мы понимаем, была в другом.

<sup>5</sup> Таковым в дивизии являлся младший инспектор смотров Барбро (Barberot).

<sup>6</sup> Guretzky-Cornitz. 60-62; Поос. 25-27; ВУА. XIV. 251, 252; Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 86.

<sup>7</sup> Поликарпов. 224.

<sup>8</sup> Aubry. 160; Baye. 180; Fabry. III. 271; Vossler H.A. With Napoleon in Russia 1812. London, 1969. P. 54; Historique du 24ème régiment d'infanterie légère // Vieillot R. Souvenirs... Luneray. 1996. P. 345. По словам пруссаков, Себастьяни из-за этого отвёл дивизию из Инково к деревне Zalesie Cierkiewna (?), примерно на полпути между Инково и Рудней (Guretzky-Cornitz. 62-63).

<sup>9</sup> Fabry. III. 358-60, 363-64. 410, 413. Picard. II. 98; Капитан Ю. Био пишет, что у Сен-Перна “военная репутация была весьма сомнительной. Его полковник даже пошёл на то, что в присутствии генерала Монбрёна [обещал] выдать патент за малодушие этому шефу эскадрона, когда он его пожелает; он заслужил его за то, что несколько раз оставлял свои войска при атаках, сам не следуя с ними” (Biot. 45; Исторический вестник. 1900. № 5. С. 660).

<sup>10</sup> Fabry. III. 361-62; König. 128.

<sup>11</sup> Fabry. III. 410-11, 414-15, 417, 418; ВУА. XIV. 266; Поликарпов. 224-25; Богданович. I. 212.

<sup>12</sup> Guretzky-Cornitz. 63; Fabry. III. 415; Tascher M. Journal de campagne d'un cousin de l'impératrice. Paris. 1938. P. 304; ВУА. XIV. 267; Поликарпов. 225.

<sup>13</sup> Guretzky-Cornitz. 63; ВУА. XIV. 267, 252-53; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4 об., 5, 5 об., 7; Поликарпов. 225, 227, 228.

<sup>14</sup> Guretzky-Cornitz. 63; Aubry. 160; Baye. 180; Tascher. 304; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4-4 об., 5, 7; Поликарпов. 225-28.

<sup>15</sup> Fabry. III. 415-17; Langlois. 6; Historique du 24ème régiment. 347; Aubry. 161; Baye. 181; Guretzky-Cornitz. 67.

<sup>16</sup> Biot. 21; Guretzky-Cornitz. 63-64; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4 об., 5 об.; Поликарпов. 228. К. Клаузевиц сообщил, что “Барнеков, действуя с казаками, отличился своим мужеством и получил орден. У него не опасная рана: прострелена нога” (Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 211-14, 223).

<sup>17</sup> Fabry. III. 416, 417, 418; Aubry. 161; Baye. 180; Pfister A. Aus dem Lager des Rheinbundes. Stuttgart-Leipzig. 1897. S. 73.

<sup>18</sup> Поликарпов. 226, 227-28; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4.

<sup>19</sup> Fabry. III. 418-19; IV. 522; Поос. 30; Roos. 51; Martens. 89; König. 129; Guretzky-Cornitz. 67; Miller M. Darstellung des Feldzuges der französischen verbundenen Armee gegen die Russland im Jahr 1812... Th. I. Stuttgart-Tübingen. 1822. S. 42-43; Vossler. 54-55; Felder R.M. Der schwarze Jäger. Th. II. Stuttgart. 1839. S. 212-13; Gerhardt O. Die Württemberger in Russland 1812. Stuttgart. 1937. S. 45; Поос. 29-30.

<sup>20</sup> Guretzky-Cornitz. 64-65; Поликарпов. 226-27.

<sup>21</sup> Био уточняет, что «русский полковник поносил



майора, который командовал прусскими уланами, сказав ему, что он не является настоящим человеком чести, если носит, как и он, орден святого Владимира, а сражается против русских; он кончил даже вызовом» (Biot. 21).

<sup>22</sup> Guretzky-Cornitz. 65-66. После сражения Вердер поручил лейтенанту фон Штюльпнагелю узнать о судьбе пленного офицера, которого увезли в Рудню. Оказалось, что удар по голове ничего серьёзно не повредил, но только оглушил противника, отчего тот и упал с лошади.

<sup>23</sup> РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 6 об., 7-7 об.; Поликарпов. 228-29; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 37. Вильна, 1912. С. 12; РС. 1902. № 1. С. 112.

<sup>24</sup> Aubry. 160-61; Baye. 180-181; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 5 об., 6 об.-7; Поликарпов. 228. "Офицеры полка и всей дивизии, даже сами генералы восхищались этим поступком. Ему обещали крест", - писал Таше. Тревожась о его судьбе, он на другой день отправил ему через парламентёра 25 луидоров, но ничего о нём больше не слышал (Tascher. 304-305; Britten Austin P. 1812. The march on Moscow. London. 1993. P. 168, 373).

<sup>25</sup> Fabry. III. 421; König. 128; Fleischmann. 18; Felder. 141. Вюртембергская батарея имела на вооружении 4 шестифунтовые пушки и 2 семифунтовых гаубицы (Felder. 117).

<sup>26</sup> Роос. 29; Guretzky-Cornitz. 66; Fabry. III. 415-16; Aubry. 161; Baye. 181; König. 129; Поликарпов. 227.

<sup>27</sup> Fabry. III. 419-22; Starklof R. Geschichte des königlich Württembergischen vierten Reiterregiments Königin Olga. Stuttgart, 1867. S. 59-60; Fleischmann. 18-19; Miller. I. 43; König. 129-30; Tagebücher aus zehn Feldzügen. Т. 1. S. 222-23; Felder. II. 141; Pfister. 73; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 6 об.-7; Поликарпов. 229.

<sup>28</sup> Поликарпов. 227; ВУА. XIV. 253-52; Fabry. III. 416, 420, 425; Aubry. 161; Baye. 181. Советские сочинители, не ведавшие иностранных источников, выдумали, будто у неприятеля было изначально 9 кавалерийских и 1 пехотный полк, а затем "неожиданно французы получили подкрепление: целых пять кавалерийских и один пехотный полки" (Астапенко М., Левченко В. Атаман Платов. М., 1988. С. 98).

<sup>29</sup> Поликарпов. 227; ВУА. XIV. 253, 252, 230. Упомянутый гусарский подполковник - это шеф эскадрона Сен-Перн. Био рассказывает, что "в деле у Инкова он решился всё же с добрым сердцем пойти против злой судьбы и атаковал со своим последним эскадром; но, оказавшись впервые перед лицом неприятеля, он выпустил из рук лошадь и сдался". В полку никто его не уважал; он был доставлен в Москву. Ростопчин писал Балашеву 6/18 августа: "Пленный подполковник St. Perle отдал долг природе, сказав приставленному к нему полицейскому офицеру, что Наполеон 14-го августа даст баталию, потому что сей день ему счастлив". Био встретил его позднее в Москве в Голицынской больнице, одетым в штатское платье; "представившись Наполеону, он выпросил перевод в пехотный полк, находившийся в Испании, куда и направился. Но по дороге в Можайск он попал в руки казакам и с тех пор пропал без вести" (Biot. 45-46; Исторический вестник. 1900.

№ 5. С. 660; Britten Austin. 381. note 23; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 82-83).

<sup>30</sup> Fabry. III. 416-17, 412, 413. Таше упоминает капитана Стасельского (Staschelski), на самом деле это был ротмистр Сташевский, который "был взят в плен и оставлен при ретираде неприятеля в местечке Селец". Приказом от 29 декабря Кутузов уволил его со службы "для излечения ран в Санкт-Петербург" (Tascher. 305; Акты Виленской комиссии. Т. 37. С. 12).

<sup>31</sup> Tascher. 304; Fabry. III. 489, 499; Historique du 24ème régiment. 347; Historique du 5-e hussards. 95; Dupuy R. 180; Picard. II. 98; Nafziger G.F. Napoleon's Invasion of Russia. London. 1988. P. 181.

<sup>32</sup> Поликарпов. 229-30.

<sup>33</sup> Полковник Гиньи получил удар пикой в бедро, лейтенант Руво убит ударом пика в сердце, убиты вахмистр Леклерк и 15 егерей (Dupuy R. 180).

<sup>34</sup> Таше записал, что 13 августа «де ля Вестен (de la Veistine) отправил к полковнику графу фон Валдбургу 25 луидоров, которые я послал Леклерку". Имеется в виду адъютант Себастьяни де Лавоэстен (Lawoëstine). Ермолов пишет, что "великий князь Константин принял храброго полковника с особенным вниманием и сделал ему вспомоществование. Узнавши после, что с ним говорил родной брат императора, он удивлен был чрезвычайно деликатностью". Взятый в плен лейтенант Э. Рюппель встретил полковника Waldburg-Zeil-Wurzach с его адъютантом фон Бацем в Москве. В 1813 г. "полковник граф Эбргарт Трухсес Валдбург вюртембержец, 3 конного полка", его адъютант капитан К.Л.Ф. Бац и лакей Иланни находились в Оренбургской губернии. Там же находились прусский лейтенант К. Жулиус и 24-го лёгкого полка капитан М. Ниош и лейтенант Ж.Б.А.А. Вьель (Tascher. 305; Rüppell E. Kriegsgefangenscgaft im Herzen Russlands. Berlin. 1912. S. 114-15; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 234-236 об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. Л. 465, 500-501 об., 503 об.-505 об., 507 об., 664 об.; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 157; РА. 1896. № 9. С. 25-26).

<sup>35</sup> ВУА. XIV. 252

<sup>36</sup> Fabry. III. 411-13. Таше считал, что у русских было несколько батальонов, 10 тыс. казаков и 24 орудия (Tascher. 304).

<sup>37</sup> Fabry. III. 416, 420; Aubry. 162; Baye. 181; Fabry. III. 418; König. 130; Guretzky-Cornitz. 68; Vossler H.A. With Napoleon in Russia... London. 1969; Pajol. III. 38; Britten Austin. 168-169; Labaume E. La campagne de Russie. Paris. 2001. P. 74.

<sup>38</sup> ВУА. XIV. 252-53; Вороновский. 87-88; Записки Ермолова. 157; РС. 1900. № 12. С. 566. В этой связи В.М. Безотосный справедливо опроверг бытующее в отечественной литературе мнение, будто бы по неосторожности флигель-адъютанта К.К. Любомирского французы были предупреждены о движении русских войск на Рудню, и что якобы Мюрат предупредил об этом Себастьяни (Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М., 2005. С. 118).

<sup>39</sup> Роос. 30; Pajol. III. 38; Biot. 20-21; Tascher. 305; Fabry. III. 423-24.

<sup>40</sup> Guretzky-Cornitz. 60-62; Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 198.

<sup>41</sup> Aubry. 161; Baye. 180-81; Tascher. 304.



М. Борисов. **Нижний чин тептярских полков, 1812-1815 гг.**

Показан идеальный вариант, т.к. в действительности части предметов униформы и снаряжения не хватало или они заменялись произвольными образцами. Реконструкция выполнена на основе материалов, собранных С.Е. Калинин





# «Львиное отступление» Неверовского

*“Newerowski fit une retraite de lion”  
Ph. Segur.*

*“День 2 августа принадлежит Неверовскому. Он внёс его в историю..., окруженный, отрезанный, совершил своё львиное отступление, самими неприятелями так названное”  
П.Х. Граббе*

Героическая ретирада отряда Д.П. Неверовского от Красного к Смоленску является одним из самых славных и знаменитых подвигов русских воинов в 1812 г. О ней упоминается с разной степенью подробности во всех общих трудах по истории той героической эпохи, но по странному стечению обстоятельств, это славное событие так и не удостоилось специального исследования.

**Генерал-майор Д.П. Неверовский (1771-1813)**  
Н.х. 1800-е гг.



Правда, довольно много внимания уделил этому бою Н.П. Поликарпов. Однако, это не связное аналитическое изложение событий, а лишь солидная подборка русских источников; к тому же некоторые верные критические замечания историка так и остались не замеченными последующими сочинителями. Поликарпов справедливо заметил, что необходимым дополнением к реляции Неверовского, «выясняющим достаточно подробно детали хода сражения», являются выписки из наградного списка отличившихся офицеров. «В виду важного для нас во всех решительно отношениях значения сражения... и в виду неимения у нас точного и правдивого описания этого же сражения, эти выписки приводятся [автором] наиболее подробно... Эти выписки рисуют правдиво почти все мелкие детали хода этого сражения». Но, несмотря на публикацию Поликарповым этих источников, такого правдивого и точного описания отечественная историография не сделала до сих пор, ограничиваясь писаниями по набившему оскомину шаблону.<sup>1</sup>

Отечественные авторы довольствовались весьма ограниченным и однообразным набором документов. Из иностранных источников тиражировался лишь стандартный набор небольших цитат из работ участников русского похода, в бою не участвовавших (Ф. Сегюр, А. Фэн, Ж. Шамбрэ). Посему все описания боя страдали трафаретностью и «одноцветностью», и не случайно в 1912 г. А. Алексеев написал, что «о геройском подвиге отряда Неверовского... было столько уже говорено и писано, что повторять всем известное нет смысла».<sup>2</sup> Довольно подробно «красненское дело» изложено на базе русских источников в солидной книге В.М. Вороновского и в очерке В. Тикыча, но популярный и квазипатриотический характер сборника, в котором последний опубликован, позволил автору допускать «художественные» преувеличения и вольности.<sup>3</sup> За долгое время «предпечатной» подготовки данного издания появились статьи, уточняющие состав и назначение отряда





**Генерал-майор Е.И. Оленин (1774-1827)**

Неверовского, а также весьма объективное описание данного боя, исполненное А.А. Васильевым, которое, правда, будучи включено в общий обзор наполеоновских войн, не могло быть достаточно подробным и детальным.<sup>4</sup>

Между тем, данное событие нашло отражение во множестве источников как с российской,<sup>5</sup> так и с неприятельской стороны. А.И. Михайловский-Данилевский писал, будто «письменного донесения о сём сражении не было представлено Неверовским. Тогда было время действий - не письма». Поэтому он изложил «подробности боя в том виде, как они были тогда же пересказаны Неверовским Паскевичу, и в последствии переданы мне... с прибавлением нескольких подробностей, слышанных мною от очевидцев». На самом деле Неверовский написал донесение о бое, которое опубликовал Поликарпов. И.Ф. Паскевич слушал рассказ Неверовского утром 15 августа, буквально по горячим следам. Данилевский почти слово в слово воспроизвёл рассказы Паскевича и Д.В. Душенкевича, прапорщика 27-й дивизии, опустив, тем не менее, некоторые важные подробности.<sup>6</sup> Многие из участников боя оставили его описания, различные по степени подробности и объективности.<sup>7</sup> Самое сомнительное из них принадлежит перу поручика Ф. Гаевского,<sup>8</sup> а наиболее подробное его описание и глубокий анализ дал майор Ф.В. фон Бисмарк.<sup>9</sup> В начале 20 в. Ж. Фабри опубликовал большое количество документов (рапорты, донесения, отрывки из мемуаров) об этом бое,<sup>10</sup> но советские писатели об этом даже не подозревали. Всё это



**Генерал-майор И.Ф. Паскевич (1782-1856)**  
Литография Мейера с оригинала Д. Доу. 1820-е гг.

подталкивает нас к созданию более крупного «батального полотна», в котором мы попытались описать знаменитое событие до мельчайших деталей на основе привлечения максимально возможного количества источников. Только на этом основании возможно будет сделать взвешенные и объективные выводы о характере и значении данного события.

\* \* \*

Для того, чтобы лучше понять обстоятельства боя при Красном, нужно выяснить, когда и зачем в данном месте появились российские войска. В то время, когда приближалось соединение 1-й и 2-й Западных армий, с середины июля на правом берегу Днепра в м. Ляды и г. Красном расположился авангард Смоленского обсервационного (резервного) корпуса генерал-майора Ф. Винцингероде<sup>11</sup> под командой генерал-майора Е.И. Оленина, наблюдавший дорогу на Оршу и состоявший из нескольких батальонов и половины конной батареи; к нему присоединилась Красненская уездная инвалидная команда.<sup>12</sup> Оленин не имел кавалерии и потому был усилен 80 драгунами и конным отрядом смоленских дворян братьев Лесли. Братья Григорий, Пётр и Егор Дмитриевичи Лесли сформировали конный отряд из 60 своих крестьян и дворовых людей, вооружённых пиками, саблями, пистолетами, и 11 июля явились в Смоленск к









**Генерал М.Б. Барклай де Толли (1761-1818)**  
Гравюра Ф. Вендрамини, 1813 г.

Винцингероде. Тот отправил их «к генералу Оленину, в отряде которого не было конницы, необходимой для действий против появившихся там партий французов... Прибыв к месту назначения, братья Лесли с своими молодцами несли аванпостную службу, делали разъезды, исполняя разные поручения». 16/28 июля Винцингероде сообщил, что при его авангарде находятся «50 человек, вооруженных пиками». Этот отряд делал разъезды около Катыни, Надвы, Рудни, Орши, Велина.

15/27 июля квартира Оленина находилась в д. Козьяны, откуда на три версты были выдвинуты посты, которые вели перестрелку с неприятелем у Дубровно, куда в тот же день прибыл казачий корпус М.И. Платова. 16/28 июля М.Б. Барклай де Толли рекомендовал Винцингероде «авангард вверенного вам корпуса, стоящий в Козьянах, усилить пехотою и приказать ему служить подкреплением ген[ералу] Платову», а также послать как можно дальше разъезды по Могилевской дороге.<sup>13</sup>

17/29 июля Винцингероде сообщил П.И. Багратиону: «Мой авангард занимает Красный и Ляды..., отряды моего авангарда вчера взяли пленных в Дубровне». По просьбе Винцингероде, Платов 18/30 июля направил Оленину донской казачий полк подполковника М.Г. Власова 3-го. В тот день Оленин, узнав, что в Орше французы наводят мосты, с отрядом отступил в Красный, оставив «для извещения о неприятеле... в м. Лядах 60 человек драгун с одним офицером и командою ратников». В тот же день французская разведка донесла маршалу Л.Н. Даву, что «генерал Оленин,



**Генерал-майор Ф. Винцингероде (1770-1818)**

командующий двумя полками пехоты, одним полком драгун, одним полком казаков и 12 пушками, отправился из Смоленска и прибыл в почтовый дом Россасна. Они хотели идти до Дубровны, но вчера повернули обратно и сегодня находятся в Красном».

19 июля Власов 3-й прибыл из д. Елисеевичи в Ляды, «где по приказанию сам остановился с полком на дороге к м. Дубровне за шесть верст от м. Ляды, у селения Гагоки [Гураки?], а есаула Зимовнова отправил с сотнею казаков открыть селение Казьяны». Зимовнов направился к Дубровне и послал для осмотра деревни урядника Чикунова с несколькими казаками. Доехав до середины селения, тот обнаружил французских пехотинцев, «на которых потом сделал удар, но вокруг с обеих сторон улицы неприятель сделал залпом из нескольких ружей выстрел из домов». Одновременно противник «начал переправляться из-за Днепра в довольном числе конницы по мосту», что вынудило казаков удалиться. Партия урядника Синякина, посланная направо к Днепру, дошла до Россасны, выбила оттуда отряд пехоты из 50 чел., взяла в плен 3 чел. и возвратилась в Козьяны. Партия хорунжего Ежова выслала к д. Хомино разъезд, который захватил двух улан.<sup>14</sup>

20 июля/1 августа Оленин сообщил Винцингероде: «Узнав, что неприятель с большим числом войск вступил в м. Дубровну..., во избежание быть атакованным, в чем местоположение неприятеля способствует, отступил к городу Красному. Казачий полк подполковника Власова





**Унтер-офицер егерских полков, 1812-1816 гг.**  
Рисунок Сокальского. ВИМАИВиВС



**Офицер и урядник Донского  
войска, 1812-1814 гг.** Рисунок  
К.К. Пиратского. ВИМАИВиВС



**Обер-офицер и унтер-офицер гренадерских  
полков, 1812-1816 гг.** Рисунок П.К. Губарева

оставлен мною в местечке Лядах для наблюдения движений неприятельских и охранения местечка». Тогда же Барклай известил Багратиона и Платова, что «неприятель форпосты авангарда корпуса [генерал]-м[айора] Вицингероде вытеснил из Дубровна, почему командующий сим авангардом г.-м. Оленин вынужденным нашелся отступить к Красному, имея форпосты свои в Лядах, а дабы узнать силы неприятельские в Дубровне и к какому принадлежат корпусу, я приказал г.-м. Оленину немедленно атаковать форпосты неприятельские и стараться захватить несколько в плен».

21 июля/2 августа Барклай известил Платова, что, поскольку Багратион отправил из своей армии два казачьих полка для занятия Красного, то полк Власова 3-го возвращается под его команду. В тот же день генерал К. Пажоль сообщил, что 1-го числа Оленин с 6 полками пехоты, 2 эскадронами казаков и артиллерией прибыл в Ляды, где уже находились войска, бывшие прежде у Россасны, и что казаки находятся в Хомино и в соседних деревнях. Генерал Э. Бордесуль донёс из Холобни (Kolbnia), что Оленин уже ретировался из Козян к р. Свиная впереди Красного.

Утром 22 июля/3 августа Оленин получил известие от разъездов Власова 3-го, что неприятель









**Генерал-майор А.А. Карпов (1762-1837).**  
Фототипия К.А. Фишера по оригиналу н.х. 1911 г.

в большом числе следует по левому берегу Днепра, а часть его переправилась у с. Лучки [Лучково] и Сырокоренья. Посланный к Сырокоренью отряд 1-го Тептярского полка прогнал 50 французских кавалеристов на другой берег в Гусиное, причём последние обрубали канат, по которому ходил паром. *«Находя мой отряд,- пишет Оленин,- в сражении с неприятелем малозначущим, за благо я признал отступить».* Он отступил на 23 версты от Красного в Корытню, где состав его отряда изменился.<sup>15</sup> В Лядах был оставлен *«для открытия неприятеля»* казачий разъезд из полка Власова 3-го (5 чел.). Он отступил при приближении эскадрона улан, заманив за собой 7 улан, одного из которых взял в плен. Французская разведка донесла, что в Лядах находились 2 пехотных полка, 500 драгун и 1 эскадрон гусар. Генерал-майор А.А. Карпов 2-й прибыл в тот день в Красный с полком Г.Г. Мельникова 4-го и присоединил к себе полк Власова 3-го; казаки обнаружили неприятельские партии на левом берегу Днепра в Лядах, с. Лучково, Гусиное. Партия поручика Соколова, посланная *«для узнавания неприятеля»*, прибыла в Гусиное и узнала, что в д. Березыня стоит отряд генерала «Томаше» (Домманже) из корпуса Э. Груши в составе 1-го, 2-го баварских, саксонского принца Альбрехта легкоконных полков с 8 орудиями. Затем у Сырокоренья партия захватила 2-го баварского полка лейтенанта Муне с 8 солдатами (видимо, лейтенант 5-го эскадрона Jakob Müsk).

23 июля/4 августа казаки Тептярского и Власова 3-го полков доставили Оленину пленных, французского гусара и польского улана, *«из коих гусар взят разъездом на той стороне реки Днепра против села Гусиного, последний же в селении Лядах»* (наверняка из 9-го уланского полка). *«Пленные объявили мне,- пишет Оленин,- что конная бригада генерала Вотрена расположена у самого берега Днепра, восемь же полков кавалерии растянуты до местечка Рудни, а пехота вся позади».* Следовательно, первый пленный был из 6-го гусарского полка бригады П. Готрена из корпуса Груши.

От пленных Оленин также узнал, что неприятель давно собирается напасть на его слабый отряд. Он известил об этом Барклая, прося усилить свой отряд. Карпов же донёс, что неприятель из Ляд отошёл к д. Козяны, а у с. Лучково переправился назад через Днепр. Маршал Даву отправил из Дубровны в Россасну генералов Ф. Аксо и Ж. Пернетти с сапёрами и понтонерами, чтобы построить там мост через Днепр. Генерал К. Пажоль должен был удерживать местность между Россасной и Лядами. В тот день полковник В.А. Сысоев 3-й по приказу Багратиона послал в Красный донской казачий полк И.В. Грекова 21-го, а сам 24 июля/5 августа прибыл в Катынь, откуда высылал партии для обнаружения неприятеля в сёлах Смолянке (Смоляки), Гусиное, Сырокоренья. В тот день патруль 9-го уланского полка узнал от евреев, что в Лядах находятся 300 казаков, в Корытне – пехотный (Arichki du baron Arakieziev под командой полковника Niezeniow из корпуса Тучкова) и казачий полки под командой генерала Оленина. Бордесулю же, находившемуся в Савино, евреи сообщили, что из Смоленска в Красный прибыло много войск, принадлежащих к 24-й дивизии.<sup>16</sup> Как видим, неприятель не всегда получал точные сведения о противостоящих ему русских войсках.

\* \* \*

В то самое время, когда Барклай, принуждённый к тому царившими в российской армии настроениями, предпринял наступательные движения к северу от Смоленска, Наполеон решил осуществить неожиданный маневр: переправиться на противоположный берег Днепра и быстрым наступлением захватить город. Согласно диспозициям Барклая для наступления на Рудню, фланги соединенных армий должны были прикрывать два наблюдательных отряда. «Правый боковой наблюдательный корпус» генерал-майора А.М. Всеволожского 1-го должен был двигаться к Каспле по Поречской дороге. *«Левый боковой наблюдательный корпус при Красном под командою г.-м. Неверовского составит по рассмотрению ген. Багратиона. Сей корпус положением своим обеспечивает дорогу левой колонны, которая иногда идет весьма близко Днепра. Оный должен стараться занять в силах Ляды, дабы обратит внимание неприятеля с сей стороны»*, чтобы «по мере движения армий наших к Рудне, всячески беспокоить неприятеля к стороне Орши». Багратион сообщил императору: *«Мы решили атаковать неприятеля в его центр, находившийся*





**Маршал Л.Н. Даву (1770-1823)**

Литография Ш. Билона. 1-я половина XIX в.

в Рудне. Обе армии выступили из Смоленска 26 июля, оставив два наблюдательных корпуса, каждый с 5000 по правому и левому берегу Днепра». Находившиеся при отряде Оленина казачьи полки Власова и Тептярский должны были присоединиться к отряду генерал-майора Г.В. Розена 1-го в с. Чабуры на правом берегу Днепра.<sup>17</sup> Итак, по замыслу Барклая, наблюдательный корпус Неверовского должен был, во-первых, прикрыть фланг одной из наступающих колонн, а именно 2-й армии, и, во-вторых, произвести демонстрацию, то есть отвлечь часть сил неприятеля от места нанесения ему главного удара.

В соответствии с этими указаниями, 25 июля/6 августа Багратион отдал приказ: «В три часа пополудни выступает отряд генерал-майора Неверовского, состоящий из полков: Виленского, Симбирского, Полтавского пехотных, 41-го, 49-го и 50-го егерских и батарейной роты № 31, имея в авангарде Харьковский драгунский полк с двумя орудиями конной артиллерийской роты войскового старшины Тацына, который уже находится в селе Корытно, где ему расположиться, имея впереди генерал-майора Карпова с двумя казацкими полками, с которыми вступить в сношение». Поскольку 27-я пехотная дивизия Неверовского состояла из недавно сформированных полков, её 1-я бригада полковника М.Ф. Ставицкого 2-го была временно прикомандирована к 7-му пехотному корпусу, из которого, в свою очередь, в



**Дивизионный генерал Ф. Аксо (1774-1838)**

отряд Неверовского были направлены 41-й егерский и Полтавский полки, для придания ему большей стойкости. Боковой отряд Неверовского имел также задачу наблюдать за Оршанской и Мстиславльской дорогами, держась как можно дальше в г. Красном, в 47 верстах от Смоленска.

Адъютант 3-го батальона 50-го егерского полка поручик Н.И. Андреев вспоминал, что после трёх дней пребывания в Смоленске «наша дивизия назначена в отдельный отряд к городу Красному, куда и пришли на другой день и расположились около одного биваками; с нами был Харьковский драгунский полк и два полка казаков, Грекова и Комиссарова. Драгунами командовал полковник Юзефович. Наш один Виленский полк из дивизии остался в Смоленске для занятия караулов, то у нас было только 5 полков пехоты». По словам Душенкевича, «27-я дивизия, оставя 1-ю бригаду в охранении Смоленска и для хлебопечения, составом 4-х своих полков по 2 батальона, да остатками 42-го Егерского и Орловского пехотного полков, вместе составлявших два батальона, ротой пешей артиллерии, четырьмя эскадронами Харьковского драгунского полка и четырьмя сотнями казаков, отправлена... в г. Красный отрядом наблюдательным». А.П. Ермолов пишет, что «в дивизии, недавно из рекрут составленной, два полка переименованы старыми. В Смоленске собраны хлебопеки от всех полков обеих армий. Оставлен один полк для удержания порядка». Действитель-



но, согласно упомянутой диспозиции Барклая, 2-я армия должна была оставить в Смоленске один пехотный полк в качестве гарнизона. Неверовский писал, что ему поручили «отряд, состоящий из 10 баталионов пехоты, 4-х эскадронов кавалерии, 3-х казачьих полков и 12-ти орудиев батареинной роты. 26-го июля повелено идти в город Красной и наблюдать неприятеля; авангард мой был в Лядах».<sup>18</sup>

В этой связи специально подчеркнём одно обстоятельство, подмеченное Поликарповым ещё сто лет назад. «До сих пор ещё многие продолжают считать и уверять, - писал он, - что в сражении при Красном особенно отличилась и прославилась 27 пехотная дивизия», а между тем «неопровержимые архивные первоисточники категорически доказывают», что из шести полков этой дивизии только три находились в составе сводного отряда Неверовского. «Сам Неверовский в своих рапортах и реляциях об этом сражении называет бывшие под его начальством в это день войска "отрядом", каковыми они и были в действительности, а не "27 пехотной дивизией"».<sup>19</sup> Все последующие историки дружно проигнорировали это замечание, хотя оно совершенно справедливо, тем более, что в официальных документах отряд Неверовского имел вполне определённое название: «левый боковой наблюдательный корпус (le corps d'observation)», то есть, «наблюдательный отряд». Позже французы выяснили, что им противостояли 6 пехотных полков, из них 2 егерских, 1 мушкетёрский из 21-й дивизии, 41-й егерский из 12-й дивизии и 1 мушкетёрский из 26-й дивизии, два казачьих и 1 драгунский полки, 12 орудий под начальством «дивизионного генерала» Неверовского, командира 27-й дивизии.<sup>20</sup>

26 июля/7 августа русские армии двинулись в наступление в направлении на Рудню. В тот день Оленин с пехотой прибыл в д. Синяки и приказал Быхалову, который явился с полком из Мстиславля, «узнать о неприятеле около Днепра при Росасне и Фомине [Хомино], а по левой стороне при Романове, Горках и Надве». Во время рекогносцировки казаки взяли в плен офицера по квартирмейстерской части, который уверял, что главная французская армия находится в районе Орши - Витебска и готовится к сражению. С другой стороны, два французских шпиона донесли, что в Лядах казаки захватили французский отряд из 20 человек во главе с лейтенантом, что в 4 верстах позади Ляд расположен большой лагерь кавалерии и пехоты, и что эти войска начали прибывать из Смоленска с 1 августа. Бордесуль сообщил, что в Красном находятся войска 27-й дивизии.

На следующий день Оленин собирался поехать в Ляды, где находился «Быхалов с двумя полками, а драгунский полк по сию сторону при самых Лядах..., а сам с пехотой стою сегодня в 9-ти верстах не доходя Лядов, в деревне Сененах» (Синяках). Быхалов донёс, что неприятель обнаружен в 5 верстах к северу от Ляд в селении Михеевке, а Неверовский сообщил начальнику штаба 2-й армии генералу Э.Ф. Сен-При, что им высланы пар-

тии для открытия неприятеля по Мстиславльской дороге от Романова на Горки. В тот день Сысоев 3-й оставил донской казачий полк Т.Д. Иловайского 11-го «при деревне Кузины [Кузино] для наблюдения дороги к Гусиному и сохранения сношений с войсками, находящимися на левом берегу Днепра». Карпов 2-й, переправясь у Сырокоренья на правый берег, донёс Багратиону, что по его приказу «полковник Быхалов с 3 полками для занятия местечка Лядов командирован, а я, с двумя полками переправясь через реку Днепр, расположился при селении Юдино» (Кузино) на месте Иловайского 11-го, которому приказал присоединиться к Сысоеву. Казаки Карпова наблюдали дорогу из Катыни в Гусиное.

27 июля/8 августа Багратион предупредил Барклая, что сосредоточение неприятельских сил «нам не довольно открыто, чтобы знать, где он именно находится», и что противник может, в частности, «обойдя наш левый фланг, истребить наблюдательный корпус, расположенный в Красном, которому помочь значущими силами мне будет чрезвычайно трудно или невозможно». Багратион предлагал двинуться на Рудню, чтобы решительными действиями открыть, где собираются основные силы противника. Во втором письме он написал Барклаю: «Отделяясь вправо от Днепра, оставляю я наблюдательный корпус, находящийся в Красном, без всякого подкрепления..., почему мне не остается другого, как предписать генерал-майору Неверовскому, чтобы он, когда узнает о приближении неприятеля к Мстиславлю, отступил с вверенным ему корпусом к Смоленску». Заметим, что поначалу Багратион предвидел атаку на отряд Неверовского вовсе не с запада и севера, но с юга. Когда выяснилось, что больших неприятельских сил в Поречье нет, Барклай приказал перевести 1-ю армию на дорогу в Поречье, а 2-й армии - занять позицию у Приказ-Выдры. Раздражённый этими нерешительными маневрами, Багратион написал ему 29 июля/10 августа: «Положение 2-й армии отделяет оную от корпуса наблюдательного, оставленного в Красном. И так, должно полагать, что неприятель, в скором времени выступя из Орши, обойдет мой левый фланг..., он может прибытием своим к Смоленску предупредить меня и отрезать мне Московскую дорогу».<sup>21</sup> Опасения Багратиона оказались совершенно правомерными.

Поначалу отряд Неверовского расположился впереди Красного, на дороге в Ляды. «Кроме посылки в разные стороны разъездов, Неверовский приказал красненскому дворянскому предводителю и исправнику иметь непрерывные сношения с пограничными жителями и отправлять надежных людей для открытия неприятеля и разведывания об его намерениях». 28 июля/9 августа Неверовский побывал в Лядах для обозрения передовых постов. От казаков и местных жителей он узнал, что в Михеевке, Романове, Горках и других местах появляются мелкие партии неприятеля, что «маршал Давуст с частью своего корпуса находится в Дубровне, при коей устроено три мос-





**Генерал от инфантерии П.И. Багратион (1769-1812)** Гравюра Ф. Вендрамини по оригиналу Л. Сент-Обена. 1813 г.

та. Местечко Расасна укреплено тет-де-поном и другими строениями». Казаки Карпова в с. Гусиное, Березино и Будишках [Буда?] неприятеля не обнаружили. Со своей стороны Бордесуль донёс Даву из Слатовщины, что в Баево находятся 500 казаков, а «крестьяне и евреи выступают против нас с казаками».

10 августа польский шляхтич, посланный из Дубровно на разведку, выяснил, что русские войска уже выступили из Смоленска, что в Лядах находятся две роты пехоты, а позади на высотах – артиллерия, что в Лядах и в стороне Баево – 6 полков казаков, а пехота (2 тыс. чел.) расположена в 4 верстах позади Ляд. Получив сообщение о внезапном нападении русских на дивизию О. Себастьяни при Молевом Болоте и сообщении шпиона, Даву предупредил Груши, чтобы тот приказал командиру драгун, находившемуся в Россасне, на следующую ночь выслал посты как можно ближе к Лядам; они должны были наблюдать за русскими, не разжигая огней, а днём – отступить. Получив от генерала Пажоля сообщение, что перед ним появилось множество казаков, маршал объяснил ему, что это является результатом общего наступления русских войск.

30 июля/11 августа Багратион написал Барклаю о намерении отступить со своей армией к Смоленску для улучшения продовольственного снабжения, «обсервационный же корпус останется в Красном, пока неприятель его оттуда не вытеснит». Полковник А.С. Глебов 1-й был оставлен



**Генерал от инфантерии А.П. Ермолов (1772-1861)** Гравюра И. Пожалостина по оригиналу Д. Доу. 1875 г.

с 6-м егерским и казачьим полками в Катъни, чтобы прикрывать правый берег Днепра и наблюдать дорогу на Чабуры.

1/13 августа Неверовский сообщил: «Отряд, мне вверенный, довольствуется по суточно собираемыми с деревень Красненского уезда по наряду здешнего исправника, но также с большим затруднением. Взятые в плен и дезертировавшие с неприятельской стороны вообще жалуются на голод и недостаток съестных припасов в их армии, ежедневно умножающейся. Я строго приказал гну Быхалову не позволять распространяться неприятельским партиям для собирания фуража и провианта, но стараться самому в разных местах Могилевской губернии фуражировать и отымать все средства у неприятеля для дальнейшего продовольствия». Глебов донёс, что казаки Мельникова 4-го полка имели стычку с неприятелем у Березино, куда затем прибыли до трёх полков кавалерии и двух батальонов пехоты неприятеля.<sup>22</sup> На следующий день русские армии вновь должны были перейти в наступление. 1-я армия занимала тогда позицию при д. Волоковой и Гавриках в 35 км от Смоленска, а 2-я армия в 9 км от него возле Приказ Выдры.

\* \* \*

13 августа в д. Герасименки (Keracimino) прибыл маршал Ней, а в 11 час. - Мюрат. Сапёры и понтонёры 3-го корпуса возводили там мост на 30 козлах длиной в 150-170 м, который был закончен к 21 час. Одна бригада лёгкой кавалерии из





**Полковник Л. Гриуа (1772-1839)**

дивизии Шателя разместились в Буде, вторая – в Карпиловке, третья – между Герасименками и Хомино. Позже к Буде подошла драгунская дивизия Ла Уссэ.<sup>23</sup> Русские были извещены о появлении понтонёров и через полчаса после прибытия Мюрата прислали к Хомино разведку из 50 казаков. Король тотчас перебросил сотню кавалеристов на левый берег Днепра, и казаки ретировались. Впереди Хомино были оставлены 50 кавалеристов, которых Ней поддержал тремя ротами вольтижеров, расположившихся в домах. В 14 час. к Хомино приблизился отряд из 400 казаков, они напали на передовую заставу, но были отбиты огнём вольтижеров. В 16 час. появилось ещё одно подкрепление из 400 чел., но вскоре русские отступили к Лядам, откуда приходили, оставив вдали несколько наблюдательных постов. *«Многие люди утверждают, - сообщил Мюрат, - что противник движется на Витебск через Поречье, и что в Смоленске вовсе нет войск, но я не могу – абсолютно ничего гарантировать в этом отношении; напротив, я думаю, что противник находится с пехотой в Лядах».*

3-й корпус Нея разместился между Герасименками и Красной; 10-я, 11-я и 25-я дивизии образовали три линии. Лёгкая кавалерия 3-го корпуса из Шилово и Елисеево на р. Березине подошла к Герасименкам.<sup>24</sup> К 19 часам 1-й кавалерийский корпус разместился у д. Красная, кирасиры 2-го кавалерийского – позади него у Заборья (дивизи-

зия Пажоля, бывшая Себастьяни была оставлена в Рудне). Капитан Ф. Дюмонсо видел у Россасны *«III кавалерийский корпус, который можно было узнать по красным доломанам 6-го гусарского и сверкающим шлемам его драгунской дивизии, развернувшийся на равнине идвигающийся влево длинными колоннами».*

Тем временем, 1-й корпус Даву достиг Россасны, имея в голове дивизию Гюдена, которая заняла мост у Баршунов, перейдя ручей. Бригада Бордесуля получила приказ направиться из Казариново к Россасне. К 23 час. Груши прибыл в Кобылье (Kobouilia) и выслал в Усвяты, в 8 верстах от Ляд, бригаду генерала Жерара, которая вытеснила оттуда казаков. *«Бригада под командой полковника Мати, - донёс Груши, - разместилась эшелонам в четверти льё на дороге между Усвяты и Кобылье. Я послал приказ дивизии Валанса разместиться в Ростково».* Груши отправил партии в Хомино, чтобы связаться с королём Неаполитанским, и попросил Даву направить к нему бригаду Бордесуля.<sup>25</sup>

Ранним утром 14 августа у Россасны переправилась остальная часть корпуса Груши, а у Хомино, как донёс Мюрат, *«вся моя кавалерия 1-го и 2-го корпусов, кавалерия III пехотного корпуса и весь этот корпус перешли Днепр, чтобы направиться на Ляды и Красный. Генерал Груши выгнал неприятеля из Ляд».* По словам Кёниха, бригада Бёрманна *«вместе с прочей кавалерией утром 14 августа переправилась (schwamm) у Хомино через Днепр, который не был ни очень широким, ни глубоким и быстрым, и двинулась к Красному».* Быхалов донёс Карпову, что неприятель *«следует к Лядам, где он с полками имеет свое пребывание и не далее уже до оногo как в 7-ми верстах».* По приказу Оленина, Быхалов отступил по дороге на Красный к селению Мельницы Колотовке (Комаровка?). Неверовский, сообщил полковнику Глебову, стоявшему с 6-м егерским полком на другом берегу Днепра в с. Катьни: *«По случаю сближения на всех пунктах около местечка Лядов неприятельских сил, приказал я авангарду моего отряда отступить к гор. Красному».* То же самое сообщил Карпову есаул Краснощеков, командовавший казачьим полком Мельникова 4-го на другом берегу Днепра.<sup>26</sup>

Командующий артиллерией корпуса Груши полковник Л. Гриуа вспоминал: *«Утром 14 августа стрелки нашего авангарда встретили неприятеля в первый раз после нашего вступления на русскую территорию. Первые выстрелы карабинов доставили нам большую радость: мы почти отчаялись догнать русских и покончить с ними в нескольких сражениях. Наша кавалерия тотчас развернулась, и я двинулся впереди нашей кавалерии».* Ординарец генерала Л. Шателя лейтенант О.В. Рёдер фон Бомсдорф рассказывал, что 3-й кавалерийский корпус *«отбросил назад авангард русских, которые действительно были удивлены, встретив на этом берегу ту силу, которую они прошлым днём заметили ещё на другом [берегу]. Ляды были заняты 2000 казаков с одним лёгким орудием. Генерал Груши приблизился к городку и*





А. Адам. По дороге через Лианвавичи, 14 августа 1812 г.

охватил его с левой стороны, в то время как генерал Нансуги попытался сделать это с правой. Широкая и глубокая канава помешала последнему развернуться быстро, и противник использовал возникшую обстановку, чтобы отступить к Красному... Ляды были тотчас разграблены и подожжены французами».

Су-лейтенант 23-го драгунского полка П. Оврэ писал, что перед Лядами «тотчас подали голос шесть пушек, находившиеся на позиции выше деревни, поддержанные двумя полками казаков, которые, казалось, хотели оказать сопротивление. Мы атаковали их несколько раз». По словам лейтенанта 9-го шволежерского полка К. фон Веделя, французы «встретили перед Лядами две сильные казачьи толпы, поддержанные конной артиллерией и прогнали их лишь после двухчасового боя. Полковой адъютант Элиот, племянник военного министра герцога Фельтрского, остался на поле боя».<sup>27</sup> Адъютант генерала Шателя Ф. Гавевский вспоминал: «Рои казаков бродили по всем окрестностям, повсюду раздавались их крики, но они, как обычно, были осторожны, не приближаясь под огонь наших орудий. Французские кони были слишком изнурены, чтобы можно было на них гарцевать. Сдаётся, что крик принадлежит к военному искусству казаков, нет ни одного движения, при котором бы они не кричали. Генерал Шатель сравнивал их с бедуинами во время войны в Египте». По словам Неверовского, «Быхалов при сем отступлении, лично командуя казаками с неустрашимостью не только отражал его, но сам нападая, побил до 100 человек без всякой со своей стороны потери». Лёгкая кавалерия корпуса Нея составляла его авангард, и после множества маневров расположилась на левом крыле резервной кавалерии Мюрата. Лейтенант 2-й вюртембергской конной батареи Х. Фляйшман писал: «14-го в 6 часов утра мы перешли через Днепр и вскоре

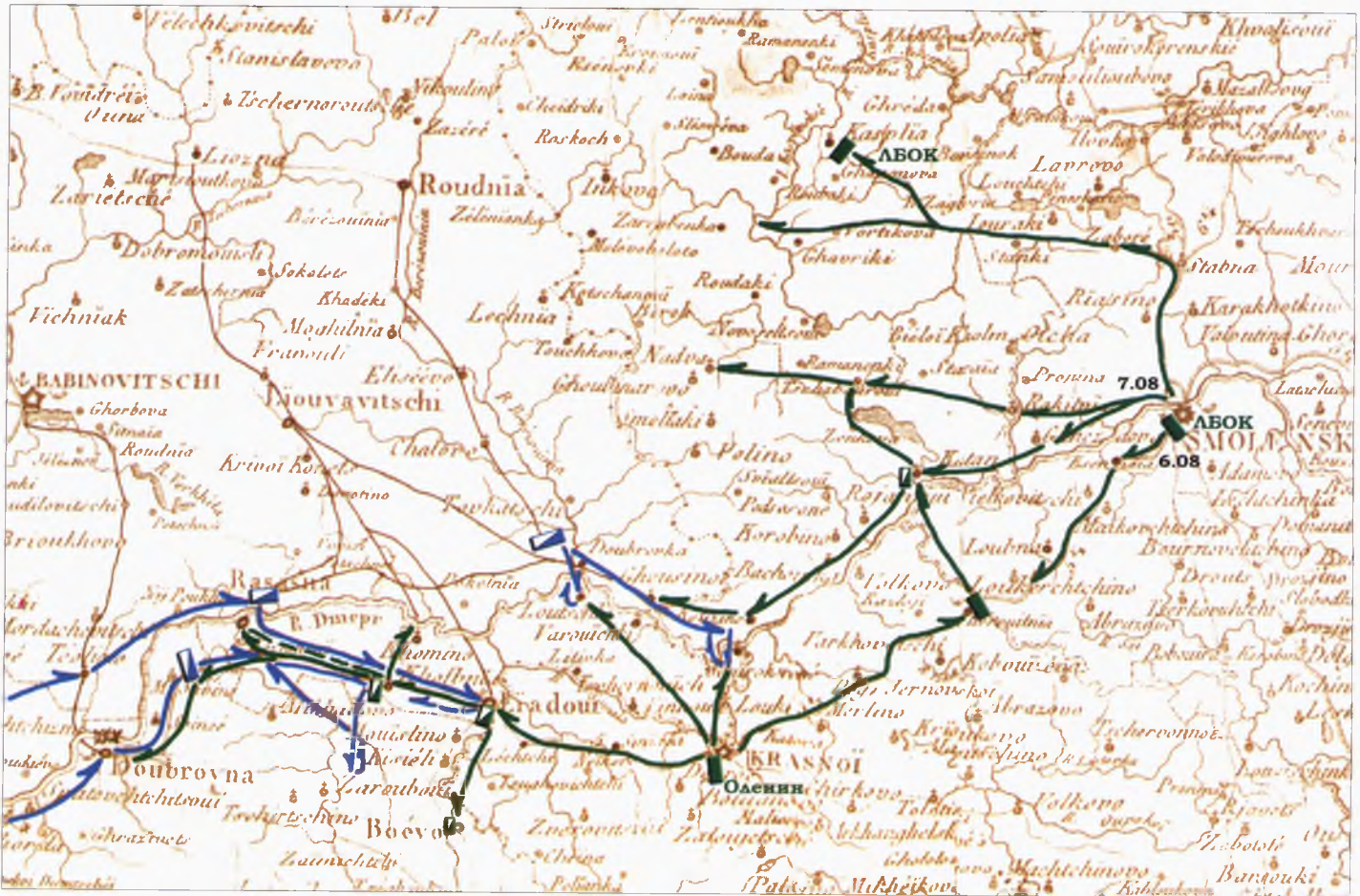
после этого прибыли на большую дорогу..., и тут шли быстро, то рысью, то шагом. Из французской артиллерии почти никто не поспевал за нами».<sup>28</sup>

Ещё «рано утром генерал Оленин вызвал охотников открыть расположение неприятельских войск за 20 верст от Красного, по правую сторону Днепра и П.Д. Лесли вызвался охотником; получив от генерала в командование взвод драгун Харьковского полка» поручика А.В. Спановского, отправился на рекогносцировку. Тем временем прочие братья Лесли с двоюродным братом Абрамом Степановичем обнаружили переправившегося неприятеля и доложили об этом Оленину. Быхалов, который «около недели бессменно нес ответственную службу в авангарде ген.-майора Оленина», «по наступлении утра», будучи атакован «сильным неприятелем в постах своих у Лядов», отступил к Красному, куда стянулся и весь авангард Оленина. Последний дал знать Неверовскому, что неприятель показался в «дальнем расстоянии по дороге от Зверовичи».

Тем временем, шволежеры 2-го (голландского) полка гвардии скакали через Ляды «по единственной грязной дороге, мощёной брёвнами, разбитой в разных местах, и спустились с крутого склона к реке, полуразрушенный мост на которой был дополнен двумя другими, поспешно переброшенными с обеих сторон». Когда голландцы вышли на противоположное плато, они «услышали вдалеке грохот орудий, к которому добавлялся, более и более отчётливо, пока мы продвигались, треск ружейного огня». По словам Э. Лабома, «город Ляды (место примечательное тем, что оно последнее, где встречаются евреи), пересекала маленькая речушка, на другой стороне которой находилось широкое плато, которое полностью доминировало над городом».<sup>29</sup>

Когда казаки донесли Неверовскому о появлении неприятеля, он, полагая последнего малочис-





Перемещение войск 6-14 августа 1812 г. Выдвижение корпуса Неверовского к Красному



Фабер дю Фор. Переправа 3-го корпуса через Днепр, 14 августа 1812 г.



**Барабанщик 49-го егерского полка, 1812 г.**  
Акварель А. Ежова







**Драгун Харьковского полка**  
Манускрипт Эльберфельда, 1813 г.

ленным, выстроил свою дивизию западнее города фронтом к Лядам и велел отправить в Смоленск все тяжести. «Утром,- вспоминал Андреев,- генерал Неверовский получил извещение чрез казаков, что неприятель показывается в сильных массах. Это было в 9 часов утра... Нас поставили на место, пред городом рассыпали стрелков, весь 49-й егерский полк; наш 3-й батальон на улицах города, поротно. Я был при 3-й гренадерской роте, на большой улице, у входа в город; при нас было два орудия тяжелой батареи, прочие орудия сей роты были также по улицам, прикрываемые нашими егерями». Душенкевич пишет, что утром «велено пораньше людям обедать, отправлять обозы и вьюки в Смоленск». Командир батальона майор Бежавский послал Андреева срочно сделать мост. Взяв барабанщиков и флейтчиков, он разломал ближние старые строения и будки и накинул мост.<sup>30</sup>

«В 10-ть часов утра,- продолжает Андреев,- показались передовые казаки и сказали, что ужасная валит сила конницы неприятельской. Мы полагали, что они преувеличили, но вышло справедливо». Когда казаки донесли, что «французы валом валят» по столбовой дороге и по полям вдоль неё, Неверовский изменил расположение своих войск. Позиция перед Красным была ненадёжной из-за того, что за городом в болотистой местности про-

текала речка Мерейка и дорога шла по плотине. Х. Брандт отметил, что город «Красный расположен при слиянии двух болотистых речек Свиная и Мерейка в 46 верстах от Смоленска. Свиная медленно течёт в тонкой луговой долине, которая предоставляет лишь единичные узкие переправы. Кусты и кустарники по берегам предлагают немало удобств для стрелкового боя, и в этой позиции, вероятно, можно было бы сражаться, если, впрочем, иметь достаточно войск, чтобы её защищать. Но как раз это отсутствовало у русских. Они ещё и допустили ошибку, пытаясь защищать подступы к Красному».

«По приближении у сего города всех войск отряда мне вверенного,- пишет Неверовский,- расположил я 49-й егерский полк для защищения города по домам и сараям, оставив ему в резерв 1 батальон 50-го и 1 батальон 41-го полков с двумя орудиями донской артиллерии». Непосредственную оборону города он поручил генералу Оленину с 49-м егерским полком полковника А.С. Кологривова, батальоном 41-го егерского под командой подполковника П.С. Шеина 1-го, батальоном 50-го егерского майора Антонова и 2 орудиями хорунжего Калашникова. «С прочими же войсками отряда моего,- продолжает Неверовский,- взял позади города позицию, прикрыв фланги Харьковским драгунским полком и казаками». Пехотные полки Неверовский построил в боевой порядок за довольно глубоким оврагом в двух верстах от города; у дороги разместились Полтавский и Симбирский полки. «Оставив свои шалаши и город за плотиною на высотах,- пишет Душенкевич,- устроен был отряд в батальонные колонны с дистанциями, имея артиллерию в приличных местах». 10 орудий Неверовский поставил на левом фланге под прикрытием Харьковских драгун, к которым присоединился отряд братьев Лесли, а на правом фланге разместил казаков. Он направил назад форсированным маршем полковника Н.Г. Назимова с батальоном 50-го егерского полка, казачьим полком Грекова 21-го, «для очищения тылу расположения войск», и велел ему «занять дефилею, где и лес был». Посланный с Назимовым ротмистр Шанценбах «для занятия в тылу позиции, исполнил сие поручение с отменным искусством...», поставя батальон 50-го егерского полка у селения Мерлина.<sup>31</sup>

В полдень Груши донёс Мюрату из м. Синяки (по словам Ложье, жалкая кучка избушек в 200 шагах от большой дороги), в 5 верстах от Красного: «Я преследовал до этого места неприятеля, который показал только кавалерию и две пушки. Но по тому, что сказали мне жители этой деревни и по осмотру биваков, в Синяках этим утром находился полк пехоты, множество орудий, все под командой высшего офицера, награждённого орденом. Эти войска отступили в Красный. Русские ведеты постоянно находились напротив меня, отступая по мере того, как я наступал; но массы были очень удалены. Один драгунский полк этой ночью также располагался биваками у маленькой речки [Комаровка] между Лядами и этой деревней». Груши спрашивал, не прикажет ли ко-



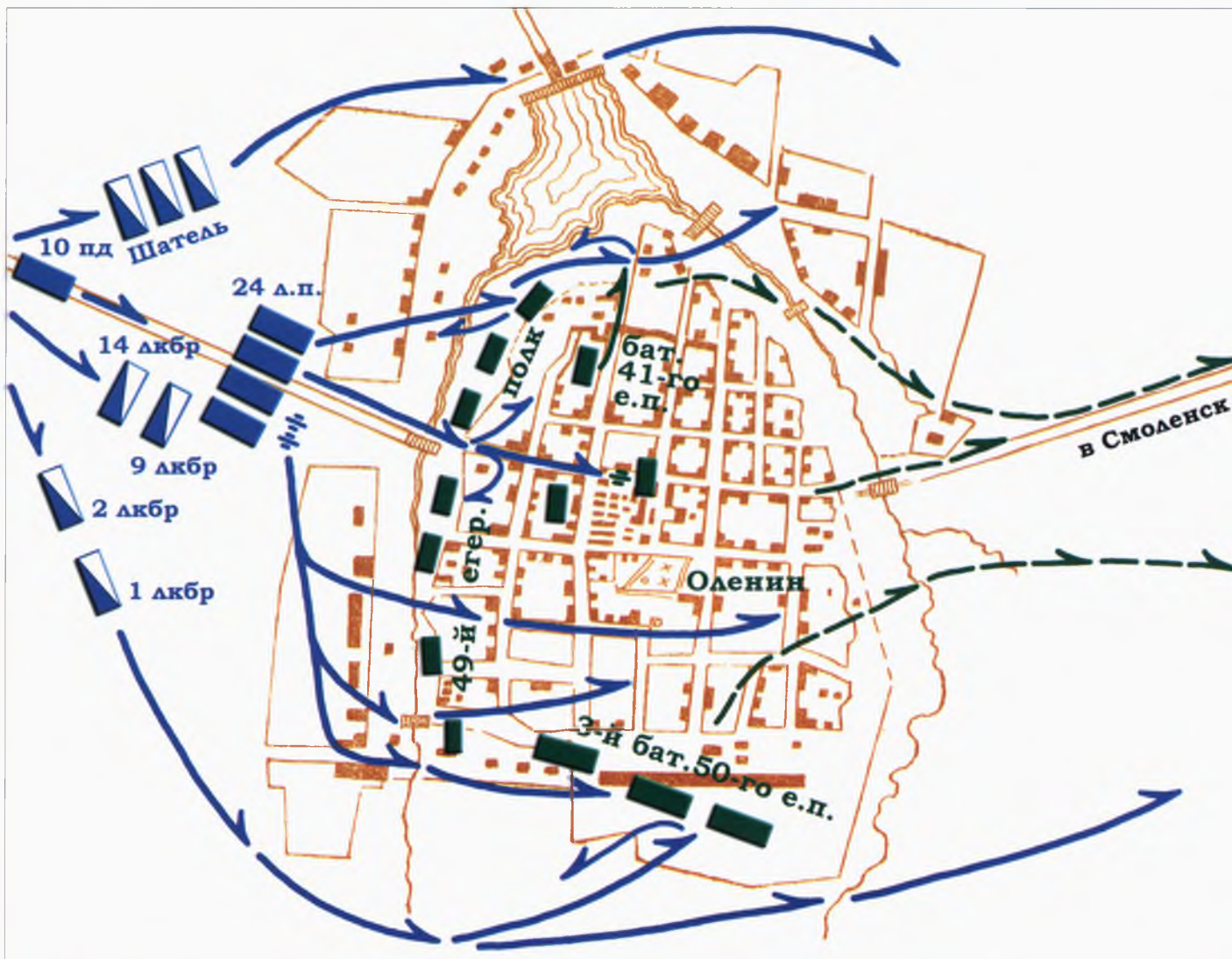


Схема боя за Красный



А. Ежов. Шассерская рота легкой пехоты в русском походе





**Шеф эскадрона Р. Солтык (1789-1843)**

роль атаковать Красный кавалерией, но просил некоторое время для отдыха лошадей, находившихся на марше с 3 часов утра.<sup>32</sup>

Тем временем Андреев «с прочими офицерами пошли на колокольню, откуда увидели из лесу в версте выходящего по большой дороге от местечка Лядов неприятеля, с множеством кавалерийских колонн, и по выходе из леса стали раздаваться по полю вправо и влево; другие шли по дороге к городу. Вот проскакали мимо нас все казаки и драгуны, егеря 49-го полка сделали выстрелов несколько, и как у неприятеля пехоты не было, то они ретировались и пробежали мимо нас бегом. Едва неприятель стал вступать в город, то был приветствован картечью из орудий и батальным огнем наших егерей. Я был на большой дороге и видел, как несколько неприятельских колонн были опрокинуты». Душенкевич также видел, как «многие тысячи щегольской французской кавалерии от местечка Ляды приближались к Красному. Парижские гусары [у Груши был 6-й гусарский полк, А.П.] подошли к оставленным нами шалашам, 12-фунтовая грянула в них раз и другой; оба выстрела весьма удачно встретили гостей, которые тотчас отошли на дистанцию из-под оных; а конные егеря, спешась, славно кинулись в город на наш 49-й Егерский полк, там в засаде находившийся, и началась жаркая перестрелка в самом городе» [у Груши были 6-й, 8-й и 25-й конно-егерские полки, А.П.]. По его словам, бой начался в два часа пополудни.<sup>33</sup>

Русские наградные документы позволяют восстановить некоторые детали этого боя. Генерал Оленин «в городе Красном удерживал долгое время неприятеля». Командир егерской бригады Воейков «в защите города Красного сделал благоразумные распоряжения и в короткое время укрепил оный разными способами, защищая его



**Генерал-майор Д.М. Юзефович (1771-1821)**

Литография И.А. Клюквина, 1848 г.

с отличною храбростию против превосходных сил неприятельских». Командир 41-го егерского подполковник Шеин «находясь в авангарде, командовал батальоном в самом городе Красном, удерживая правый фланг, неустрашимо удерживал стремящегося неприятеля и обращал в бегство». Майор Слонимский 1-й «удерживал в городе Красном неприятельских стрелков». Майор М.Л. Редриков «опрокинул на него наступавших стрелков». Майор Крамаревский «с двумя ротами находясь у прикрытия двух дорог от Лядов и Романова к Красному, с отменным мужеством удерживал неприятельских стрелков и фланкеров». Майор Томашевский 1-й, «прикрывал с полубатальоном Донскую конную артиллерию, неоднократно удерживал стремление на оную неприятельской конницы», а хорунжий Калашников «искусным стремлением и нанесением чрезвычайного вреда неприятелю не только что удерживал, но отражал с мужеством и храбростию со своими орудиями». Капитан Переселенный «удерживал стрелками мост влево от дороги к местечку Лядам и, возбуждая смелость в нижних чинах, опрокидывал неприятеля штыками». Полковник Кологривов «занимал с 49-м егерским полком переднюю часть города и более трех часов с храбростию удерживал неприятеля». 50-го егерского полка майор Антонов «занимал с одним батальоном левую часть города, неустрашимо удерживал стремящегося неприятеля и два раза штыками обращал его назад». Майор Белявский «с двумя ротами благоразумным своим распоряжением отражал сильное нападение неприятеля в городе»; штабс-капитаны Шубин и Воронцов «с вверенными им ротами храбро отражали неприятеля при входе его в город Красный и, при нападении неприятельской кавалерии, двукратно обращали оную в бегство».<sup>34</sup>





**Обер-офицер и штаб-офицер егерских полков**  
Раскрашенная литография Л.Киля. РГВИА

По словам Мюрата, генерал Груши «живо преследовал неприятеля вплоть до Красного, который я нашёл занятым пехотой. Маршал герцог Эльхингенский получил приказ поспешить с прибытием своей пехоты». Около 15 час. к городу подошла лёгкая кавалерия корпуса Нея. Согласно рапортам 1-го и 2-го вюртембергских шволежерских полков, 14-я бригада была выстроена в три эшелона; последний из них составлял 1-й полк, построенный в две линии. В ожидании подхода 10-й дивизии, эта кавалерия в течение некоторого времени подвергалась огню русской батареи, в результате чего, в частности, подполковник фон Расслер потерял лошадь. «Наша кавалерия не могла взять Красный без пехоты, — пишет Гриуа, — мы вели перестрелку с их аванпостами, когда прибыл король Неаполитанский с маршалом Неем. Они осмотрели позицию неприятеля». По словам Рёдера фон Бомсдорфа, «король Неаполитанский, который с момента соединения Груши и Нансути принял главное командование, образовал полукруг вокруг Красного и ожидал прибытия пехоты 3-го корпуса». Фляйшман вспоминал: «Около 4-х часов вечера мы услышали перестрелку; мы ускорили своё движение и достигли нашей бригады недалеко от Красного. В этом городке находилась колонна в 6000 русской пехоты, 2 кавалерийских полка и батарея в 12 орудий. Мы двинулись вправо от дороги и вступили в бой с русской батареей».<sup>35</sup>

По словам Нея, император приказал ему «быстро двинуться к этому городу [Красному], где,



**Барabanщик и музыкант егерских полков**  
Раскрашенная литография Л.Киля. РГВИА

согласно донесению, сделанному Его Величеству, неприятель имел один полк пехоты; голова моей колонны прибыла туда около трёх часов пополудни». Двигавшийся в авангарде 24-й полк лёгкой пехоты подошёл к городу в 15 час. «Как только, — вспоминал Гриуа, — голова колонны 3-го пехотного корпуса оказалась перед нами, маршал Ней, который им командовал, бросил несколько рот вольтижеров. Неприятель, после оживлённого сопротивления, был выбит с позиции и пришёл в беспорядок». Мюрат пишет: «10-й дивизии было поручено атаковать; позиция была захвачена шагом атаки (au pas de charge). Никогда я не видел пехоты, проявляющей столько отваги и решимости». Находившийся во главе атакующих Ней сообщил, что «24-й полк лёгкой пехоты, поддержанный остальными войсками 10-й дивизии, атаковал неприятеля с восхитительной смелостью, и Красный был взят штурмом безо всяких затруднений. Неприятель, силою около 6000 пехотинцев, 1200 коней и десяти орудий, не теряя самообладания, разместил свои эшелоны позади города; но пехота так смело атаковала его, что он был вынужден отступить, что было произведено в хорошем порядке, под прикрытием своей артиллерии, которая действовала хорошо».

Гаевский пишет, что штурм города начался в 15 часов: «Тут рванулись четыре батальона с музыкой во главе, мы построились, музыка подвела войско под выстрелы орудий, барабанички





П. Хесс. *Сражение при Красном, 14 августа 1812 г.*



**41-й егерский полк.** Слева направо: егеря, карабинер, прапорщик, унтер-офицер  
Рисунок с натуры И.А. Кляйна





**Обер-офицеры егерских полков, 1809-1811 гг.** из "Историческое описание одежды и вооружения..."

ударил на штурм, по всей линии раздался крик: "Да здравствует император и вперёд!", начался оживлённый огонь из ружей. Не прошло и четверти часа, а город был в наших руках». Адьютант генерала А. Ла Уссэ капитан А.П. Шерон вспоминал: «Двадцать четвёртый [полк] лёгкой пехоты атаковал. Русские энергично защищались и были вынуждены уступить эту позицию этому храброму полку, который потерял много людей». По словам Рёдера фон Бомсдорфа, 24-й полк проник в город на штыках «после двухчасовой борьбы». За эту атаку шеф батальона А.Н. Верден, раненый в бою, был 2 сентября награждён рыцарским крестом ордена Почётного легиона.<sup>36</sup> Капитан 18-го полка линейной пехоты Г. Бонне писал, что «прибыв в Красный, 10-я дивизия зарядила свои ружья и с другой стороны города начала сражаться. В течение получаса русские держались стойко, стреляли орудия, ружейная стрельба была оживлённой, мы бежали, чтобы быть в числе приглашённых, но неприятель был отброшен... Мы остановились на краю оврага, который русские хотели защищать. Развернулись, расположились лагерем, и это было наше жилище 14-го августа». Командир 25-й дивизии генерал Й.Г. Шелер сообщил, что «дивизия Ледрю находилась во главе. Она развернулась и сражалась с фронта, тогда как кавалерия пыталась охватить фланги... Наша дивизия находилась в резерве позади дивизии Лед-



**Рядовой егерских полков, 1809-1812 гг.** из "Историческое описание одежды и вооружения..."

рю, но она не сражалась, как и дивизия Разу, так как [дело] было скоро решено».<sup>37</sup> Следовательно, 11-я и 25-я пехотные дивизии подоспели лишь после взятия города.

41-го егерского полка майор Слонимский 1-й, «когда при выходе на площадь неприятельская колонна разделилась и следовала батальону в левой фланг, то он ударил в штыки и опрокинул оную». Майор Редриков, «когда колонна потеснила его сильными выстрелами, то он отразил оную и не допустил ее батальон обойти». Штабс-капитан Тиновский «по появлении неприятельской колонны, на правый фланг батальона командирован был с гренадерскою ротой на отражение оной, почему, остановясь в закрытом месте, допустил неприятеля поравняться с собою флангом, сделал залп и ударил в штыки и, таким образом опрокинув, гнал и истреблял на месте». Когда «неприятель в превосходных силах, сбивая наших стрелков, начал было уже переправляться через реку, протекавшую между городом и форштадом оно-го в намерении отрезать переправляющихся наших стрелков в правой стороне через оную же речку», то, «дабы воспрепятствовать вредному намерению неприятеля», поручик 41-го полка По-









**Дивизионный генерал Э. Грузи (1766-1847)**

дольский «был командирован с сильными стрелками, которым он подавая пример собою, с неустрашимой храбростью напал на неприятельских, переправившихся уже на нашу сторону, и хоть оные упорно сопротивлялись, но отважным нападением наших стрелков, одушевленных к оному поручиком Подольским, были опрокинуты и в замешательстве принуждены были спасаться бегством обратно через реку в брод с значительными для них потерями».

Подполковник Литвинов «во время выступления из города Красного прикрывал большую улицу со стрелками и, с примерно неустрашимостью поражая неприятеля, доставлял успех при выходе батальона из города». Капитаны Бледнов и Ляпунов 2-й «по выходе батальона из Красного, предупредили сильное неприятельских стрелков покушение и тем способствовали к выступлению оттуда колонны». Майор Крамаревский с двумя ротами «отходил через реку в брод в лучшем воинском порядке», а штабс-капитан Сахайдаков «под сильными выстрелами переправясь в брод через реку, наносил сильный вред неприятелю». 50-го егерского полка майор Бежавский, «пропустив под прикрытием своим передовые войска, отступил из оного устроенным порядком, сильно поражая неприятеля», штабс-капитаны Шубин и Воронцов также «выступили из города Красного в лучшем устройстве».<sup>38</sup>

«Державшись в сей позиции четыре часа при сильном огне, - пишет Неверовский, - увидел я, что превосходная в силах неприятельская кавалерия

(которой было по полученным от пленных известиям 15 полков), поддерживаемая семью полками пехоты и артиллерию, обходит фланги, почему принужден был оставить сие место и в порядке отступил за речку Лоствину [Лосвинка], в трех верстах от Красного протекающую». История 24-й лёгкого полка гласит, что после захвата города «он был остановлен перед оврагом, мост через который был разрушен. Как только тот был восстановлен, он присоединился к кавалерии».<sup>39</sup>

По словам Кёниха, бригада Бёрманна получила от Нея приказ «Красный, который брала штурмом пехота, обойти на правом фланге, чтобы перерезать отступление русской пехоте, выстроенной позади Красного. Генерал послал меня для осмотра болотистой местности, чтобы отыскать место, пригодное для переправы. Но там, где я попытался проехать через болотистую речку, моя лошадь провалилась по колени. Я поспешно поскакал назад и сообщил это генералу; он не захотел мне поверить, проделал с бригадой тот же путь, что и я, и должен был теперь сам убедиться в правильности моего сообщения и повернуть обратно». Следовательно, 14-я бригада так и не смогла найти брод. Гаевский вспоминал: «Внезапно к генералу Груши прибыл маршал Ней и потребовал, чтобы тот обошёл город и задержал отступление российского отряда. «Нигде не возможно продвинуться», - ответил генерал. Он приказал разыскать брод через болотистую реку, но нигде его не нашли. «Не могут, когда не хотят», - ответил маршал, поворачивая коня. Услышав эти слова, генерал Груши, задетый за живое, приказал генералу Шателю, чтобы переправился как угодно через реку. Шатель приказал мне отыскать место, пригодное для переправы, но везде был омут; наконец, я нашёл мельницу, где маленький мост вёл на другой берег реки». Пока шёл бой в городе «генерал Груши произвёл вправо и влево разведку бродов, чтобы смочь обойти позицию неприятеля», что не укрылось от внимания русских. Действительно, по словам Душенкевича, «заметья, что французы, усиливая нападение города, послали вниз по реке к Днепру искать бродов, и открыв оные верстах в 5-ти от Красного, предпринимали обходить нас, мы должны были перейти опасное для себя дефиле, 3 версты от города отстоящее; едва окончили сию переправу, куда и 49-й Егерский полк, много потерпевший, присоединился, и устроились на поле с днепровской стороны у большой дороги в общее каре».

Бисмарк пишет, что «французская кавалерия с трудом переходила через болотистое озеро, прилегающее к городу Красному и охватывающее его; это обстоятельство предоставило генералу Неверовскому возможность миновать первое дефиле, не вступая в дело. Полки 1-го и 3-го кавалерийских корпусов и лёгкой кавалерийской дивизии 3-го пехотного корпуса отыскивали переправу, каждый полк где мог, и на рысях пускались в погоню за неприятелем. Мюрат, как обычно, был и здесь впереди первым... В полумиле позади Красного, на той стороне первого дефиле,





К. Верне. Гусары 6-го полка. 1810-е гг.

находится небольшая высота. На этом пригорке стоял король в своём пышном одеянии. Его можно было узнать издалека: по высоким перьям на головном уборе и по великолепному плащу, на манер испанского, из зелёного бархата с богатым золотым шитьём». <sup>40</sup>

По словам лейтенанта 23-го драгунского полка П. де Константэна, корпус Груши, «после того, как получил несколько ядер, принял вправо и обошёл позицию неприятеля». Историк кавалерии Л. Пикар писал, что «часть кавалерии Груши, которая должна была преградить ему [неприятелю] проход через дефиле, была брошена в неверном направлении, и у этого генерала осталось не более чем 3 полка, 6-й уланский, 6-й гусарский, 8-й конно-егерский». Гаевский вспоминал, что дивизия Шателя

переправлялась через мостик по одному всаднику, «Как только переправилась бригада гусар генерала Домманже (Daumangès), она немедленно построилась и бросилась на неприятеля, не ожидавшего опасности с этой стороны; в результате такого оборота дел два российских батальона попались в плен. Тем временем прибыла для подстраховки другая бригада под командою генерала Готрена (Vaudzin). Генерал Лауссэ обошёл город с другой стороны с дивизией драгун».

Однако Мюрат писал иначе: «В то время как был взят город, я пошёл влево с генералом Груши к одному разведанному броду, а генерал Шатель и генерал Себастьяни пошли вправо. Мы постоянно маневрировали, чтобы охватить против-



ника при его отступлении. Прибыв к небольшому переправу или ручью, который находился позади Красного, я приказал генералу Дери перейти мост во главе 9-го полка польских улан, отважно маневрируя; это было исполнено галопом, под огнём неприятельской артиллерии и невзирая на [присутствие] 12-14 батальонной пехоты, Генерал Дери, построив боевой порядок, атаковал и сбил вск кавалерию, которая была по меньшей мере в два раза сильнее, чем его собственная, и в это время получил во фланг неприятельский огонь. Как видим, источники расходятся в определении того, какие части корпуса Груши в каком месте переправились через речку. Но показания других источников позволяют надёжно утверждать, что первая атака произошла южнее Красного, и

#### Сражение под Красным

Аварсель в к. 1-я четверть XIX в.

осуществила её лёгкая кавалерия 1-го армейского корпуса.

Подробно эту атаку описал шеф эскадрона Р. Солтыс: «По прибытии короля Неаполитанского к неприятельской позиции, он послал 9-й полк польских улан, возглавляемый тогда майором Кжицким (Kzyski), во главе которого ехал генерал Доман (Doman), чтобы сбить позицию масковитов на их левом фланге, тогда как наша пехота атаковала их в самом Красном. Польский полк, перейдя ручей, который прикрывал неприятельскую позицию, был ещё вынужден преодолеть дефиле, которое можно было пересечь только двигаясь повзводно и под огнём восьми артиллерийских орудий масковитов; эта батарея была прикрыта с флангов двумя каре пехоты, а позади неё был выстроен Харьковский драгунский полк; но пехота была скрыта густым кустарником, который помешал её увидеть». Первые препятствия, кото-

рые мешали движению наших кавалеристов, не смогли их остановить; они развернулись и двинулись вперёд на орудия; но в момент, когда они скакали, чтобы добраться до них, два каре встретили их огнём в упор. Тогда польский полк повернул назад, но отступил в полном порядке; за ним последовали неприятельские дружины, которые не отважились атаковать его в этом критическом положении и не преследовали его далеко».<sup>21</sup>

Наградные документы гласят, что полковник Юзефович производил многократно на превосходящую в силах неприятельскую кавалерию атаку, и распоряжал везде с отменным присутствием духа. Сначала подполковник барон А.Х. Остен-Сакен с двумя эскадронами отразил первую попытку неприятеля, стремившегося через предместье города Красного на батареи левого фланга нашего, прикрыл ретираду четырех орудий сей батареи и искусным маневром навел не-

приятеля на лавань 50-го егерского полка. После этого Остен-Сакен принял участие «в общей атаке, полком призываемой, позади первой дефиле, с эскадронам убрал мужественно во фланг неприятельских улан и тем решил поражение неприятеля на сем фланге». Майор Н.Я. Габарсов, капитан А.К. Нестелый и штабс-капитан Галаган 1-й «примерным мужеством и храбростью в общей атаке не только воплощали вверенные им эскадроны, но каждый из них принужден был выдерживать неравный бой с неприятельскими штаб и обер-офицерами, кои старались удержать колебавшийся свой фронт». Видимо, тяжелее всего пришлось эскадрону майора А. Жбыковский, который «пришел в некоторое расстройство». Тогда штабс-майстер Карасинский, «заметь штабс-дарт оною в олагности, собрал поспешно 50 кавалеров одушевил их своим примером и столь стремительно ударил в драготику на неприятельских







**Лейб-шволежер 2-го полка  
(Вюртемберг), 1811 г.**

гусар, заезжавших во фланг Жбыковскому, что они обратились в бегство; после чего расстроенный эскадрон оправился и занял свое место».<sup>42</sup>

«Едва 9-й полк удалился на несколько сотен шагов,- пишет Солтык,- как он сделал крутой поворот и атаковал этих драгун с такой силой, что разорвал их и в один миг более двухсот человек из них вывел из боя. Польские уланы прибыли тогда вперемешку с неприятельской кавалерией к орудиям, канониры которых, боясь стрелять по своим собственным войскам, были захвачены; но так как они убежали с их передками, 9-й полк не смог увезти орудия. Эта блестящая атака не имела никакого дальнейшего результата, не будучи поддержанной другими полками нашей кавалерии; но она произвела сильную диверсию в поддержку тех, кто атаковал Красный, и колонне нашей ка-

валерии, которая тем временем обходила город на нашем правом фланге».

Если Солтык уверяет, что 9-й полк действовал в одиночку, то Мюрат пишет, что «генерал Бордесуль во главе своей бригады перешёл мост непосредственно после этого и весьма вовремя приехал поддержать его. Неприятельская кавалерия полностью скрылась на весь остаток дня... Генерал Бордесуль исполнил наиболее дерзкую атаку на восемь орудий, которые он захватил вместе с 700-800 пехотинцев, которые их защищали». Как видим, король приписал захват орудий не полякам, а французским конным егерям. Действительно, честь взятия семи орудий принадлежит лейтенанту 3-го конно-егерского полка этой бригады Деламалю.<sup>43</sup> Похоже, что шассеры 3-го полка горели желанием отомстить русским за нанесённое им недавно жестокое поражение и реабилитироваться перед собственным командованием.<sup>44</sup> Протицированные документы позволяют предположить, что батарейная № 31 рота была разделена на две части: один дивизион (4 орудия) действовал отдельно и имел в прикрытии харьковских драгун, а прочие два дивизиона (8 орудий) находились под прикрытием двух батальонов Полтавского полка; именно они и были захвачены неприятельской кавалерией.

«Харьковский драгунский полк,- пишет Неворовский,- отражал нападение с отличным мужеством, но принужден был уступить в шесть раз превосходнейшему неприятелю и бросился по дороге».<sup>45</sup> Батарейная № 31 рота, хотя и была прикрываема Полтавским пехотным полком, но изумленная, видя опрокинутых драгун и казаков, понеслась вместе с ними. Таким образом, пехота осталась без кавалерии и артиллерии». «Батарейная рота,- писал он далее,- прикрываемая Полтавским пехотным полком, действовала хорошо, но при отступлении конницы, бросившись по дороге и оставя пехоту, потеряла семь орудий». А.И. Михайловский-Данилевский пытался в этом случае «подсластить пилюлю», подчёркнув, что остальные орудия «ушли по Смоленской дороге - доказательство, что неприятельская кавалерия не совсем была хороша, ибо исправная конница не позволила бы спасти батарейным орудиям». Видимо, во время отступления поручики Харьковского полка А.А. Переяславцев и И.Я. Пружанский «отличились не только мужеством, но присутствием духа и искусством, с которыми исполнили данное им поручение прикрывать правый фланг полка, угрожаемый настигавшим неприятелем, коего удержали цепью фланкеров». Генерал Оленин «при отступлении, командуя кавалерией с всегдашним присутствием духа в опаснейших местах, распорядился оную и употреблял все способы, чтобы удержать стремление неприятельской конницы».<sup>46</sup>

По словам Андреева, егеря 49-го полка, «по полю рассыпанные, стали сбегаться к колоннам пехоты, и также соединились в одну массу. Я, быв верхом и видя драгун, в рассыпном строе скачущих по полю с казаками, вздумал было спастись





Х. Фабер дю Фор. **Сражение при Красном, 14 августа 1812 г.**



**Подвиг генерала Неверовского под Красным.** Хромолитография А. Сафонова, начало XX в.





**Полковник А.С. Кологривов (1776-1818)**  
Шеф 49-го егерского полка

тоже с ними; но усмотрев, что кавалерия неприятельская преследует их и рубит без пощады, повернул моего коня обратно к нашей куче пехоты (тогда точно можно было назвать кучею сию команду; ибо, сбегаясь в одно место, никто не думал строить порядок, колонну или каре)». Между тем майор 41-го егерского Томашевский, «когда велено было ему пройти с артиллериею к отряду [он прикрывал в городе донские орудия, А.П.], то он, усмотрев у неприятеля одно батарейное орудие, взял с собою два взвода, и по сильном сопротивлении отбил оное и доставил к отряду». Капитан Павлов «находился со взводом при отбитии у неприятеля орудия, при чем примерною храбростию и неустрашимостью поощрял своих подчиненных», а поручик Прыгунов 2-й «по достижении со взводом до орудия, поощрял своих подчиненных и ударил в штыки». Поручик Бодакwa, подпоручик Подольский и прапорщик Бугаевский, «когда неприятель, усмотрев нападение на взятое им орудие, опрокинул передок в ров, то они с помощью стрелков и егерей, по приказанию майора Томашевского 1-го, сами принялись за лафет, поставили поспешно орудие на передок и тем способствовали скорейшему доставлению оного». <sup>47</sup> Таким образом, егеря Томашевского отбили одно из захваченных неприятелем батарейных орудий. Неслучайно А. Коленкур писал о 7 трофейных пушках, и лейтенант Деламадь был награжден за захват такого же числа орудий. О потере 7 пушек писал и Неверовский, а Паскевич встретил у Смоленска «пять батарейных орудий, спасшихся от неприятельской кавалерии».

Душенкевич вспоминал: «Мне и теперь живо представляется Неверовский, объезжающий



**Генерал-майор И.И. Палицын (1764-1814)**  
Шеф 41-го егерского полка

вокруг каре с обнаженною шпагою и при самом приближении несущейся атакою кавалерии, повторяющего голосом уверенного в своих подчиненных начальника: «Ребята! Помните же, чему вас учили в Москве, поступайте так и никакая кавалерия не победит вас, не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля; третья шеренга - передавай ружья как следует, и никто не смей начинать без моей команды «тревога». Все было выполнено». <sup>48</sup> Тем временем, по словам Мюрата, «остальная лёгкая кавалерия генерала Груши и III-го пехотного корпуса перешла постепенно через мост и направилась поддержать бригаду Бордесуля; это было тогда, когда начались атаки против этого громадного каре пехоты». Кавалерия 3-го армейского корпуса между 15 и 16 час. получила приказ галопом проследовать через город и преследовать неприятеля. По словам Кёниха, когда русская пехота «была выбита из Красного, мы тотчас прошли через него и перед городом слева от дороги прошли мимо Нея и Мюрата, которые призвали нас к спешному преследованию. Мы последовали по большой дороге растянутой рысью. Мюрат последовал за нами и, как только мы развернулись перед лицом русской колонны, приказал идти в атаку». Согласно рапорту, 1-й вюртембергский полк, «достигнув выхода из дефиле, развернулся в две линии и исполнил первую атаку на неприятельскую пехоту». Рапорт 2-го вюртембергского полка гласит: «Мы повстречали неприятельскую пехоту, силою около 4000 человек, на равнине; она была построена в сомкнутую колонну и осуществляла отступление под прикрытием своей артиллерии. Кавалерия, силою около пятнадцати эскадронов казаков,



была уже устранена приближением нашей кавалерии, к которой присоединились около четырёх-пяти кавалерийских полков 3-го корпуса».

После того, как кавалерия прошла через Красный, за ней следом двинулась 2-я вюртембергская конная батарея капитана фон Брайтхаупта. «Мы следовали с батареей так быстро, как могли, вспоминал Фляйшман, - но в городе было одно дефиле, которое задержало нас, и многие лошади пали от изнурения. На противоположной стороне города находилась крутая гора, и лишь с величайшим трудом мы взобрались на её вершину с 3 орудиями. Ружейный огонь с каждой минутой становился всё оживлённее, офицеры для поручений короля Неаполитанского и маршала прибывали один за другим и кричали нам: «Артиллерия вперёд!». Мы гнали лошадей из последних сил».<sup>49</sup>

По словам Нея, «в полулье от Красного кавалерия под командой короля Неаполитанского поочередно атаковала и преследовала неприятеля. Русская пехота, покинутая своей кавалерией, сначала двигалась в виде двух сомкнутых колонн, а затем в сплошном большом каре, которое, хотя и окружённое со всех сторон, продолжало своё отступление проворно и постоянно отстреливаясь». Солтык пишет, что русские отступали, «свернувшись в массы побригадно, имея свои орудия в углах колонн», а вюртембержцы говорят, что Неверовский «стянул обе свои пехотные колонны вместе и образовал плотно сомкнутое каре», и отступал в «сомкнутой (serrée) колонне». Рёдер фон Бомсдорф подтверждает, что русские отступали «отныне в одном единственном большом каре». Ляйсских уверял, что «русская пехота построилась в одно каре именно на открытом поле, справа возле уже упомянутой аллеи большой проезжей дороги, чтобы в таком построении продолжить своё отступление». По словам Бисмарка, Неверовский «свернул дивизию в глубокую походную колонну и следовал вдоль липовой аллеи возле большой дороги... Роте, составлявшей хвост его колонны, он приказал отражать залпами передовой эскадрон. Этот огонь только первый раз был правильным; вскоре вся колонна начала стрелять батальным огнём, каждый спускал курок произвольно и на удачу, выстрел повсюду находил противника, ибо число эскадронов, посылаемых главнокомандующим в атаку, умножалось с каждой минутой».<sup>50</sup>

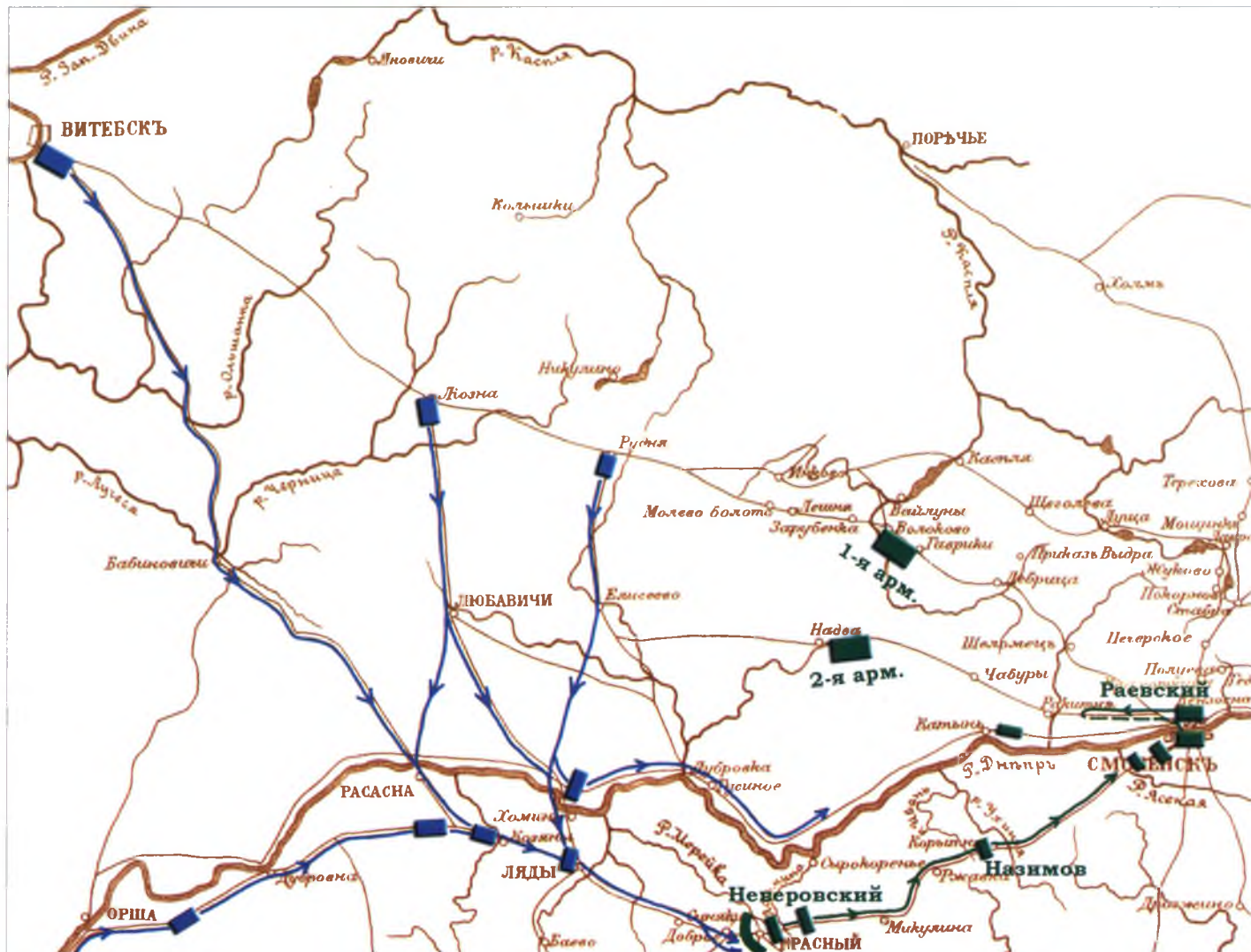
Душенкевич вспоминал, что неприятель, «опрокинувший драгун, изрубивший половину артиллерии и ее прикрытие, с самонадеянием на пехоту торжественно стремившийся, подпущен был на ближайший ружейный выстрел; каре... безмолвно, стройно стояло, как стена. Загремело повеление «Тревога!!!», барабаны подхватили оную, батальный прицельный огонь покатился быстрою дробью - и вмиг надменные враги с их лошадьми вокруг каре устлали землю...; один полковник, сопровождаемый несколькими удалцами, в вихре боя... домчались к углу каре и пали на штыках; линии же атакующие, получа неимоверно славный ружейный отпор, быстро повернули назад и ускакали в великом смятении с изрядною по-

терею. Ударен отбой пальбе, Неверовский, как герой, приветствовал подчиненных своих: «Видите ребята,- говорил он в восторге,- как легко исполняющей свою обязанность стройной пехоте побеждать кавалерию; благодарю вас и поздравляю!». Единодушное, непрерывное: «Ура!» и «Рады стараться!» раздавались ему в ответ и взаимное поздравление».<sup>51</sup> Упомянутым полковником, возможно, являлся командир 6-го шволежерского (легкоконного) полка Л.Ф.М. де Марбёф, сын генерал-лейтенанта и бывшего губернатора Корсики Ш.Р. де Марбёфа, покровителя клана Буонапарте.

Наградные документы гласят, что шеф 41-го егерского полка генерал-майор Палицын «при беспрестанном покушении неприятеля, отражал его во время отступления и равнодушною храбростию подавал пример своим подчиненным». Командир полка Шеин, «будучи ранен, не сложил команды», майор Редриков «по соединении с отрядом, во все время наступления неприятельской кавалерии, командовал правым флангом полковой колонны с примерным влиянием и мужеством». Майор Крамаревский «во все время отступления отражал атаку кавалерии, вливая мужественную твердость в подчиненных», капитаны Бледнов и Ляпунов 2-й «влагали дух твердости» в своих егерей, штабс-капитан Сахайдаков «двукратно отражал неприятельскую кавалерию». Шеф 49-го полка Кологривов и командир батальона 50-го полка майор Антонов, «когда многочисленная кавалерия окружила пехоту, тогда... своими распоряжениями и неустрашимостию приводил людей в порядок и отражал храбро неприятельское нападение».

Полковник Княжнин 1-й «при отступлении пехотных полков Симбирского и Полтавского, находившихся в его команде, удерживал неприятельскую конницу от нападения на нашу пехоту, причинял ей сильный вред хорошим распоряжением своим при произведении батального на нее огня». Командующий Полтавским полком подполковник Бобоедов «с отличным мужеством и храбростию распоряжался командуемым полком и, нанося сильный вред кавалерии, отошел в порядке за селение Мерлино». Симбирского полка командир подполковник Ф.К. Рындин и майор Карпов «благоразумными распоряжениями, твердостью и неустрашимостию своею не только не дали преследовавшей из Красного артиллерии и пехоте неприятельским, которые непрерывно производили в их карею картечной и ружейной огонь расстроить оную карею, но и многочисленную кавалерию, на пространстве двенадцати верст беспрестанно атаковавшую сию карею, отражали всякий раз с мужеством. Полк, сформированный из рекрут и солдат, в войне не бывших, единственно их мужеству и распоряжениям обязан тем, что хотя потерпел великий урон, но выдержал храбро все нападения неприятеля, а наиболее непрерывные атаки многочисленной их кавалерии, которую каждый раз опрокидывал». Майоры Пивоваров и Ушков 4-й «вспомощество-





Отступление Неверовского 15 августа



Вид города Смоленск. Раскрашенная гравюра, 1814 г.



вали со всем своим батальоном командирам, где более было опасности, там они с присутствием духа подавали пример отличной храбрости. Тот фас, на которой стремилась более неприятельская кавалерия, видел их тотчас посреди себя и одушевлялся их неустрашимостью»; при этом Ушков был ранен.

Капитан Р. Байковский 1-й «в третьем батальоне командовал левым фасом, на которой неприятельская конница наиболее стремилась, и всякий раз отражал оную с особенною храбростию; фас свой, при малейшей расстройке, приводил тотчас в порядок и дважды, по приказанию подполковника Рындина, опрокинул штыками упорную неприятельскую кавалерию, которая, не смотря на сильный ружейный огонь, стремилась ворваться в каре». Капитан Белецкий «командовал в первом батальоне задним фасом, неприятельская артиллерия и пехота особенно на сей фас имели свое стремление, кавалерия же, при малейшем оног колебании, летела на оный, но он с мужеством, содержа людей в порядке, отражал всякий раз неприятеля, искусно сберегая огонь фаса своего». Капитан Логинов, поручики Никифоров, Мартынов, Черкасов, подпоручики Кулак и Чайковский «командовали в обоих батальонах фасаами и вообще все с отличною храбростию отражали непрерывные атаки неприятельской кавалерии; их примером ободренные, никогда в огне не бывшие, молодые солдаты оказали опыты непоколебимого мужества, которые все нападения неприятеля сделали тщетными»; при этом Чайковский был ранен.<sup>52</sup> Отсюда видно, что вюртембергская батарея вела огонь по Симбирскому полку, и что французская лёгкая пехота в горячке боя выбежала из Красного и завязала перестрелку с русской пехотой. Можно допустить, что в начале отступления русские пехотные полки были построены в правильные каре, которые вскоре были нарушены сбегавшимися к ним из города егерями и атаками неприятельской кавалерии.

О том, как французская кавалерия осуществляла атаки, детально рассказал участник боя Бисмарк. «По мере того, как эскадроны миновали дефиле, Мюрат, обращаясь к каждому из них и указывая на неприятеля, кричал: «Voilà l'ennemi, chargez ferme! [Вот неприятель, атакуйте решительно]». Ни один из эскадронных командиров не ожидал повторения подобных слов, произнесённых главнокомандующим всей кавалерией; каждый из них посчитал себя совершенно освобождённым от дальнейшей подчинённости непосредственному начальству; каждый кипел нетерпением и искал случая отличиться на глазах храбрейшего из храбрых. Не сохраняя общей связи, начальники эскадронов поочерёдно командовали: «En avant, marche-marche [Вперёд, марш, марш]» и опроретью бросались вслед за неприятелем. Генералы и полковые командиры, без власти и без назначения, скакали вслед за полками, не желая отставаться позади. Таким образом, прекратилось здесь полковое единство, как перед этим, при



Р. Кнетель. Вюртембергские конные егеря Короля и герцога Людвига

прохождении через Красный, прекратилась связь бригадная. Кажется, здесь было предопределено, чтобы беспорядку не было границ».<sup>53</sup>

«Неприятель, увидев отступление, удвоил кавалерийские атаки, — пишет Паскевич. — Неверовский сомкнул свою пехоту в колонну и заслонился деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерия, повторяя непрерывно атаки во фланги и тыл генерала Неверовского, предлагала наконец ему сдаться. Он отказался, люди Полтавского полка, бывшего у него в этот день, кричали, что они умрут, а не сдадутся. Неприятель был так близко, что мог переговариваться с нашими солдатами». Это подтверждает и рассказ Андреева, который ехал посередине толпы и, «видя безопасность от наездников польских и французских, иногда любовался их строем. Они одеты были превосходно, лошади отличные, а лучшие у поляков, которые более всех делали на нас атак; но как ни упорны были их атаки, но ничего с нами сделать не могли. Наша толпа похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу при нападении неприятеля, с какой ни есть стороны, батальным огнем отстреливаясь и штыками не допускала до себя». Бисмарк также отметил, что «дивизия Неверовского не сохранила своего прежнего построения; она представляла уже не что иное, как густую, нестройную массу; но, уподоб-









**Рядовой и унтер-офицер мушкетерских полков**  
Раскрашенная литография Л.Килля. РГВИА

ляясь огненному шару, шла безостановочно по открытой местности».

Солтык признавал, что Неверовский «искусно использовал пересечённую местность, отыскивая защиту то в кустарниках, которые во многих местах покрывали местность, то в аллеях деревьев и рвах, которые окаймляли большую дорогу. Пехота московитов, хотя и покинутая своей кавалерией..., держалась хорошо и отступала в полном порядке». Андреев писал, что «взятыми у нас орудиями они пускали в нас несколько ядер и картечь и то сперва, но после, как прислуга и сбруя были ими перерублены, то и не могли тащить орудий, кои и остались на месте. Выстрелы их отняли у нас до 40 человек, иных ранили... Один польский штаб-офицер на отличном карачковом коне четыре раза один подъезжал к нам, когда мы бежали; он преспокойно галопировал возле нас и уговаривал солдат сдаться, показывая их многочисленность, и что мы себя напрасно утомляем, что все будем в плену. Но он напрасно хвастался: нашей роты унтер-офицер Колмачевской приложился на бегу, и храбреца не стало».<sup>54</sup>

В рапорте 1-го вюртембергского полка говорится, что «огромное количество этой пехоты, её хорошо поддерживаемый огонь сделали бесполезными атаки, исполненные каждым эскадроном с пылкостью, достойной похвалы. Следуя их примеру, не только другие полки бригады, но и все те, кто принимал участие в бою, атаковали либо поэскадронно (*par escadrons*), либо повзводно (*par pelotons*), и почти каждый раз проникали в силь-



**Обер-офицер и штаб-офицер мушкетерских полков.** Раскрашенная литография Л.Килля. РГВИА

но сконцентрированную неприятельскую массу, причиняя ей большие потери убитыми, ранеными, а также пленными. Это дело не имело другого результата, кроме нового доказательства храбрости и неустрашимости большей части полка». Рапорт 2-го полка сообщает, что, по приказу Мюрата, «вся кавалерия устремилась на эту массу пехоты, но была отбита её убийственным огнём и её сильной позицией. По меньшей мере двенадцать атак возобновлялись то одним полком, то другим; их успех ограничился захватом сотни пленных и убийством ещё большего числа». Сам же 2-й полк «атаковал четыре раза массу этой пехоты, многие сотни были изрублены».

По словам Кёниха, «теперь Мюрат направил (*hetzte*), в истинном значении этого слова, 6 полков обеих бригад Бёрманна и Мурье (*Monsier*) один за другим на тесно сомкнутую широкую колонну, собственно кучу (*Klumpen*) русских, которые двигались, вместо того, чтобы сделать остановку и встретить нас убийственным ружейным огнём. Так как русские тесно стояли один за другим, то только их передние ряды могли направить свои ружья в правильном направлении, чтобы прицелиться в нас, из-за чего получалось, что большая часть пуль пролетала над нашими головами. Напротив, наша кавалерия не могла глубоко вклиниться в неё. Во время одной из атак я добрался до них, но поскольку они едва могли поворачиваться, а передние [ряды] давили на задние из-за нашего удара, они не могли нанести нам потерь штыками. Во время этих постоянно





Х. Фабер дю Фор. **Перед Полоцком, 25 июля 1812 г.** Иллюстрация представляет интерес изображением вюртембергской конной артиллерии в русском походе

повторяющихся атак генерал послал меня назад, чтобы отыскать 2-й шволежерский полк, который после первой атаки не показывался. Оказалось, что Мюрат увёл его на правый фланг и там натравливал на русских. Когда я поскакал назад или, лучше сказать, в сторону, чтобы разыскать полк, я попал под настоящий град пуль из-за названной выше русской стрельбы с перелётом. Вдоль большой дороги стояла кавалерийская дивизия, которая не принимала никакого участия в бою. Её генерал, которого я спросил о полке, сказал мне: «Но скажите мне, что это такое за свинство (*soschopégie*) здесь». «Это, - ответил я, - король Неаполитанский, который атакует русских». Результатом этих, по меньшей мере, 12-15 атак было то, что несколько сотен человек русских было взято в плен или зарублено».

«Мы имели, - пишет Солтык, - четырнадцать полков кавалерии, направляемых самим королём, которые постоянно атаквали неприятельские массы. Но эти атаки, проводимые одна за другой, а не вместе, и не поддержанные нашей лёгкой артиллерией, которая не могла присоединиться, не имели никакого результата; наши полки, разъединённые естественными препятствиями, ни разу не смогли добраться до пехоты московитов построенными в линию (*en ligne*), а та встречала их хорошим непрерывным огнём с пятидесяти шагов и причиняла им большие потери». Брандт вспоминал, что «широкую равнину позади Красного пересекала большая дорога почти в перпендикулярном направлении. Она имела 30-40 шагов в

ширину, с двух сторон была обсажена двумя рядами больших берёз, так что по ней могла идти совершенно без стеснения колонна, шириною во фронт взвода (*in Zugbreite*), в то время как толстые, большей частью близко друг от друга стоящие деревья обеспечивали её фланги. В низинных местах с обеих сторон дороги были вырыты рвы, чтобы обеспечить сток воды».

«Французские конные егеря и гусары, - вспоминал Ляйссних, - а особенно вюртембергские конные егеря настигали её [пехоту] и дважды безуспешно атаквали; в третий раз ворвались они всё же в неё в одном углу и привели её в беспорядок или рассеяли и частью взяли в плен. Лишь немногие люди и лошади находились на линии ружейного выстрела каре, что доказывает, что огонь пехоты не особенно страшен для быстрой кавалерии, и что неудавшаяся атака поэтому обычно происходит от других, нежели убийственный свинец, случайностей, как то внезапно запнувшееся животное или трусливый страх перед огнём. Давящая лошадьми и рубящая кавалерия также могла самое большее убить нескольких и ранить 30 русских, правда иногда очень тяжело; поэтому все прочие из каре очутились в плену или незначительно ранеными, или совершенно здоровыми, хотя они очень храбро сражались, а атакующие столь же храбро нападали на них, как на учениях. Позади упомянутой атакующей кавалерии стояли в качестве резерва баварцы и саксонцы».<sup>55</sup> Под последними следует понимать три шволежерских полка 17-й бригады лёгкой кавалерии.





**Шволежер 1-го полка (Вюртемберг), 1811 г.**

Между тем, канонада, происходившая при взятии Красного, была услышана на другом берегу Днепра. Есаул Краснощеков с полком Мельникова 4-го отступал по северному берегу Днепра в соответствии с движениями Неверовского на соединение с 6-м егерским полком полковника Грекова. Последний сообщил генералу Сен-При из Катюни: «С 12-ти часов утра отряд господина генерал-майора Неверовского находится до сих пор в сражении против неприятеля; частые пушечные выстрелы мне слышны». Накануне корпус Раевского, которому было приказано выступить из города последнему, вслед за 2-й гренадерской дивизией, выступил тремя часами позже надлежащего, поскольку эта дивизия не трогалась с места. Ермолов пояснил, что командовавший этой дивизией принц Карл Мекленбургский, «проведя вечер с приятелями, был пьян, проспался на другой день очень поздно и тогда только мог дать приказ о выступлении. Промедление сие было впоследствии важнейшею пользою, ибо генералу Раевскому предстояло совсем другое назначение».

Сам Раевский писал, что 7-й корпус выступил не ранее 7 часов вечера, и едва проделал 7 вёрст, как послышалась канонада со стороны Красного. По словам дежурного штаб-офицера корпуса

майора В.Г. Пяткина, вскоре «адъютант Неверовского, ехавший с рапортом к главнокомандующему, известил генерала Раевского, что неприятель с большими силами напирает на отряд Неверовского». Так объяснилась причина услышанной канонады; пройдя 12 верст, Раевский остановился для отдыха. «Через час получено было от князя Багратиона предписание, чтобы генерал Раевский возвратился и следовал... к г. Красному и, заняв на половине дороги позицию, принял бы к себе отряд Неверовского». Командир корпуса приказал генерал-майору И.Ф. Паскевичу поспешить назад. «Раевский приказал мне,- вспоминал Паскевич,- взять восемь батальонов 26-й дивизии и, составив его авангард, идти вперед даже до Красного. Пройдя Смоленск, я встретил несколько трубачей и капельмейстера Харьковского драгунского полка, который сказывал мне, что под Красным было сражение, что 27-я дивизия храбро держалась, но была совершенно разбита, так что только с несколькими трубачами едва мог уйти».<sup>56</sup> Заметим, что ни Багратион, ни Раевский ещё не представляли себе реальной численности противника, напавшего на Неверовского, возможно, из-за неясного сообщения последнего.

Паскевич со слов Неверовского пишет, что «на пятой версте отступления был самый большой натиск французов, но деревья и рвы дороги мешали им врезаться в наши колонны. Стойкость нашей пехоты уничтожила пылкость их натиска. Неприятель беспрестанно вводил новые полки в дело, и все они были отбиты. Наши, без различия полков, смешались в одну колонну и отступали, отстреливаясь и отражая атаки неприятельской кавалерии. Таким образом, Неверовский отошел еще семь верст». Душенкевич также отметил, что французы «должны были не далее пятой версты от Красного положить всех нас непременно». Капитан М.Э. Бодю писал, что Неверовский «использовал для прикрытия себя на этой обширной равнине деревья, которые окаймляли дорогу и дощатые ограды, которыми были окружены некоторые поля».<sup>57</sup>

В том месте, где прерывались на некоторое расстояние берёзовые аллеи и рвы вдоль дороги, обнесённая плетнями деревня (возможно, д. Стена) едва не расстроила его ретираду. «Чтобы не быть совершенно уничтоженным, Неверовский принужден был оставить тут часть войска, которая и была отрезана». Душенкевич вспоминал, что «копны с плетеным забором, встреченные нами, и плотина, коих обойти невозможно было, причинили неизбежную, но незначительную потерю в людях, которые без тех препятствий остались бы во фронте». Неприятель захватил тыл русской колонны. Возможно, к этому времени следует отнести рассказ Гаевского. «Несмотря на изгнание неприятеля с позиции и захвата нескольких тысяч пленных, он отступал с грозным видом и не обнаруживал никакой деморализации; очевидно было, что он отступал в результате получаемых приказаний, несколько не подавленный. Увидев наступление конницы, несколько батальонов



российской пехоты упали на землю, совсем не защищаясь. Кавалерия, считая, что они сдались, миновала их и направилась к другому войску, в то время как те поднялись и дали залп с тылу по нашим солдатам. Возник беспорядок в полку гусаров, попавших между двух огней, но в этот самый час на поле боя прибыла бригада конных егерей, напала на хитрых и вероломных москалей и всех до единого переколола». <sup>58</sup>

Похоже, что именно в это время Мюрат вновь бросил в атаку вюртембергскую кавалерию. «Полковнику графу фон Норманну удалось, - гласит рапорт 2-го швележерского Лейб-полка, - во главе лейб-эскадрона своего полка, достигнуть хвоста неприятельской колонны; но задержанный плетнями, он вынужден был отказаться от атаки. 1-я конная батарея, прибыв наконец, хотя и потрепала сильно неприятельскую массу, но не смогла её сокрушить». Лейтенант этой батареи Фляйшман вспоминал: «Мы напрягли последние силы лошадей и достигли, наконец, русскую пехоту, которая образовала кучу (Клитрен). Всего в ста шагах от неё мы сняли орудия с передков и стали стрелять картечью. Это произвело ужасное действие на сомкнутую массу людей. В этот момент оба наших швележерских полка, наш конноегерский полк, 4-й конноегерский и 6-й уланский полки атаковали один за другим, но все были отбиты с большими или меньшими потерями. Русские открыли столь сильный огонь, что колонна стала подобна кратеру, непрерывно извергающему огонь. С необъяснимой горячностью король постоянно вновь подгонял туда полки, когда они, будучи отброшены, едва только собирались. Таким образом, они скакали вперемежку впереди и вокруг нас и мешали свободному и эффективному употреблению орудий. Крик и беспорядок продолжались; с невозмутимым хладнокровием русская пехота отбивала повторявшиеся атаки кавалерии».

Другой вюртембергский артиллерист, лейтенант Ф. Кауслер пишет: «Как только наша 2-я вюртембергская батарея приблизится на близкий картечный выстрел и приступит к расчищению бреши в этой компактной живой стене русской пехоты, так необдуманно горячий Мюрат сейчас же и закроет дула наших орудий полками своей кавалерии, которую полк за полком бросает в атаку, обрекая нашу батарею на невольное бездействие, и безуспешно пытается врубиться в русскую пехоту». По словам Солтыка, вюртембергская батарея прибыла в конце дня и, «ведя обстрел, произвела большие опустошения в неприятельских рядах; в одну из колонн врубился 9-й польский уланский». Рапорт вюртембергской артиллерии гласит, что бой длился 4 часа. <sup>59</sup>

Бисмарк отмечал, что все успешные и «неправильно направленные атаки не имели другого следствия, кроме уничтожения даже эскадронной связи и приведения всей конницы в состояние неслыханного беспорядка... Тиетно пытались вышшие офицеры собрать эскадроны и полки: никто не понимал друг друга, никто не слушал, никто

не слушался. Дисциплина и тактика потеряли здесь своё значение. Всё пришло в совершенный хаос. Между тем, собралось восемь батарей конных рот; они следовали в тесной связи и в примерном порядке. Храбрые командиры этих рот умоляли уступить им места, хотя бы столько, чтобы можно было дать по одному залпу; напрасно! Никто не внимал им.

Маршал Ней прискакал к королю, стараясь успокоить его и убедить принять тактические построения. Тиетно; нетерпение увлекало короля. Отвергая любой совет и слушаясь только своей пылкой храбрости, он беспрестанно передавал громкое и гибельное «chargez ferme!» - в среду нестройной массы, уничтожая тем все усилия полковых и эскадронных командиров к восстановлению порядка. Король опасался, чтобы пехотная дивизия не ускользнула, опасался потерять лишнее время тактическими распоряжениями; считал короче и естественнее броситься безо всяких соображений на неприятеля. Его необузданная храбрость служила примером для всех; он бросался лично туда, где видел опасность.

Но при самом беспорядочном нападении необходимо некоторое устройство, которым можно было бы руководствоваться для нанесения общего удара. Адъютанты же короля и его многочисленные ординарцы летали по всем направлениям, повторяя всем и каждому роковые слова «chargez ferme!». От этого-то и произошло, что атаковали на одном пункте, когда на другом нападение ослабевало; недоставало единства распоряжений, как недоставало согласия в натиске. Наконец, все полки, перемешавшись между собою, представили безобразную картину иррегулярной конницы, сбросившей с себя все законы порядка и дисциплины». <sup>60</sup>

По словам Паскевича, Неверовский с самого начала боя «заслонился деревьями, которыми обсажена дорога», а на пятой версте отступления, когда был самый сильный натиск французов, «деревья и рвы дороги помешали им врезаться в наши колонны». Андреев писал иначе о начале боя: «Поле было широко и ровно; было где разгуляться. Одна наша беда была, что неприятель не допускал нас выйти на дорогу, которая... обсажена в два ряда по сторонам густо березами, что мешало бы более кавалерии близко к нам доезжать». Это противоречие, как кажется, помогает разрешить сообщение Душенкевича. Призывая в свидетели участников боя П.С. Лошкарева и А.А. Унгебаура (дивизионного адъютанта), он уверял: «Мы вышли на большую дорогу, деревьями усаженную, но уже после встречи препятствий (копен и плетня). Именно после этого «французы, пользуясь гладкою, как платформа, дорогою, тотчас начали подчинять нашими же картечами, как бы в досаде подгоняя шибче отступать; но мы продолжали следование свое в строгом порядке и под сопровождением картечным. Французы же и тем ничего не выиграли». <sup>61</sup>

Между тем Лесли со взводом харьковских драгун, собрав необходимые сведения, «возвращался к своему отряду; но сверх всякого ожидания,





Х. Фабер дю Фор. **Рядом с Бешенковичами, 29 июля 1812 г. (фрагмент)**. На иллюстрации изображены вюртембергские конные артиллеристы в русском походе

встретил отряд неприятельских гусар при деревне Лучках [Лучково]. Не видя другого средства проложить себе дорогу как пойти в атаку, он не задумался, пошел, разбил неприятеля и очистил путь, при этом взято им в плен 9 человек с лошадьми; но чтобы присоединиться к своему войску он должен был проходить деревни, занятые французскими мародерами; увидев пленных своих соотечественников, французы открыли сильную стрельбу, к счастью не причинившую ему никакого вреда, и в продолжении пути несколько раз неприятельские отряды гнались за ним, желая отбить своих пленных. Не доезжая 3 верст до г. Красный, он увидел себя отрезанным и окруженным неприятелем; оставалось одно средство к спасению - броситься в лес - и он скрылся там с пленными; неприятель далее не смел преследовать его. В лесу П.Д. Лесли нашел многих жителей г. Красный, сообщивших ему, что их город несколько часов как занят французами. С проводником, окольными дорогами, он возвратился к нашим войскам. Генерал Оленин удивился, увидя Лесли и взвод драгун целыми и невредимыми; он считал их погибшими». Согласно наградному документу, поручик Харьковского полка Спановский, «быв на наблюдательном посту у берега Днепра при Лучках с 25 драгунами, удержал пост до двух часов пополудни, был уже отрезан, но по отличной способности замечал местоположение, успел соединиться с отрядом». <sup>62</sup>

После неудачной атаки вюртембергских кавалеристов пехотинцы Неверовского продолжили отступление, направляясь к дефиле. Груши собирался воспрепятствовать этому движению, но

Мюрат, обманутый ложным донесением, отклонил большую часть его кавалерии в сторону, оставив ему лишь около 600 коней 11-й бригады. Груши направил 8-й конно-егерский полк, чтобы овладеть дефиле, но он был слишком слаб, чтобы остановить Неверовского. 6-й гусарский полк атаковал колонну слева, но также неудачно. Неверовский писал, что его пехота, «окруженная многочисленной неприятельской конницей и поражаемая картечными выстрелами, но не взирая ни на силу неприятеля, ни на опасности, она ружейным огнем и штыками прокладывала себе дорогу. Неустрашимость и храбрость русского солдата явились во всем своем блеске. Должно сказать, что одна твердость и мужество могли преодолеть те препятствия, которые на каждом шагу встречали егерские и пехотные полки при отступлении от реки Лоствины до селения Мерлина, в 5 верстах от той реки отстоящего». <sup>63</sup>

По словам Фельдера, Груши получил приказ опередить противника, спешившего к теснине, но опоздал. За версту до речки Неверовский встретил высланный ранее отряд Назимова, который устроил по обе стороны дороги укрепления, а орудия разместил на возвышенности. Неверовский сообщил в реляции: «Батальон 50-го егерского полка, посланный для очищения тылу наших позиций, был мною здесь остановлен и поставлен на высоте близ Мерлино («для прикрытия дефиле», сказано в наградном документе); Донская артиллерия присоединилась к оному, а батарейная рота и конница пронеслись мимо, ничему не внимая (и «пронеслась к самому Смоленску»). Харьковский полк один, после справясь, прикрывал ретираду.





Х. Фабер дю Фор. **Славково, 27 августа 1812 г.** На иллюстрации изображены гренадеры Старой гвардии во время русского похода

Сильный батальный огонь и действие двух донских орудий остановили стремление неприятельской конницы, которая и принужденною нашлась оставить тщетные усилия на нашу пехоту, ретировавшуюся под прикрытием помянутого батальона, который, наконец, бросился в штыки и тем совершенно изумил неприятеля. После сих действий отступил я к Корытне». Майоры Тихановский и И.Е. Бурман, капитан Дейч, поручики Лисовский и Войнич, подпоручик Осипов «у перехода через мост при селе Мерлине встретили неприятеля с отменною храбростию и, остановя его в сем месте, доставили время отряду перейти через мост и, устроясь, отойти в безопаснотти далее». <sup>64</sup> По словам Андреева, в 8-м часу вечера «показался вдали лес, а перед ним высокая и длинная гора, параллельно протянута пред нами, на которой наш дивизионный начальник резерв свой, бывший из одного батальона нашего полка, выстроил в одну шеренгу егерей и остановленных ими драгун и казаков с донскими двумя орудиями, кои с высоты по неприятелю сделали несколько выстрелов. Французы, полагая, что резерв велик, пехота и артиллерия, и видя сзади лес и уже близко вечер, остановились, и мы, пробежав мимо своих, начали выстраиваться по полкам, пришли в порядок». Неверовский признавался: «Меня спасло, что я послал один батальон, две пушки и казачий полк занять дефилюе... Далее неприятель не смел меня преследовать». Мюрат

писал, что неприятель вынужден был «искать спасение за последним оврагом, который защищался артиллерией и двумя резервными батальонами, которые прикрывали его прохождение, и ночь положила конец этому яростному сражению. Вся моя кавалерия заняла позицию на поле боя; III-й корпус - позади, соприкасаясь с моей кавалерией». Лёгкая кавалерия 3-го корпуса расположилась биваками на поле боя. 24-й полк лёгкой пехоты «присоединился к кавалерии, которая отбросила неприятеля до Корытны и остановился с ней впереди этой деревни».

Андреев пишет: «Мы были на бегу и в сражении от 10 часов утра до 8 полудня, пробежали 25 верст и каждый шаг вперед оспаривали дракой». По свидетельству Душенкевича, бой длился «с двух пополудни до 7-ми час. вечера», а по словам вюртембергцев, он длился 4 часа и завершился в 20 час. <sup>65</sup> «На закате,- вспоминал Гриуа,- мы заняли позицию и расположились биваками на местности, которую мы овладели. Я там нашёл четырёх русских солдат, которых моя артиллерия вывела из строя; у всех были оторваны руки или ноги, но они были ещё живы и не стонали и не зывали о помощи, напротив, они её отклоняли и проявляли склонность умереть там, где находились. Я не мог понять этого рода пассивного мужества. Лишь позднее полковник стал замечать, что русские солдаты, «по своему невежеству и легковерному суеверию», умирали, обнимая образ святого





**Дивизионный генерал  
Э.-М.-А.Ш. Нансути (1768-1815)**

Николая, который они постоянно носили с собой, полагая попасть прямоком на небо и почти благоговая удар, который их туда направлял.<sup>66</sup>

Между тем Паскевич, выступив из Смоленска, «встретил в 3 верстах адъютанта генерала Неверовского и пять батарейных орудий, спасшихся от неприятельской кавалерии. От адъютанта узнал я, что Неверовский действительно потерял половину людей, но отступил в порядке и находится в 6 верстах».<sup>67</sup>

Перейдя через речку у Мерлино, русские держались здесь до наступления ночи. Фляйшман с горечью констатировал: «К стыду нашего командира и к высшей славе неприятеля, ускользнул, в конце концов, с помощью наступившей ночи, остаток русской пехотной колонны почти в 3000 человек, из которых, строго говоря, ни один не должен был ускользнуть, если бы атаки осуществлялись с благоразумием и рассудительностью». Очевидно, ещё до полуночи Неверовский написал Багратиону из Корытни: «Я с отрядом моим отступил к станции Корытно». Тогда же Глебов получил извещение Неверовского о том, что он «отступил от Красного до Корытна». На другой день, 3/15 августа Глебов донёс Багратиону из Катыни, что «Неверовский с отрядом от Красного отступил вчера к вечеру в Корытну, а сегодня из Корытной по утру к Смоленску». Таким образом,

за ночь Неверовский отошёл ещё на 19 вёрст до оврага, находившегося у речки Ясенной. Утром Неверовский сообщил: «Отступил я к Корытне и сего числа пришел в селение Ясенное, оставив в Корытне для наблюдения казачьи полки. В Ясенной получил первое известие от господина ген[ерал]-лейт[енанта] Раевского, что он с корпусом своим... идет на подкрепление вверенного мне отряда».

На рассвете майор Пяткин был послан Раевским в Смоленск, где «узнал от казаков, прибывших туда с вьюками, что отряд Неверовского, будучи окружен огромными массами неприятельской кавалерии, подвергся совершенному истреблению». С этим неприятным известием Пяткин возвратился к генералу. Сам Раевский пишет, что направил адъютанта, чтобы получить информацию, но затем явился кто-то, ни имени, ни звания которого он не запомнил, и сообщил, что «Неверовский со своей дивизией истреблен (était exterminé)». Раевский не поверил этому сообщению и поехал спросить совета у генерала Л. Беннигсена, находившегося в Смоленске. Тот подтвердил ему ложность этого известия, но указал на опасность его положения и рекомендовал оставить артиллерию на северном берегу Днепр. Не послушавшись этого совета, Раевский прошёл через Смоленск и расположился в 1-2 верстах перед городом.

Паскевич вспоминал: «В семь часов утра я соединился с Неверовским и сообщил ему приказание корпусного командира передать мне командование авангардом, а ему присоединиться к корпусу. Войска мои заняли позицию за оврагом». Михайловскому-Данилевскому Паскевич сообщил: «Совершив подвиг и соединясь со мною, Неверовский предавался совершенному отчаянию. Он думал только о понесенных потерях, и я не мог утешить его, сколько ни повторял ему, что его отступление было не поражение, но торжество, соображая несоразмерность сил его с силами Мюрата».<sup>68</sup>

В 7 часов утра 15 августа с бивака у Мерлино Мюрат написал: «Неприятель ночью продолжил своё отступление. Рекогносцировки ничего не обнаружили. Я двинусь маршем в восемь часов утра. Необходимо дать это время войскам, которые всю ночь с 13 на 14 прошли на конях и которые сражались вчера до девяти часов вечера». Между тем Наполеон утром выехал из Россасно в Красный, куда было приказано выступить и гвардии. «По пути,- вспоминал Коленкур,- он получил сведения, что завязался бой между кавалерией и русской дивизией, которой... было поручено прикрывать Красный. Он помчался туда галопом, но вскоре узнал, что бой уже кончен, и встретил неприятельские орудия, отбитые нашими войсками и сопровождаемые храбрецами, захватившими их. Каждый из них получил значительную денежную награду, а орудия были переданы гвардии, которой было поручено хранить эти первые трофеи кампании. Согласно донесениям, полученным императором, русская дивизия... держалась хорошо, образовала несколько каре и доблестно защищала свои орудия и свои





**Бригадный генерал Э. Бордессуль (1771-1837)**

позиции. Прорвать каре не удалось..., при отступлении дивизия потеряла семь орудий. Выдержка ее была такова, что она дождалась вечера и воспользовалась дефиле, которые и спасли ее от полного разгрома... Сведения, полученные от нескольких раненых русских, взятых в плен, положили конец всяким сомнениям императора и подтвердили ему факт передвижений генерала Баркляя де Толли на правом берегу... Всем корпусам было приказано ускорить свое движение на Смоленск.<sup>69</sup>

Фляйшман вспоминал, как утром 15 августа им сообщили, что Наполеон произведёт смотр войскам, а вюртембергская батарея должна будет при его появлении произвести 12 выстрелов. «Мы были готовы, когда в 9 часов император появился на возвышенности. Мы начали стрелять, но в тот же момент к нам подскакали несколько офицеров из свиты императора и прокричали: “Не стрелять, император это запретил!”. Мы прекратили. Когда он проезжал мимо нас, то остановился и спросил маршала: “Это батарея генерала Бёрманна?”. “Да, Сир”, - ответил герцог. Он поехал далее и ещё некоторое время говорил с ним. Вскоре после этого маршал возвратился к нам, встал перед фронтом и сказал: “Император поручил мне передать вам своё удовлетворение; он надеется, что вы и впредь сохраните и увеличите славу, которую вы приобрели своим прежним поведением”. Кёних также пишет, что «в свой день рождения Наполеон проскакал через поле боя и ве-



**Бригадный генерал Ж.-С. Домон (1774-1830)**

лел, в частности, через маршала Нея, от которого я держался на некотором удалении, похвалить командира нашей конной батареи капитана Брайтхаупта, который, если я правильно помню, получил офицерский крест [ордена] Почётного легиона». Майор гвардейской артиллерии Ж.Ф. Булар, канонирам которого было поручено отвезти захваченные у русских орудия, вспоминал: «Были слышны полковые оркестры и 100-орудийный салют вдоль линии. Наполеон заметил, что они не могут позволить себе так растрачивать порох, но улыбнулся, когда Мюрат ответил, что он был взят у русских».

Капитан А. Бялковский видел французских драгун, сопровождавших взятые орудия и русских пленных. Гвардия в тот день подходила к Красному. Капитан Л.Ф. Фантэн дез Одоар записал в дневнике: «Вчера это место было театром довольно кровопролитного боя, судя по трупам, разбросанным по улицам и по дорогам. По этому случаю Красный был разорён. Две его греческие церкви также разграблены, но к счастью ещё стоят, будучи загромождены мёртвыми и ранеными русскими и французами, нагромождёнными вперемешку. Я нашёл хоры одной из них занятыми кучей русских музыкантов, изрубленных накануне в центре одного из их разбитых каре. В момент катастрофы эти несчастные напрасно позаботились поднять в воздух свои инструменты, чтобы засвидетельствовать своё безобидное предназначение; сабли наших безжалостных кирасир тем не менее опус-



мились на них, и все они были более или менее покалечены». Главный хирург армии Д.Ж. Ларрэ также упоминает брошенных в Красном русских раненых. «С нашей стороны,- пишет он,- мы имели пятьсот, почти все поражённые ударами холодного оружия. Я оставил в этом городе много санитарных офицеров, чтобы обслуживать госпиталь, который был учреждён там».<sup>70</sup>

В 14 часов Неверовский явился к Раевскому. Последний вспоминал: «Он сообщил мне, что прибыл со своей пехотой, потеряв несколько орудий, что он оставил своих казаков на аванпосту в семи-восьми верстах от города, что противник остановился, чтобы переночевать, и что он имеет большие силы». По словам Паскевича, «в 4 часа пополудни показались неприятельские фланкеры, а потом его авангард». В 17 часов Раевский услышал выстрел из пушки, и вскоре к нему явился казачий офицер с сообщением, что противник идёт на Смоленск и аванпост отступает перед ним. Вечером огромные массы кавалерии Мюрата развернулись перед корпусом Раевского и расположились на ночёвку.<sup>71</sup>

Подводя итог боя, Мюрат написал императору: «Более 30 атак были предприняты против каре; все кавалерийские полки атаковали поочерёдно и несколько раз вместе; три раза наша кавалерия врывалась в каре во главе с генералами Бельяром, Дери, Орнано и Бордесулем. Если со стороны кавалерии я никогда не видел столько отваги, то следует признать, что я никогда не видел более неустранимости со стороны неприятеля, ибо это огромное каре, постоянно окружённое, атакованное с флангов и с тыла, было вынуждено прокладывать путь штыками против нашей кавалерии, которая постоянно перерезала ему путь отступления». По его словам, было захвачено 1500 пленных, 8 орудий и, по меньшей мере, 1500 русских было убито; они должны иметь значительное число раненых. По свидетельству Фляйшмана, «среди множества пленных, которых доставляли к нам во время и после боя, лишь немногие были не ранены».

В свою очередь Ней доложил маршалу А. Бертье, что кавалерия произвела более 40 атак. «Русских преследовали до высоты дефиле у Корытни,- пишет он.- У них взято 8 орудий, пленено около 800 человек и убито по меньшей мере 1000. Следовательно, эта дивизия, которая являлась 27-й, состоявшей из четырех полков мушкетёров, двух - егерей, под командой генерала Неверовского, должна была потерять убитыми, ранеными и пленными половину своего состава... Потери армейского корпуса составили около 200 человек убитых и раненых». Оба маршала сообщили, что, согласно показаниям пленных, в Смоленске войск мало, а русские армии двинулась на Поречье и находится в 4-5 днях пути от города. Явно обрадованный Бертье в 23 часа написал Б.Г. Марэ: «Этим вечером мы имели прекрасное (belle) авангардное дело. Противник имел в Красном целую дивизию; эта дивизия была опрокинута. Мы взяли восемь пушек, двенадцать зарядных ящиков,

1200-1400 пленных, а остальные убиты или зарублены. Завтра армия продолжит своё движение к Смоленску».

Мюрат перечислил отличившихся в этом бою: «Генерал Бельяр, который постоянно был во главе всех атак, генералы Дери, Орнано, Бордесуль, Пиньятелли, Бёрманн, Домон, под которым была убита лошадь, князь Кариати, мой офицер-ординарец и мой шталмейстер Карафа, под которым была ранена лошадь. Отличился весь штаб герцога Эльхингенского, но особенно шеф эскадрона Лабуассьер и капитан Дюбрёй, адъютанты герцога. Все мои адъютанты вели себя с привычной храбростью. Полковники Борелли и Гобер и шеф эскадрона Робер, под которым убита лошадь, и господа Беранже и Сен-Женье, офицеры штаба, также отличились». Ней испрашивал звание полковника для Ф.Ж. Лабуассьера и крест Почётного легиона для помощника начальника штаба Дюбрёя. В 13 бюллетене «Великой армии» особо отличившимися названы генерал Бордесуль и 3-й конно-егерский полк и сказано, что захвачены 8 пушек, из которых одна 12-фунтовая и 2 единорога, а также 14 запряжённых зарядных ящиков и 1500 пленных; на поле боя осталось более тысячи русских трупов, так что русская дивизия из 5 тыс. чел. потеряла половину своих людей. Правда, секретарь-переводчик Наполеона Э.А. Леронь д'Идевилль написал Марэ, что «перед императором продефилировали 5 пушек и около 600 пленных».<sup>72</sup>

Неверовский сообщил, что его урон «простирается до 1500 человек убитых, раненых и безывестно пропавших. Точного же исчисления потери по краткости времени, я до сих пор сделать не мог». Позднее он уточнил: «Потеря была у меня велика: 1200 рядовых убитыми и ранеными, 20 штаб и обер-офицеров, и адъютант мой, Евсюков, подле меня смертельно ранен, и умер тут же».<sup>73</sup> В.И. Вяликов подсчитал русские потери на основании полковых ведомостей - убито 346 (25 офицеров, 321 солдат), ранено 285 (27 офицеров, 258 солдат), пропало без вести 647 (20 офицеров, 627 солдат), всего 1278 чел. Впрочем, реальная цифра была несколько выше, поскольку Вяликов учёл не все потери. К тому же, реальное число раненых было большим, поскольку почти все без вести пропавшие попали в плен, и среди них было множество раненых.<sup>74</sup>

«В ожидании верного известия от Неверовского,- вспоминал Пяткин,- генерал Раевский оставился с корпусом в 4 верстах от г. Смоленска. Вскоре после сего представил я Раевскому взятого казаками в плен французского офицера, назвавшегося адъютантом Мюрата. Раевский принял его ласково» и пленный рассказал, что «перед нами стоит Наполеон с главными силами и что завтра, то есть 4 августа атакует нас всеми силами в честь дня своего рождения. Спустя несколько времени прибыл и генерал Неверовский с остатками его пехоты. Он донес генералу Раевскому, что французы отбили у него несколько орудий, и что потеря в людях довольно ощутительна, что неприятель остановился на ночлег верстах





**Рядовой мушкетерских полков, 1809-1812 гг.**  
из "Историческое описание одежды  
и вооружения..."

в 8 от Смоленска, что войска, поражавшие его, весьма многочисленны, и что казаков оставил он на аванпостах. Генерал Раевский донёс обо всем» Багратиону, который сообщил, что «Раевский, удвоив марш прошед без привалу 40 в.», соединился с Неверовским в 6 верстах от Смоленска.<sup>75</sup>

Утром 3/15 августа Багратион сообщил Барклаю из Надвы, что «вчера с нашим обсервационным корпусом сражался корпус Нея, что он направил генерала Карпова с 3 казачьими полками с приказом переправиться через Днепр, чтобы открыть неприятеля». Багратион получил донесение Смоленского губернатора К.И. Аша от 2-го числа: «Дворянин Красненского уезда князь Друцкой-Соколинский... объяснит вашему сиятельству сражение сего дня, в Красном происходившее, и последствия оногo», однако сам вестник ещё не прибыл из-за усталости лошадей. Багратион двинулся было сам перейти на левый берег, чтобы потеснить противника, если этого ещё не сделал Раевский, но на марше к Катыни получил новые сведения. Сначала Карпов донёс, что Неверовский отступил в Корытно и потому есаул Краснощеков с полком Мельникова 4-го, «смотря по отступлению его, следует к селению Катыни для соединения с 6-м егерским полком... Партия, посланная к селению Кузину, сию минуту донесла мне, что неприятель из города Красного имеет движение по большой дороге к городу Смоленску».



**Рядовой мушкетерских полков, 1812-1817 гг.**  
из "Историческое описание одежды  
и вооружения..."

Прибыв затем в селение Башутку, Карпов и там не смог «переправиться на левый берег потому, что неприятель по дороге..., начиная от Красного до Корытна, тянется частями и сегодня пушечная стрельба, по объявлению здешних жителей, действительно была в Корытно». Поскольку бродов поблизости не оказалось, Карпов направился в Катынь, но «несколько партий переправил вплавь через Днепр, чтобы они открыли неприятеля». Спустя какое-то время, взятые этими партиями 20 пленных показали, что на левом берегу находится всё французская армия! Только теперь Багратион понял, что Раевский не сможет противостоять таким силам, и поспешил в Смоленск, куда призвал и Барклая. Получив вскоре рапорт Неверовского, он тут же переслал его Барклаю, прибавив: «Надеяться нельзя, чтоб он мог долго защищаться, и мне ничего не остается, как идти скорее в Смоленск, дабы соединиться с ним на правом берегу Днепра».<sup>76</sup> То есть Багратион уже не надеялся на то, что Смоленск удастся удержать.

\*\*\*

Как же оценивали участники боя и современники его результаты и значение. Андреев с гордостью писал: «Сражение наше есть необыкновенное:

Стр. 86-87. А. Ежов. Атака  
2-го вюртембергского шволежерского  
полка при Красном ►









Р. Кнетель. Адъютанты Неаполитанского короля

без привалов и порядка, не слушаясь начальников (да и кого же слушать?), толпа наша была смешана из разных полков, и сами без команды отбивались и бежали. Всего нас было 9 баталионов, а их, ужас! 38 полков отличной кавалерии и начальник их Мюрат... Ура! 27-я дивизия не поддавалась. Голубчики не струсили; не дали неприятелю торжествовать... Первое сражение, дивизия молодая, рекруты, но отделились. Хвала и Неверовскому: он остановил стремление неприятеля и обессмертил свое имя сим сражением, выведя свою дивизию, можно сказать, невредимую». Неверовский в донесении от 16 августа писал, что он «при этом отступлении увидел, до чего может возвыситься мужество и неустрашимость русского солдата, преодолевая все препятствия, неприятелем на пути ежеминутно полагаемые», и без ложной скромности признавался родственникам: «Дело сие бессмертную мне славу делает; ибо последствие то, что неприятель был задержан два дни, и наши армии успели возвратиться в Смоленск, куда я привел неприятеля на плечах своего отряда». Гордостью наполнены и слова Душенкевича: «Вот первая встреча новоформированных воинов России числом 5 тыс. против 25-ти тыс. тщеславной кавалерии под предводительством громких маршалов Франции... Они же получили урок, весьма не новый, оторопивший всех - от первого маршала до последнего солдата, то есть "качество войска преимущественнее количества"... и мы взаимно оправдали оный во всей силе».

В донесении императору от 5/17 августа Багратион написал, что неприятель, «атаковал всеми силами слабый наш обсервационный корпус. Г.-м. Неверовский, командовавший оным, держался 10 ч[асов] против всей конницы маршала Ней, где было более 18 полков кавалерии с пехотою..., был б верст сряду окруженным всею неприятельскою силою и хотя урон у него значущий, но нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какою дивизия его, совершенно новая, дралась противу чрезмерно превосходных сил неприятельских, можно даже сказать, что примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя». Ф.В. Ростопчину Багратион написал 16 августа: «Дивизия новая 27-я Неверовского так храбро дралась, что и не слыхано». Сен-При также привёл Александру «прекрасный пример в отступлении, которое осуществил генерал Неверовский от Красного до Смоленска с войсками, совсем новыми, который, постоянно окружённый более чем 50 эскадронами, ни разу не позволил себя отрезать, бился в рукопашной схватке с неприятельской пехотой; это самое максимальное, что можно было бы ожидать от солдат более обстрелянных». К.Ф. Толь позднее писал о Неверовском: «36-ть часов времени держался он на пространстве 45-ти верст, и наконец, потеряв до 1500 человек и пять орудий, 4-го числа к вечеру отступил к городу Смоленску». По мнению Д.П. Бутурлина, Неверовский, несмотря на большие потери, «успел сохранить большую часть войск своих, среди столь великой опасности, что генерал, менее его твердый духом, не преминул бы положить ружье».<sup>77</sup>

Как видим, уже изначально русские участники войны делали акцент на значительное численное превосходство неприятеля и на то обстоятельство, что ему противостояли молодые, необстрелянные войска, в пылу восторга «забывая» о том, что рекруты составляли лишь половину отряда Неверовского. Кроме того, явно завывшалась продолжительность боя.

Впрочем, не только русские воины осознавали величие своего подвига. Заслуги российской пехоты признавали и все участники боя с неприятельской стороны. Так, лейтенант Ведель писал: «Мы произвели бесчисленные кавалерийские атаки на спешно отступающего противника, однако не удалось привести его в расстройство. Спокойствие и хладнокровие русской пехоты, которую мы постоянно преследовали вплоть до темноты, достойны восхищения, она одна спасла отряд». Мюрат признался императору, что «никогда ещё не видел больше отваги со стороны неприятеля». Ней писал, что русские отступали «в хорошем порядке» и «с проворством». Гриуа засвидетельствовал, что русские «совершили прекрасное отступление (une belle retraite)..., они держались непоколебимо и оставили поле боя только после упорного и смертоносного боя». По словам Ф. Сегюра, «честь этого дня принадлежит французской кавалерии. Атака была настолько же ожесточённая, насколько была упорна защита. На стороне последней имелось больше заслуг, так как она



могла употреблять только одно железо, против огня и железа». Ж. Шамбрэ отметил, что «дело под Красным являет достопамятный пример превосходства хорошо обученной и хорошо предводимой пехоты над конницей». <sup>78</sup>

Паскевич заявил: «Немного чести их кавалерии, что 15 тыс. в сорок атак не могли истребить 6 тыс. нашей пехоты». Душенкевич, Ермолов, Данилевский и многие историки специально подчёркивали низкое качество французской кавалерии, поскольку она не смогла управиться с «горсткой» молодых русских рекрутов. Подобные заявления требуют корректировки. Во-первых, отнюдь не вся дивизия состояла из рекрутов: из пяти пехотных полков, два (Полтавский и 41-й егерский) были составлены из обстрелянных солдат. Во-вторых, некорректно именовать наблюдательный корпус «горсткой» солдат, даже на фоне значительно превосходящего неприятеля. Отряд Неверовского насчитывал около 7200 чел. при 14 орудиях. В-третьих, неприятельская кавалерия атаковала не вся сразу, «скопом», а побригадно, чаще полками, а те, в свою очередь, поэскадронно и даже повзводно.

Участник боя Бисмарк вспоминал, что для всех инструкций Мюрат довольствовался приказанием эскадронам, указывая им на неприятеля: «Вот неприятель, атакуйте решительно!». Ни один командир эскадрона не мог позволить себе ждать повторения такого призыва командующего всей кавалерией, каждый полагал себя освобождённым от приказов своего полковника. Каждый шеф эскадрона командовал, не заботясь о целом: «Вперёд марш!» и в карьер устремлялся на неприятеля. Командующий артиллерией корпуса Груши свидетельствует: «Наш корпус не вступал целиком (*en entier*) в это дело..., но весь день сражался частями (*partiellement*)». Так что в каждый отдельный момент боя реальное соотношение сил было совсем иным, чем при подсчёте общего количества войск на поле боя с той и с другой стороны. В этой связи следует привести слова Нея: «Многие эскадроны проникали в каре и отрезали батальоны, но неприятель избежал всеобщей гибели благодаря силе инерции, каковую его масса противодействовала намного больше, чем эффективностью своего огня, который производил более шума, нежели вреда». А. Фэн также признавал, что «самая блистательная храбрость наших солдат истощается: ударяя в густую колонну, они рубят её, но не могут сломить». <sup>79</sup>

Что же касается качества кавалерии, то в этом роде войск нужно учитывать два элемента: личный и конский состав. Нет никакого сомнения в высокой боеспособности и боевом духе неприятельских кавалеристов. Другое дело - конский состав, он, действительно, к тому времени был уже сильно ослаблен, измотан длинными переходами и, главное, плохим питанием; это было известно и русским. <sup>80</sup>

При таких уточнениях становится ясно, что не в качестве неприятельских войск как таковом заключалась причина слабой результативности

действий противника, а в плохом тактическом руководстве этими войсками. Мюрат не сумел реализовать своё численное преимущество, расплылся свои силы и бил «не кулаком, а растопыренными пальцами». По мнению Бисмарка, «это сражение представляет неоспоримое доказательство и яркий пример того, что самая храбрая и многочисленная кавалерия, когда плохо управление ею, превращается в совершенное ничтожество. Это сражение нанесло французской кавалерии первый жестокий удар; оно причинило более вреда, чем понесённые ею до того времени потери от недостатка в продовольствии и излишних усилий и трудов. Другой результат ожидал бы Мюрата, если бы он действовал правильно, избрав из тактических соображений самое соответствующее месту и обстоятельствам; если бы он провозжал Неверовского с обеих сторон дороги разомкнутыми эскадронными или взводными колоннами; если бы, утомляя и расстраивая его непрерывной картечью из многочисленных батарей, он воспользовался бы моментом и удобной местностью и скоординировал вовремя: «Эскадроны стой, направо и налево заезжай: марш-марш!». В таком случае храбрый Неверовский и его отличная молодая дивизия, вопреки всем человеческим усилиям, не смогли бы сдержать натиск». Ф. Рёдер считал, что этот бой был «прекрасным примером стойкого поведения пехоты против кавалерии» и справедливым наказанием вождю кавалерии, который самонадеянно решил, что непременно сомнёт пехоту лошадьми, и не пожелал применить конную артиллерию.

Историк кавалерии Л. Пикар писал: «Для того, чтобы оправдать Мюрата, атаковавшего не дожидаясь своей артиллерии, следует сказать, и это правда, что она была остановлена из-за разломанного моста, который следовало исправить; но очевидно трудно согласиться с тем, что с 6 дивизиями кавалерии невозможно было бы окружить русскую колонну и удержать её до прибытия артиллерии и лёгкой пехоты Нея; эта пехота следовала рядом с Нансути и Монбрёном, и только несколько рот смогли принять участие в овладении городом Красный». «Надо сознаться, - подчеркнул Вороновский, - что необузданная пылкость Мюрата не мало облегчила крайне трудную и сложную задачу Неверовского». Повинуясь приказам начальника, кавалерийские командиры «поочередно бросали свои эскадроны на русский отряд; все смешалось в общей свалке и хорошо обученная кавалерия действовала как беспорядочная иррегулярная конница». Мюрат не прислушался к резонным предложениям Нея, предлагавшего силами кавалерии отрезать русским путь отступления, подтянуть артиллерию и уничтожить неприятеля. <sup>81</sup> Не ясно также, почему французская пехота осталась в Красном и не приняла участия в преследовании. Даже сами русские признавали, что при таких действиях противника ничто не могло бы спасти их от гибели. Выражаясь по-солдатски, королю Неаполитанскому «вожжа под хвост попала» - он решил разбить противника си-





**Маршал М. Ней (1769-1815).** Гравюра Г. Паркера по оригиналу Ф. Жерара. 1833 г.

лами исключительно того рода войск, каковым он командовал в «Великой армии». Мюрат не захотел разделить лавры лёгкой, как ему казалось, победы с артиллерией и пехотой, слава нужна была ему одному. Видимо, он хотел преподнести личный подарок императору ко дню его рождения.

Действиями Мюрата остались недовольны буквально все в «Великой армии». Ней, всё время находившийся со своим штабом рядом с королём, был очень недоволен тем, как тот руководил боем. Известны также его высказывания перед своими офицерами. «Маршал Ней, который получил своё воспитание в кавалерии, объехав линии, собрал вечером двух генералов, шестерых полковников и всех командиров эскадронов двух своих бригад. Чтобы снова воодушевить своих, глубоко подавленных, офицеров, он без обиняков указал им на ошибки короля и выразил им свои сожаления, что в тот день кавалерия его армейского корпуса была поручена королю». Выражением этой досады Ней явилось и его предложение, которое маршал на следующий день сделал императору; он просил составить авангард из трёх пехотных дивизий.<sup>82</sup>

Капитан Ю.Ф. Био писал: «Этот бой не дал результатов, которых от него с правом следовало ожидать. Неприятель построился в каре, наша кавалерия атаковала частями, по полкам, из которых каждый поочередно был отбит. Эти неприятельские войска..., без сомнения, понесли большие потери, но они ещё существовали, в то время как они должны были быть уничтожены». Брандт, проезжавший через поле боя 15 август-



**Маршал Й. Мюрат (1767-1815)**  
Акварель н.х. 1-я четверть XIX в.

та, вспоминал: «Я полагаю, что во всей военной истории это едва ли не единственный пример столь плохого применения кавалерии и такого небрежного и безрассудного использования этого рода войск. Во всей армии тогда также господствовало только настроение возмущения этим... Говорят, что депутация от кавалерии привезла императору орудия, в качестве подарка на день рождения, высказывая при этом сожаление, что бегство русских лишило её возможности ещё более отличиться. Но в лагере также говорили, что император остался очень недоволен всем этим делом, и солдатская острота вложила ему в уста следующие слова: «Мюрат действовал как ученик Сен-Сира» [кавалерийской школы].<sup>83</sup>

Подобная точка зрения на бой при Красном стала общепринятой в западной историографии. Только К. Блейбтрой был с ней не согласен. «Весь этот школьный пример неполноценности кавалерии является от А до Я фальшивым, - считал он. - Во-первых, Неверовский имел 7000, из которых 1500 кавалеристов, и 15 орудий. Следовательно, отпадает представление о пехоте, предоставленной только самой себе; она потеряла, по собственным русским данным 1500 чел., из которых половину пленными, или даже 2500 и 7 орудий»; она состояла не из одних рекрутов. 24-й лёгкий полк потерял 5 офицеров, «относительно ещё меньше, чем присутствовавшие кавалерийские полки (21 офицер = 200-250 чел.). Следовательно, потери нападавших составили едва пятую часть от потерь столь восхваляемых оборонявшихся!».



Мюрату не было нужды дожидаться артиллерии, так как её не было в тот день на месте. «Вообще лишь 2 полка Монбрёна прибыли слишком поздно, а сражалась только кавалерия Нея, чья конная вюртембергская батарея тотчас открыла сильную стрельбу! Далее содействовал в преследовании 3-й конно-егерский полк... В целом, серьёзно атаковать могли, самое большее, 20 эскадронов (тогда самое большее 1500 лошадей) и результат был не меньше, чем достаточный. При этом атака проведена столь энергично, что два полковника пали перед самыми штыками. Всадники наверняка много раз проникали в каре, которое, впрочем, потеряло не столь много пленных и орудий».<sup>84</sup> Конечно, рассуждения Бляйбтроя также грешат передержками, порождёнными тем обстоятельством, что он пользовался ограниченным кругом источников, опубликованных к концу 19 в.

С годами слава дивизии Неверовского всё более возрастала в памяти российских ветеранов. «Подвиг Неверовского всеми военными писателями, как нашими, так и иностранными, ставится как блистательный и достопамятный пример превосходства хорошо обученной пехоты, предводимой искусным начальником,- писал А.С. Норов.- Я помню, с каким энтузиазмом мы смотрели на Неверовского и на остаток его молодецкой дивизии, присоединившейся к армии». По мнению И.П. Липранди, «Неверовским совершен был подвиг с нашей пехотой, не имевший ни прежде, ни после подобного». А через сто лет после войны историк написал: «Имя генерала Неверовского блистает звездой первой величины в общей галерее героев 1812 года. Бессмертный подвиг его молодой 27-й дивизии под Красным в наш век уже приобрёл почти быллинную славу богатырей».<sup>85</sup>

В.И. Вяликов, единственный из советских авторов, кто подробно, но только по русским источникам описал «львиное отступление», обрушился с критикой на своих предшественников. По его мнению, историки «неправильно изображали характер этого боя. Михайловский-Данилевский, Богданович и Божерянов объясняют успех Неверовского ошибками, которые якобы допустил Мюрат. Скугаревский ошибочно полагает, что Неверовский не задержал неприятеля, и объясняет это неподготовленностью позиции под Красным. Васенко также искажает действительность, утверждая, что отряд был выведен Неверовским из города при приближении неприятеля». Вяликов обвинил предшественников в том, что они не использовали рапорты Неверовского, что «Бутурлин уменьшает продолжительность сражения в городе до 2-х часов».<sup>86</sup> Однако сам Вяликов не знал иностранных источников, и все его обвинения совершенно безосновательны.

Позднее все без исключения советские авторы, не ведая иностранных источников, безмерно преувеличивали значение боя при Красном. Н.Ф. Гарнич писал, что «отряд генерала Неверовского преградил дорогу всей армии врага... В этот день 7 тысяч русских задержали наступление 190 тысяч отборных войск! По словам П.Г. Андреева, ди-

визия Неверовского «приняла на себя удар главных сил Наполеона. Целый день... дивизия с боем отступала..., отбила 45 атак отборной французской конницы Мюрата и последующие атаки многочисленной неприятельской пехоты. Семь тысяч русских патриотов задержали на сутки наступление армии Наполеона». А.Г. Бескровный писал, что Неверовский «задержал продвижение французских войск на целые сутки», Н.А. Троицкий - что «дивизия Неверовского не позволила армии Наполеона пройти к Смоленску и взять его с ходу». Другой автор пишет, что «дивизия Неверовского отбила более 40 атак пехотных корпусов и конницы Мюрата, задержав на сутки продвижение всей армии Наполеона» и «молниеносный бросок на Смоленск был сорван». Третий сочинитель пишет: «С неслыханным героизмом солдаты-новобранцы Неверовского в течение дня отражали атаки французских войск. Три корпуса французской кавалерии не могли сломить сопротивление молодых солдат. Отряд Неверовского отбил больше сорока атак неприятельской конницы. 7 тыс. русских задержали около 190 тыс. отборных войск наполеоновской армии, прекратили путь полчищам захватчиков, сорвали план Наполеона внезапно захватить Смоленск».<sup>87</sup>

Все эти высказывания грешат беспардонными преувеличениями, свидетельствуя о неосведомлённости их авторов. Для того, чтобы окончательно их развенчать, поясним, как проходило передвижение войск «Великой армии» в день знаменитого боя. 1-й корпус двинулся из Россасны к Красному по пятам наступающего авангарда (резервной кавалерии и 3-го корпуса). На одной высоте с 1-м корпусом, но справа от большой дороги шёл 8-й корпус, который продвинулся от Романова до Бавево. 4-й корпус из Любавичей дошёл до берегов Днепра. Начальник Главного штаба армии Бертье к вечеру уже прибыл в Синяки и приказал генерал-интенданту перевести в Красный Главную квартиру и «немедленно учредить госпиталь для наших раненых». Генералу Ф.Г. Байи де Монтиону велено прибыть в Красный со всеми офицерами штаба.<sup>88</sup>

Таким образом, наступление армии Наполеона вовсе не приостанавливалось из-за боя под Красным, не останавливался надолго даже её авангард! Он задержался лишь для того, чтобы дожидаться подхода пехоты для штурма города, который был взят относительно быстро. После этого неприятельский авангард продвигался на восток с такой же скоростью, с какой отступали войска Неверовского, а они, по признанию Андреева, «были на бегу и в сражении от 10 часов утра до 8 полудня, пробежали 25 верст и каждый шаг вперед оспаривали дракой». Бой - оборона Красного и отражение пехотой кавалерийских атак - длился вовсе не сутки, а лишь вторую половину дня, с 14-15 до 19-20 час. Сам Неверовский писал: «Я должен был 5 часов пробиться штыками и отстреливаться пулями».<sup>89</sup> С утра и до 14 час. кавалерия неприятеля прошла 20-35 км, на протяжении 14 вёрст преследуя казаков. Отряд егерей, оборонявших Красный, затем поспешно отступил





Х. Фабер дю Фор. **Наполеон под Смоленском, 16 августа 1812 г.**

к р. Лосвинке на 3 версты. Только здесь начались кавалерийские атаки на пехоту Неверовского, продолжавшиеся до Мерлино на расстоянии 5 вёрст.

Таким образом, в течение 14 августа неприятельский авангард проделал более 40 км, а пехота Неверовского отступила от р. Мерейки до оврага р. Лоствины около 2,3 км, отсюда до Мерлино – 7,2 км, а всего 9 ½ км. Но отступление отряда Неверовского на этом не прекратилось, к полудню он достиг Корытни в 23 верстах от Красного, уже не преследуемый противником, а к утру преодолел ещё 19 вёрст. Таким образом, «за один приём» Неверовский отступил на 41 км, а если считать от Ляд, то на 55. Уяснив себе в эти цифры, следует раз и навсегда отказаться от мифа о том, будто корпус Неверовского задержал наступление всей армии Наполеона! Даже если бы французский авангард не встретил Неверовского у Красного, то и тогда он физически не смог бы достичь Смоленска в тот же день! Капитан Бонне пишет, что 15 августа пехота Нея вышла из Красного в 11 час. и шла до 17 час., проделав 8 льё, и лишь в 7 час. 16-го подошла к Смоленску.<sup>90</sup> Другое дело, что упорное сопротивление отряда Неверовского и услышанная на другом берегу Днепра канонада дали время Багратиону вернуть в Смоленск корпус Раевского. К тому же, Раевский не успел отойти далеко от города лишь по нелепой и, как оказалось, счастливой случайности.

По мнению Ж. Фабри, поведение Неверовского было весьма странным. Будучи полностью изолированным и отделённым от Смоленска расстоянием в 50 км, он рискнул дожидаться противника и оборонять Красный. Отважиться на это можно было лишь при условии неосведомлённости о силах неприятеля. Спрашивается тогда, какие све-

дения о противнике сообщили ему накануне казаки, обнаружившие, что он наводит мосты у Хомино? Сведения о приближении значительных сил противника Неверовский получил в 9 часов утра. Судя по словам Андреева, поначалу считали, что казаки преувеличили силы французов. По мнению Вороновского, «Неверовский с достаточной вероятностью мог полагать, что неприятель наступает не всей массой, а отдельным отрядом».<sup>91</sup>

Объяснение такого поведения Неверовского может быть следующим. Во-первых, неприятельские партии, главным образом из лёгкой кавалерии, появлялись на левом берегу Днепра давно и неоднократно, но решительных действий за этим не следовало; казаки уже десятки раз прогоняли эти партии за Днепр. Видимо, это несколько притупило у русских чувство опасности. Во-вторых, согласно диспозиции Барклая, корпус Неверовского должен был занять Ляды и Красный, «дабы обратить внимание неприятеля с сей стороны», чтобы «по мере движения армий наших к Рудне, всячески беспокоить неприятеля к стороне Орши». К тому же, по приказу Багратиона «обсервационный корпус» должен был оставаться «в Красном, пока неприятель его оттуда не вытеснит». Исполняя эти приказы, Неверовский попытался сыграть эту отвлекающую роль, пока не понял, что имеет дело с главными силами неприятеля. Русская разведка вообще не сумела своевременно обнаружить перемещение основных сил «Великой армии» от Витебска к Днепру, так что в неведении об этом находился не только Неверовский, но и оба командующих армиями.

По словам Паскевича, «Неверовский сознавался, что если бы он поставил батарею между пехотными колоннами, то не произошло бы тех несчастий, которые его постигли», ибо харьковские



драгуны в одиночку не могли защитить орудий. Не все в русской армии разделяли восторженный взгляд на поведение Неверовского. Находились и «такие, которые не только относились к подвигу с холодностью, но даже находили, что он заслуживал за свою нераспорядительность при отступлении некоторого взыскания». А.П. Ермолов, например, считал, что Неверовский был «отлично храбрый офицер и охотно вызывавшийся на все опасности, не имел однако-ж способностей и еще менее знания. Кто хоть немного знает французскую конницу, тот поверит, что есть некоторая возможность удержать ее шестью тысячами человек пехоты, когда при ней батарейная рота и особливо когда пехота отступает дорогою, в четыре ряда деревьями обсаженною, по местоположению неровному, для кавалерии затруднительному и значительно замедляющему ее в маневрах... Отступление сие во всяком другом войске подвергло бы генерал-майора Неверовского весьма невыгодному для него исследованию; у нас же отнесли его к его чести». Язвительный Ермолов полагал, что если бы «Неверовский к знаниям своим военного ремесла присоединил искусство построения каре, прославившее многих в войнах против турок, оно... не допустило бы до бегства, и ты, Апушкин, батарейную роту свою не исчислял бы дробями».

Весьма критически отозвался о поведении Неверовского и полковник С.Н. Марин, исправлявший должность дежурного генерала 2-й армии. В письме к М.С. Воронцову он возмущался награждением генерала: «За Краснинскую ретираду не стоит он ничего, ибо тут всякий солдат делал то же, что и он, - не сдавался неприятелю; а это между русскими не мудрено».<sup>92</sup> Безымянный гвардейский офицер критиковал Неверовского за то, что, несмотря на благоприятные условия местности, «он потерял до 1500 человек выбывших из строю и 5 пушек, которые не должны бы были быть потеряны, если бы он не отправил несколько орудий назад, тогда как он видеть мог ясно, что по количеству неприятельской кавалерии тыл его не был безопасен, и вместе с тем оным поверг и Харьковский Драгунской полк тоже равномерно большому урону, ибо мог ли один полк противудействовать такой громаде кавалерии, и после понесенной им напрасной потери он принял его в середину своих пехотных карей, что должен он был сделать при самом начале своего отступления (и артиллерию он потерял свою не в действии но на походе). Конечно, ошибка таковая не может иметь извинения: и не смотря на всю известную храбрость Г. Неверовского, за сие дело он заслуживает большого упрека».<sup>93</sup> Столь суровая оценка проистекает из неточного знания автором обстоятельств дела. Часть артиллерии была захвачена в момент боя, а отправленные заранее в тыл 2 орудия как раз помогли Неверовскому окончательно отбиться от противника. Принять драгун внутрь пехоты не было возможности, ибо она отступала не в правильных каре, а огромной толпою. При всём том, даже сам Неверовский

признавал, что он допустил некоторые ошибки. Но этот критический взгляд не смог повлиять на общую оценку поведения Неверовского – он остался всеми признанным «безгрешным» героем. В очередной раз героическая легенда взяла верх над объективной оценкой произошедшего. Но если в ходе войны такое вполне допустимо, ибо делается для повышения боевого духа воинства, то по прошествии почти двухсот лет следует объективно оценить значение этого знаменитого боя.

Количество кавалерии, принимавшей участие в атаках, современники и историки оценивали по-разному: от 50 до 160 эскадронов, от 14 до 38 полков, от 15 до 25 тыс. чел., и даже 3 кавалерийских корпуса с несколькими полками пехоты. Сам Неверовский говорил, что он «был атакован 40 полками кавалерии и 7-ю пехоты под предводительством двух королей».<sup>94</sup> Н.А. Троицкий даже пишет, будто к кавалерии Мюрата «присоединились пехотные полки из корпусов М. Нея и Е. Богарне».<sup>95</sup> Действительно, у французов была одна дивизия пехоты, однако её участие в деле ограничилось взятием Красного силами одного полка. Между тем А. Шюке правильно заметил, что сложно определить общую силу французов, участвовавших в бою, и что по непонятным причинам их пехота в преследовании участия не принимала.

Попробуем восстановить это число, опираясь на достоверные сведения. Ещё Бляйбтрой пытался решить этот вопрос, опираясь на сведения об офицерских потерях отдельных полков, приведённые А. Мартиньеном. По его подсчётам, общие потери французов могли составить около 100 пехотинцев и 250 кавалеристов. А. Тьер оценил потери в 500 чел.<sup>96</sup> Следовательно, потери французов были вовсе не такими большими, как это представляли себе иные отечественные сочинители.

Мюрат писал, что вместе с ним переправились 1-й и 2-й корпуса резервной кавалерии и дивизия лёгкой кавалерии 3-го армейского корпуса, отдельно перешёл Днепр 3-й корпус резервной кавалерии. Отсюда, однако, не следует, что все эти войска принимали участие в атаках. Лейтенант прусского гусарского полка Й.Х. Калкройт из 1-го кавалерийского корпуса пишет, что его полк не принял участия в бою при Красном и прибыл на поле боя поздно вечером; ни словом не упомянул об этом деле мемуаристы из этого корпуса М.Р. Фор, Б.Т. Дюверже. 2-я дивизия лёгкой кавалерии была оставлена на правом берегу и в тот день пришла в Любавичи.<sup>97</sup> Из рассказа Ляйсниха можно заключить, что из дивизии Шателя в атаках участвовали только 10-я и 11-я бригады, а 17-я оставалась в резерве. По словам вахмистра 6-го конно-егерского полка Ж.Л. Хенкенса, в рапорте Груши были удостоены похвалы генералы Л. Шатель, Ла Уссэ, Ф. Жерар и П. Готрен; в конце дня он встретил командира баварских шволежеров, сабля которого была в крови.<sup>98</sup> Но драгунская дивизия в атаках не участвовала. Лейтенанты 23-го драгунского полка Оврэ и Константэн писали, что корпус Груши отличился в тот день, но об участии в атаках именно драгун не сказали ни



слова, как и адъютант командира драгунской дивизии капитан Шерон. Последний написал кратко: «Было проведено много прекрасных кавалерийских атак. Мы отправились занять позицию в двух льё впереди города». Правда, об участии в бою драгунской дивизии упомянул Гаевский, но сам он находился при дивизии Шателя. В то же время Мюрат упоминает генерала Бордесуля и 9-й

польский уланский полк, а значит, в атаках участвовала лёгкая кавалерия 1-го армейского корпуса. Генерал Шелер сообщил вюртембергскому королю, что «кавалерийские полки № 1, 2 и 4 рубили саблями русскую пехоту и весьма повысили свою репутацию».<sup>99</sup> Итак, достоверно доказанным следует считать участие в бою следующих подразделений:

#### **Лёгкая кавалерия 1-го армейского корпуса - 2400 чел.**

1-я бригада лёгкой кавалерии: полковник барон Ж.М. Мати.<sup>100</sup>

2-й конно-егерский полк: полковник Мати - 4 эск. (ранены 2 офицера).<sup>101</sup>

9-й польский уланский полк: майор К. Кжицкий - 4 эск.

2-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Э. Бордесуль

1-й конно-егерский полк: полковник барон А.Ш. Меда - 4 эск.

3-й конно-егерский полк: шеф эскадрона Дежан - 3 эск. (ранены 2 офицера)

#### **Лёгкая кавалерия 3-го армейского корпуса - 3600 чел.**

9-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон П. Мурье

6-й шволежерский полк: полковник барон Л.Ф. де Марбёф - 3 эск. (ранены полковник и 4 офицера)

11-й гусарский (голландский) полк: полковник барон М.Ж. де Колмаэрт - 4 эск.<sup>102</sup>

вюртембергский конно-егерский полк № 4 «Король»: подполковник барон фон З.В. Келлер фон Мюнхинген - 4 эск. (ранены капитан фон Вёльварт, лейтенант Вёльдер и 14 солдат)

14-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Ф. Бёрманн

4-й конно-егерский полк: полковник шевадьё Л.Ж. Бульнуа - 4 эск. (убиты 2 офицера, ранены полковник и 2 офицера)

вюртембергский шволежерский вакантный полк № 1: подполковник барон Э.Й. фон Пальм - 4 эск. (убиты 2 солдата, ранены лейтенант Шлайх и 9 солдат)

вюртембергский шволежерский Лейб-полк № 2: полковник граф К.Ф. фон Норманн - 4 эск. (убиты лейтенант Спиттлер и 2 солдата, ранены 9 солдат)

вюртембергская конная батарея № 1: капитан фон Брайтхаупт: 4 шестифунтовых пушки и 2 семифунтовых гаубицы (ранен 1 солдат).<sup>103</sup>

#### **3-й корпус кавалерийского резерва: дивизионный генерал граф Э. Груши**

##### **3-я дивизия лёгкой кавалерии: дивизионный генерал барон А.П. Шатель - 3100 чел.**

10-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Ф.Ж. Жерар

6-й конно-егерский полк: полковник барон Ф. Ле Дар - 3 эск.

25-й конно-егерский полк: полковник барон Н.Ф. Кристоф - 3 эск. (ранен 1 офицер)

11-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон П. Готрэн

6-й гусарский полк: полковник барон Л. Валлэн - 3 эск.

8-й конно-егерский полк: полковник граф Э.А. Талейран-Перигор - 4 эск.

17-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Ж.Б. Домманже

1-й баварский шволежерский вакантный полк: полковник граф К.Х. фон Зайн-Витгенштайн - 4 эск.

2-й баварский шволежерский полк «Таксис»: полковник барон Л. фон Боуршайдт - 4 эск.

саксонский шволежерский полк «Принц Альбрехт»: полковник фон Лессинг - 3 эск.

24-й полк лёгкой пехоты: полковник шевадьё А.А. Жюльенн де Беллэр - 4 бат., 2328 чел. (3 офицера убиты, 2 ранены).<sup>104</sup>

**Итого:** 9100 чел. лёгкой кавалерии, 2328 пехотинцев, всего: 11500 чел., 6 орудий.

В меньшей степени, но всё же запутан вопрос о приведём его состав: составе и численности русского отряда, поэтому

#### **«Левый боковой наблюдательный корпус»: генерал-майор Д.П. Неверовский**

Авангард: генерал-майор Е.И. Оленин 1-й

донской казачий полковника А.И. Быхалова 1-го

донской казачий войскового старшины И.В. Грекова 21-го

донской казачий войскового старшины Д.Д. Комиссарова 1-го

конная сотня Смоленского ополчения: поручик Лесли

27-я пехотная дивизия: генерал Неверовский

2-я бригада: командир полковник А.Я. Княжнин 1-й

Симбирский пехотный полк: шеф полковник П.С. Лошкарев, командир подполковник Ф.К. Рындин (5 штаб-, 24 обер-, 61 унтер-офицеров, 964 рядовых), потери - 210 чел.

Полтавский пехотный полк 26-й дивизии: командующий подполковник Н.Ф. Бобоедов 1-й

3-я бригада: командир флигель-адъютант полковник А.В. Воейков

49-й егерский полк: шеф полковник А.С. Кологривов (4 штаб-, 26 обер-, 42 унтер-офицеров, 814 рядовых), из 886 нижних чинов потерял 370 чел.



50-й егерский полк: шеф полковник Н.Г. Назимов (6 штаб-, 24 обер-, 52 унтер-офицеров, 890 рядовых), из 970 нижних чинов потерял 200 чел.<sup>105</sup>

41-й егерский полк 12-й дивизии: шеф генерал-майор И.И. Палицын, командующий подполковник П.С. Шеин 1-й

31-я батареинная рота: подполковник П.В. Апушкин - 12 орудий

Харьковский драгунский полк: шеф полковник Д.М. Юзефович (3 штаб-, 24 обер-, 44 унтер-офицера, 12 трубачей, 438 рядовых).<sup>106</sup>

2 орудия 1-й донской конно-артиллерийской роты: хорунжий Калашников.

**Всего:** 5 пехотных, 1 драгунский, 3 казачьих полка, 7200 чел., 14 орудий

Очевидно, что соотношение 11,5 тыс. против 7,2 тыс. чел. нельзя назвать не то что абсолютным или многократным, но даже значительным превосходством. Впрочем, нужно учитывать следующие обстоятельства. Присутствие на «заднем плане» ещё нескольких тысяч кавалеристов придавало уверенность атакующей стороне и вселяло беспокойство в ряды обороняющихся. Артиллерия с обеих сторон действовала кратковременно и большой роли в бою не сыграла. Французская пехота участвовала только в штурме города, преследование вела только лёгкая кавалерия, но зато русская конница вскоре была обращена в бегство, и Неверовский остался с одной пехотой. Итак, на заключительном, самом знаменитом этапе боя, с 16 до 20 часов, более 9 тыс. неприятельских кавалеристов (58 эскадронов, 17 полков) атаковали сбившихся в большую «толпу» 5 тыс. русских пехотинцев (9 батальонов, из которых 5 были укомплектованы необстрелянными рекрутами). Теперь превосходство неприятеля стало гораздо более ощутимым. Но атаки велись разрозненно, поэскадронно и даже повзводно, что ослабляло их силу и не позволяло прорвать каре. Виноват в этом, безусловно,

маршал Мюрат. С другой стороны, русские солдаты проявили характерные для них храбрость и упорство, а Неверовский умело использовал условия местности.

Слава этого дня, безусловно, принадлежит русской пехоте, но значение этого боя не следует преувеличивать. Отряд Неверовского никоим образом не остановил продвижение наполеоновской армии к Смоленску, но своим упорным сопротивлением дал знать Багратиону о появлении здесь противника, что заставило его перебросить на левый берег корпус Раевского. Только благодаря сведениям, полученным от пленных, захваченных солдатами Неверовского, российское командование наконец-то узнало о том, что главные силы Наполеона переправились на другой берег Днепра. Сам этот бой стал итогом плохой работы русской разведки и умелой маскировки неприятелем своих передвижений. Если бы разведка вовремя обнаружила перемещение неприятельских корпусов к Днепру, этого боя и сопряжённых с ним больших потерь можно было избежать. Иными словами, получить информацию о противнике можно было бы гораздо меньшей ценой, но, как говорится, à la guerre comme à la guerre...

### Примечания

<sup>1</sup> Поликарпов Н.И. Боевой календарь-ежедневник. Ч. 1. Перечень боевых столкновений русской армии с 4 июня по 31 августа 1812 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. IV. Ч. 1. М., 1913. С. 269-81 (далее: Поликарпов. Календарь).

<sup>2</sup> Сражение при Красном // Русский инвалид. 1833. № 206; Михайловский-Данилевский. 2. 88-96; его же. Император Александр I и его сподвижники... Т. I. СПб., 1845; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 242-45; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 13-14. С. 442; Жизнь и подвиги генерал-лейтенанта Д.П. Неверовского. М., 1912. С. 14-21; Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 94; Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 84-86; Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 309-10; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С.108-09.

<sup>3</sup> Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 91-98; Тикыч В. Д.П. Неверовский // Герои 1812 г. М., 1987. С. 355-64.

<sup>4</sup> Валькович А.М. Потерянный корпус // Цейхгауз. 2002. № 19. С. 17; Елисеев А. Потерянный кор-

пус... // Цейхгауз. 2002. № 20. С. 14-15; Лашук А. Наполеон. Походы и битвы. 1796-1815. М., 2004. С. 504-07 (автор данного текста А.А. Васильев).

<sup>5</sup> Обзор некоторых источников по теме см.: Вяликов В.И. Документы Центрального Государственного Военно-исторического архива о первой Смоленской операции русских войск в 1812 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. V. М., 1954. С. 133-38.

<sup>6</sup> Паскевич И.Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 91-93; Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний... // Там же. С. 110-12; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. 2. СПб., 1839. С. 90; Записка генерала Неверовского о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Из воспоминаний Н.И. Андреева // РА. 1879. № 10.

<sup>7</sup> Brandt H. Aus dem Leben... Th. I. Berlin, 1870; Soltky R. Napoleon en 1812. Paris. 1836; Fleischmann Ch.W. Denkwurdigkeiten. Berlin, 1892.

<sup>8</sup> Pamiętniki Franciszka z blociszewa Gajewskiego pułkownika Wojsk Polskich (1802-1831). Т. 1. Poznań, 1915 (далее: Gajewski). Гаевский уверял, что под Красным французам противостоял Багра-



тион с 60 тыс. чел., что атаку на город вела дивизия генерала Моро (?) из корпуса Даву. Он привёл фантастический состав корпуса Груши, в котором служил и который упорно называл 4-м кавалерийским (Gajewski. 220, 233). В то же время, некоторые детали его описания выглядят вполне реалистичными и соотносятся с показаниями других источников.

<sup>9</sup> Bismark F.W. *Taktik der Reuterey*. Carlsruhe, 1829. S. 258-302; Сражение при Красном в 1812-м году (Из Бисмарка) // *Русский инвалид*. 1833. № 206. С. 814-16.

<sup>10</sup> Fabry G. *Campagne de Russie*. 1812: *Operations militaires*. Т. I-V. Paris, 1900-03 (далее: Fabry. I-V).

<sup>11</sup> 9 запасных батальонов должны были собраться в Смоленске к 11/23 июля. 8/20 июля Александр I приказал Барклаю назначить “здесь командира над собранными и прибыть скоро имеющими войсками”. На эту должность был назначен генерал-адъютант Винцингероде. Вечером 14/26 июля генерал прибыл в Смоленск и сообщил царю: “Я экипировал 80 драгун, которые составят часть авангарда, который я доверил генералу Оленину и который занимает Красный и Ляды и наблюдает дорогу на Оршу” (ВУА. XIV. 46, 55, 57, 74, 131).

<sup>12</sup> Состав: четвёртые резервные (рекрутские) батальоны Екатирибургского, Кексгольмского, Перновского, Ревельского пехотных, 1-го и 33-го егерского полков; резервные (рекрутские) эскадроны Иркутского, Курляндского, Оренбургского, Сибирского драгунских, Мариупольского и Сумского гусарских полков, 6 орудий 20-й конно-артиллерийской роты (Поликарпов. Календарь. 180).

<sup>13</sup> ВУА. XIV. 133, 140-41, 148, 155; XVII. 148, 149, 151-53; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 5. С. 171. Об отряде братьев Лесли см.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 11. Л. 440-42; Эпизод из войны 1812 г. // *Смоленские губернские ведомости*. 1857. № 9. Прил. С. 45; *Исторический вестник*. 1903. № 12. С. 832-33; ВУА. XIV. 61-62, 148; *Смоленская старина*. Вып. 2. Смоленск, 1912. С. 323-24, 342, 374.

<sup>14</sup> 1812-1814. М., 1992. С. 117, 119; ВУА. XIV. 158, 166, 167, 170, 171, 182, 205-06; Fabry. II. 377; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11-12. С. 395; Поликарпов. Календарь. 202-04; *Донские казаки в 1812 г.* Сб. Док. Ростов на Дону, 1954. С. 134, 136; 1812-1814. М., 1992. С. 120-21.

<sup>15</sup> Оленин написал 22 июля из Корытни, что «отчислил из вверенного мне отряда полуроты артиллерии № 20, сводные драгунские и гусарские эскадроны, резервные батальоны полков: Рыльского пехотного, Екатеринбургского, Перновского и 1-го Егерского, кои завтрашнего числа отсюда и выступают в город Смоленск, взамен коих поступили в мой отряд 36-го Егерского два батальона, конно-гвардейской артиллерии два орудия и часть 1-го Тептярского полка».

<sup>16</sup> Fabry. III. 63-66, 110, 156, 231; 1812-1814. М., 1992. С. 120-21; ВУА. XIV. 200-02, 212-14, 219, 221; XVII. 154, 156-58; Поликарпов. Календарь. 216; Поликарпов Н. Партизан поручик Соколов // *Тысяча восемьсот двенадцатый год*. 1912. № 17-24.

С. 140-41; *Донские казаки*. 137, 141; Михайловский-Данилевский. II. 70; *Смоленские губернские ведомости*. 1857. № 9. Прил.; Вороновский. 69, 79, 81-82, 92; Fabry. III. 449-50, 514; V. 259-62.

<sup>17</sup> ВУА. XVII. 278-79; XVIII. 218.

<sup>18</sup> Андреев. 182; Душенкевич. 110; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 157; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Михайловский-Данилевский. II. 69, 88; Богданович. I. 219, 229; Вороновский. 82, 91, 92 (оба пишут, будто дивизии была придана бригада Либгардта); *Жизнь и подвиги*. 14; Гарнич. 84; Тикыч. 355-56; Елисеев. 14; Лашук. 504.

<sup>19</sup> Поликарпов подчеркнул, что Виленский полк не принимал участия в бою, так как Неверовский о нём не упоминает, полк не имел потерь, никто из его офицеров не был представлен к награде за этот бой, в формулярных списках офицеров и унтер-офицеров полка нет записей об участии их в этом бою. В западной литературе также пишут о 27-й дивизии, составленной из рекрутов, и добавляют Неверовскому ещё Польский уланский полк, в результате число кавалерии возрастает до 1500 чел. (Поликарпов. Календарь. 270. Прим. 2; Nafziger G. *Napoleon's Invasion of Russia*. Novato, 1988. P. 183).

<sup>20</sup> *Дневник Сен-При* // Харкевич. I. 146; ВУА. XVI. 43; XVIII. 218; Fabry. IV. 395.

<sup>21</sup> ВУА. XIV. 250, 251, 255-59, 270; Fabry. III. 277, 373, 447-49, 578; Поликарпов. Календарь. 223; Гарин Ф.А. *Изгнание Наполеона*. М., 1948. С. 150-54. Из 2-й армии продолжали бежать дезертиры, от которых противник узнал состав и численность полков 7-го и 8-го корпусов, а также 27-й дивизии: Виленский, Симбирский, Тарнопольский, 49-й егерский (Fabry. III. 446).

<sup>22</sup> ВУА. XIV. 264-65, 281; XVI. 1-3, 860; Fabry. III. 516, 578; IV. 350; V. 293-96.

<sup>23</sup> Лейтенант В.Л. Ляйсних вспоминал, что бригада Домманже располагалась на биваке рядом с французскими конными егерями и гусарами, а иногда к ним подходили драгуны (Leissnig W.L. *Märche, Kriegs-ereignisse...* Th. I. Budissin, 1828. S. 250-51).

<sup>24</sup> Кёних из бригады Бёрманна вспоминал: «После того как мы весь день 13 августа маршировали, и я, прибыв на бивак, отдохнул всего несколько часов, генерал послал меня в Главную квартиру маршала Нея, чтобы сообщить ему, где мы стоим, и испросить дальнейших указаний». Где находилась квартира маршала, было неизвестно, поэтому Кёних добрался туда лишь к полуночи. Ней дал ему только устное приказание «сказать моему генералу, что он должен выступить с бивака лишь около полудня, а не ранним утром, как было приказано раньше». Затем маршал отправил лейтенанта к начальнику своего штаба, который слишком долго «изготавливал письменный приказ на алтаре в церкви», из-за чего Кёних уже не застал своей бригады и бригады генерала Мурье (Monsier) на прежнем биваке (König. 133-34).

<sup>25</sup> Fabry. IV. 230-35, 238-41; Austin P.V. 1812: *The March on Moscow*. London. 1993. P. 170.

<sup>26</sup> Fabry. IV. 281, 286, 287; König. 135; Röder von Bomsdorf O.W. *Mittheilungen aus dem russischen*



**Вид города Смоленск**

Акварель су-лейтенанта Шевалье, 1812 г.

Feldzuge... Bd. 1. Leipzig, 1816. S. 144; Constantin P. Journal et lettres de campagne de 1807 à 1814 // Carnet de la Sabretache. 1925. P. 407; ВУА. XVI. 11, 13.

<sup>27</sup> Эллиот (Elliot) был ранен и позднее попал в плен (Вильсон Р. Дневник и письма. СПб., 1995. С. 76, 77, 81, 183, 184, 197).

<sup>28</sup> Griois L. Mémoires militaires. Vol. II. Paris, 1909. P. 18; Röder von Bomsdorf. 144; Fleischmann. Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892. S. 19; Henkens J.L. Memoires... La Haye, 1930. P. 120; Auvray P. Souvenirs militaires // Carnet de la Sabretache. 1919. P. 297; Wedel C. Geschichte eines Offiziers... Berlin, 1897. S. 64; Gajewski. 220; Вяликов. 134. Многие мемуаристы пишут, что в Лядах находились 2 казачьих полка, и что корпус Груши соединился там с корпусом Э.М. Нансути (Fabry. IV. 506; Chambray G. Histoire de l'Expedition de Russie. T. 1. Paris, 1823. P. 164; De Baudus M. Etudes sur Napoléon. T. 2. Paris, 1841. P. 12).

<sup>29</sup> Смоленские губернские ведомости. 1857. № 9. Прил. С. 46; Смоленская старина. 2. 324, 325; Поликарпов. Календарь. 271, 274; Вяликов. 134; Austin. 171; Labaume E. La campagne de Russie. Le récit d'un officier de la Grande Armée. Paris, 2001. P. 77.

<sup>30</sup> Андреев. 182-83; Душенкевич. 110; Поликарпов. Календарь. 271; Вороновский. 92.

<sup>31</sup> Андреев. 183; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; ВУА. XVI. 19; Паскевич. 91-92; Душенкевич. 110; Поликарпов. Календарь. 271, 278; Ложье. 96; Смоленская старина. 2. 324; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 106. Л. 79; Вяликов. 134; Михайловский-Данилевский. II. 88-89; Богданович. I. 242-43; Во-

роновский. 93; Жизнь и подвиги. 15-16; Brandt. 369; Лашук. 504.

<sup>32</sup> Fabry. IV. 280.

<sup>33</sup> Андреев. 183; Душенкевич. 110; Вороновский. 92-93.

<sup>34</sup> Поликарпов. Календарь. 273-77.

<sup>35</sup> Fabry. IV. 281-82, 286, 287, 519; Griois. II. 19; Wedel. 64; Fleischmann. 19; Röder von Bomsdorf. 144.

<sup>36</sup> Fabry. IV. 282, 284, 507; Griois. II. 19; Gajewski. 220-21; Historique du 24ème régiment d'infanterie légère // Vieillot R. Souvenirs. Luneray, 1996. P. 347; Brandt. 369; Auvray. 297; Röder von Bomsdorf. 144; Cheron A. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris, 2001. P. 19; Starklof R. Geschichte des königlich Württembergischen vierten Reiterregiments. Stuttgart, 1867. S. 60.

<sup>37</sup> Bonnet G. Journal // Carnet de la Sabretache. 1912. № 239. P. 653-54; Fabry. IV. 510-11; Pelet, Bonnet, Everts. Carnets et Journal sur la campagne de Russie. Paris, 1997. P. 93-94.

<sup>38</sup> Поликарпов. Календарь. 274-77; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 6. Д. 57. Л. 49; Вяликов. 135.

<sup>39</sup> Вяликов. 135; Historique du 24-ème régiment d'infanterie légère... 347.

<sup>40</sup> König. 135; Gajewski. 221; Андреев. 183 (ошибочно писал, что у французов ещё не было пехоты и артиллерии, и егеря оставили город лишь под угрозой обхода); Поликарпов. Календарь. 271-72;









А. Адам. **Французская пехота перед бастионами Смоленска, 17 августа 1812 г.**

Русский инвалид. 1833. № 206. С. 814; Starklof. 60; Душенкевич. 110-11; Михайловский-Данилевский. II. 90; Богданович. I. 243; Вороновский. 93; Тикыч. 358-59.

<sup>41</sup> Constantin . 407; Picard L. La Cavalerie dans les guerres de la Révolution et de l'Empire. Т. 2. Paris, 1895. P. 98; Gajewski. 221; Fabry. IV. 282, 285, 280; Solytk R. Napoléon en 1812. Paris, 1836. P. 123-24; Auvray. 297.

<sup>42</sup> Поликарпов. Календарь. 277-78.

<sup>43</sup> Fabry. IV. 282, 285, 281; Solytk. 124-25; Лашук. 505. Деламаля (Delamalle / De la Malle) дослужился до звания маршал де кан и умер в 1863 г. Фляйшман писал, что было захвачено 9 из 12 орудий (Bleibtreu C. Geschichte der Reiterattacken. Berlin. o.J. S. 238; Fleischmann. 19). Командир 8-го гусарского полка Ж.С. Домон (Domon) за отличие при Островно был произведён 7 августа в генералы и направлен в 1-й кавалерийский корпус; но в тот момент он являлся адъютантом Мюрата, как и генералы П.С. Дери и Ф. Пиньятели. Себастьяни в то время находился без должности, видимо, как и Ф.А. Орнано.

<sup>44</sup> Он был разбит 5 казачьими полками полковника В.А. Сысоева 3-го под Могилевым 9/20 июля и потерял пленными полковника, 8 офицеров и 206 егерей. (Харкевич. Война 1812 г. Вильна, 1907. С. 223; Чистяков С. Борисовцы в Могилеве на Днепре... СПб., 1912. С. 98). Полагаем, что после таких потерь полк был сведён в 3 эскадрона.

<sup>45</sup> Отряд братьев Лесли потерял при этом несколько

человек убитыми и ранеными, весь обоз с провиантом и фуражём и 20 лошадей.

<sup>46</sup> Поликарпов. Календарь. 272-74, 273, 277-78; Паскевич. 92; Михайловский-Данилевский. II. 91; Смоленская старина. 2. 324; Богданович. I. 243; Богданович Я. Участие Харьковского драгунского полка в Отечественной войне... СПб., 1911. С. 4; Вороновский. 94; Жизнь и подвиги. 16; Тикыч. 359. Паскевич пишет, что было захвачено 5 орудий, а 7 спаслись, Данилевский - что спаслось 5 орудий из 10.

<sup>47</sup> Андреев. 183-84; Поликарпов. Календарь. 275-76; Лашук. 919. Мюрат и Ней сообщили о захвате 8 орудий, но, видимо, не пожелали упомянуть, что одно из них было отбито (Fabry. IV. 507, 720).

<sup>48</sup> Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 91; Богданович. I. 243-44; Вороновский. 94; Тикыч. 359.

<sup>49</sup> Fleischmann. 19; König. 135; Fabry. IV. 289; De Baudus. 12-13.

<sup>50</sup> Fabry. IV. 282, 284-87, 517; Röder von Bomsdorf. 144; Leissnig. 251-52; Felder R.M. Der schwarze Jäger. Th. II. Cannstatt, 1839. S. 144; Русский инвалид. 1833. № 206. С. 815. А. Елисеев верно заметил, что войска Неверовского "вряд ли построились в каре", и справедливо уточнил, что изображение русских войск внутри берёзовой аллеи на известной картине П. Хесса может быть отнесено лишь к концу боя (Валькович. 17; Елисеев. 14-15; Лашук. 505).

<sup>51</sup> Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 92; Богданович. I. 244; Вороновский. 95; Жизнь



и подвиги. 17; Тикыч. 360.

<sup>52</sup> Поликарпов. Календарь. 274-80.

<sup>53</sup> Русский инвалид. 1833. № 206. С. 814-15; Starklof. 60-61.

<sup>54</sup> Паскевич. 92; Андреев. 184; Русский инвалид. 1833. № 206. С. 816; Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 92-93; Fabry. IV. 285; Богданович. I. 244. Вороновский писал, будто отступление происходило в нескольких кареях и очень медленно. Чистой воды фантазией выглядит и уверение Гарина, будто «отход русских войск... происходил следующим образом: пехота была построена небольшими каре в две линии в шахматном порядке, причём отступление шло не одновременно, а линия через линию» (Вороновский. 94, 96; Гарин. 155).

<sup>55</sup> Fabry. IV. 286-87, 784; König. 136; Brandt. 370; Leissnig. 252; Starklof. 61.

<sup>56</sup> Fabry. IV. Ann. 69; ВУА. XVI. 13, 21; Генерал Барратион. М., 1945. С. 230; Ермолов. 160; Харкевич. 1. 113; Михайловский-Данилевский. II. 95-96; Паскевич. 91.

<sup>57</sup> Паскевич. 92; Михайловский-Данилевский. II. 93; Вороновский. 97; Душенкевич. 112. Прим.; De Vaudus. I. 13.

<sup>58</sup> Паскевич. 92; Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 93; Богданович. I. 244; Вороновский. 97; Gajewski. 221-22. Подобную тактику русская пехота применяла в Бородинском сражении (Попов А.И. Меж двух «вулканов»... М., 1997. С. 34-37). Майор Ю. Шимановский вспоминал, как в сражении на Березине русские начали «ретироваться, по меньшей мере, по видимости, и, хотя наша стрельба не была очень частой, я увидел упавшими множество солдат, как будто они были ранены или убиты. Я тотчас велел моим солдатам подбежать к людям, которые растянулись на земле, добить их ружьями или, лучше, проткнуть ударами штыков. Действительно, мой инстинкт меня не обманул; так как, едва мы углубились в лес на четверть льё, как русские повернулись против нас большими силами; в то же самое время люди, так называемые раненые или убитые, стали прицеливаться для стрельбы по нам. Мы... неожиданно очутились меж двух огней» (Szymanowski J., Turno Ch. Souvenirs de deux généraux polonais au service de la France. Paris, 2001. P. 68).

<sup>59</sup> Felder. 144; Fleischmann. 19-20; König. 136; Fabry. IV. 286, 287, 289, 519; Starklof. 61; Колюбакин Б. 25-я пехотная виртембергская дивизия... в кампанию 1812 г. СПб., 1897. С. 15; Nafziger. 184. Посвящённый этому сюжету рисунок К.В. Фабер дю Фор называется: «Перед городом Красным вечером 14 августа». Ляйссних пишет, что здесь он «имел случай увидеть батарею прежних прусских 6-фунтовых орудий с трогательными девизами Фридриха Великого: pro gloria et patria et ultima ratio regis, которые, однако, теперь двигались на новых, окрашенных в жёлтый цвет вюртембергских лафетах и обслуживались конными артиллеристами... При Йене эти стволы были отняты Наполеоном у пруссаков, подарены вюртембержцам, которые положили их на мобильные лафеты

и теперь с ними на Днестре сражались против русских» (Leissnig. 253).

<sup>60</sup> Русский инвалид. 1833. № 206. С. 815-16; Starklof. 61.

<sup>61</sup> Паскевич. 92; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 316. Л. 20; Душенкевич. 112. Прим. Автор явно ошибается, считая эти орудия русскими. Ср.: Андреев. 184.

<sup>62</sup> Смоленские губернские ведомости. 1857. № 9. Прил. С. 46; Поликарпов. 277.

<sup>63</sup> Nafziger. 184-85; Поликарпов. 272.

<sup>64</sup> Поликарпов. Календарь. 272, 276; Смоленская старина. 2. 325, 352; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 106. Л. 79 об.; Бяликов. 135. В сентябре 1911 г. Вороновский провёл подробный осмотр местности и убедился, что «Назимов, не доходя Корытни, занял позицию именно на речке Ивань, впадающей в р. Ухинью, приток Днепра. Здесь и до сего времени сохранились еще правильные старые окопы, обведенные со стороны Красного рвом 1-1,5 саж[ен] глубиной», «в этом месте дорога пролежала тогда по непроходимому болоту, которое охраняло оба фланга нашей позиции» (Вороновский. 97. Прим. 1). Однако, на современной карте р. Уфинья показана протекающей в 2 км к востоку от Корытни, что ставит под сомнение точку зрения Вороновского.

<sup>65</sup> Паскевич. 92; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Михайловский-Данилевский. II. 93; Андреев. 184; Fabry. IV. 282-83, 287, 519; König. 137; Historique du 24<sup>ème</sup> régiment d'infanterie légère... 347; Felder. 144; Душенкевич. 111; Богданович. I. 244.

<sup>66</sup> Griois. II. 19; Auvray. 297-98.

<sup>67</sup> Паскевич. 91; Вороновский. 98. Явно тенденциозный Солтык писал, что Неверовский «потерял 1500 человек и всю свою артиллерию; однако те самые солдаты, которые сражались с такой стойкостью, когда находились под присмотром своего начальника, полностью разбежались в течении ночи и в величайшем беспорядке отступали в направлении Смоленска, следуя по различным дорогам, которые туда вели, что позволило нашей кавалерии на следующий день подобрать 2.000 пленных, безо всякого сопротивления с их стороны» (Fabry. IV. 286).

<sup>68</sup> Fleischmann. 20; Röder von Bomsdorf. 145; Fabry. Ann. IV. 70; ВУА. XVI. 10, 17, 18; Поликарпов. Календарь. 273; Паскевич. 92, 93; Жизнь и подвиги. 19-20; Харкевич. 1. 114.

<sup>69</sup> Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск. 1991. С. 104-05; Fabry. IV. 283, Ann. 70. По другим сведениям, 15 августа, в день рождения Наполеона, Мюрат отправил к нему депутацию от кавалерии, которая «представила императору взятые орудия в виде подарка ко дню его рождения, выразив при этом сожаление, что бегство (la fuite) русских лишило их случая совершить что-нибудь более значительное» (Наполеон в России в 1812 г. СПб., 1911. С. 209).

<sup>70</sup> Fleischmann. 20; Fabry. IV. 278; König. 137; Journal du general Fantin des Odoards. Paris, 1895. P. 317; Larrey D.J. Mémoires. T. IV. Paris, 1817. P. 29; Bialkowski A. Wsomnia starego żołnierza.





Мартине. **Офицер 2-го конно-егерского полка**

Gdynia, 2003. S. 154; Austin. 172-73. 17 августа баварцы нашли в Красном множество раненых и более 100 пленных; после полудня в городе вспыхнул пожар и несколько раненых сгорело. Лелорнь видел Марбёфа в Красном, «он выглядел довольно хорошо; он потерял только ногу». Через несколько дней капитан Ю. Био встретил в городе «полковника Марбёфа, у которого в бою под Красным была оторвана одна нога и который был оставлен в городе со своим полком, чтобы прикрывать обозы, направлявшиеся во Францию». Марбёф умер вследствие этой раны 25 ноября в Мариенполе в Польше (Fabry. III. Ann. 182; IV. 481; Biot. H. Souvenirs. Paris, 1901. P. 28; Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie: Notes et documents. Ser. 2. Paris, 1912. P. 51; Rigau. 54).

<sup>71</sup> Паскевич. 93; Андреев. 185; Душенкевич. 112; Михайловский-Данилевский. II. 97.

<sup>72</sup> Fabry. IV. 279, 282-84, 481, 507; Fleischmann. 20; Nafziger. 185. Русские потери французы определяли по-разному: 1000-1700 пленных, 1200-1500 убитых, 7-8 орудий (Auvray. 298; Martin J.B. Lettres // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris, 1999. P. 86; Guyot Cl. Carnets de campagnes. Paris, 1999. P. 135; Faure R. Souvenirs du Nord... Paris, 1821. P. 31; Сегюр Ф.П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 61).

<sup>73</sup> Полицарпов. 273; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Богданович. II. 245; Вяликов. 136. Умер от

раны шефский адъютант Неверовского подпоручик Павловского гренадерского полка Евсюков, пропал без вести провиантмейстер 27-й дивизии прапорщик Одесского полка Фишкин (Полицарпов. 280-81).

<sup>74</sup> Вяликов. 137-38. РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 107. Ч. 34. Л. 278; Д. 107. Ч. 37. Л. 109; Д. 1. Л. 296; Лашук. 919. Симбирский полк потерял убитыми 1 офицера и 72 (77) рядовых, ранеными и пропавшими без вести 6 офицеров и 227 рядовых; 49-й егерский - убитыми 3 офицера и 145 солдат, ранеными 4 офицера и 44 рядовых, пропавшими без вести 4 офицера и 165 солдат. Впрочем, эти цифры не абсолютно точны, так как отдельные ведомости приводят иные цифры. К тому же Вяликов не учёл потери артиллерийской роты и казачьих полков.

<sup>75</sup> Харкевич. 1. 115; ВУА. XVIII. 219.

<sup>76</sup> ВУА. XVI. 11, 21-22, 220-23; XVIII. 219. Сохранилась рукопись «Очерки войны 1812-го года описанные очевидцем», похоже, смолянином и гвардейским офицером (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хранения. 316. Л. 20, 20 об).

<sup>77</sup> Андреев. 185; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; ВУА. XV. 16; XVI. 44-45; XVIII. 218-19; Душенкевич. 111-12; Богданович. II. 245; Генерал Багратион. 230; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 95; Жизнь и подвиги. 18, 20; Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. I. СПб., 1823. С. 216; Валькович. 17. Неверовский представил к наградам 41 офицера: 23 из Полтавского полка, 21 из 41-го егерского, 13 из Харьковского драгунского и казачьих полков; но награды эти были получены лишь в 1813-1814 гг. (Жизнь и подвиги. 21).

<sup>78</sup> Wedel. 64-65; Fabry. IV. 282, 284; Griois. II. 19; De Baudus. 14; Сегюр. 61. На фоне таких лестных отзывов неприятеля о поведении русской пехоты вызывает недоумение заявления, будто «французские свидетельства, как и следует ожидать, тенденциозны и неверны», что «не стоит переоценивать благородство французов, их способность воздать должное достойному противнику. Ибо уже в 13-м бюллетене армии Наполеона сообщалось, что «27-я дивизия русских... была атакована и рассеяна в одну минуту», потеряв при этом половину своего состава» (Вяликов. 136; Тикыч. 363). Тикыч во-первых, неточно цитирует документ, где буквально сказано, что русская дивизия «была атакована и вытеснена (depostee) в один момент герцогом Эльхингенским», имеется в виду из Красного. Во-вторых, он путает две вещи: искренние признания самих участников боя и заявления официальной пропаганды, которой по определению присуще преувеличение и искажение фактов. Вообще же, подобные высказывания свидетельствуют о том, что советские писатели просто не знали иностранных источников.

<sup>79</sup> Bismark. 268; Русский инвалид. 1833. № 206. С. 816; Griois. II. 19; Fabry. IV. 288, 284; De Baudus. 13; Röder F. Der Kriegszug Napoleon gegen Russland. Leipzig, 1848. S. 70;



<sup>80</sup> Из допросов военнопленных: «Овса нет, кавалерия изнурена», «Овса нет. Лошадей кормят зеленым хлебом, и кавалерия весьма в дурном положении». Из наблюдений парламентаря Левенштерна: лошади неприятельских кавалеристов «были худы, как клячи. Я заключил из этого, что их кавалерия была уже истощена и дойдет вскоре до полного изнурения» (РС. 1907. № 8. С. 330, 332; 1900. № 11. С. 344-46; Двенадцатый год. Исторические документы... Торماسова. СПб., 1912. С. 59-60).

<sup>81</sup> Picard. II. 99; Вороновский. 95; Miller M. Darstellung des Feldzuges... gegen die Russen im Jahr 1812. Th. I. Stuttgart-Tübingen, 1822. S. 69; Жизнь и подвиги. 19.

<sup>82</sup> Bismark. 270, 277; Fabry. IV. 290; Starklof. 62.

<sup>83</sup> Biot. Souvenirs. Paris. 1901. P. 23; Fabry. IV. 289-290; Brandt. 369-70; De Baudus. 13.

<sup>84</sup> Bleibtreu C. Geschichte der Reiterattacken. Berlin, o. J. S. 237-38.

<sup>85</sup> Норов А.С. Война и мир 1805-1812 с исторической точки зрения по воспоминаниям современника. СПб., 1868. С. 19; Вороновский. 98; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 2. С. 79.

<sup>86</sup> Вяликов. 133-34.

<sup>87</sup> Гарнич. 86; Андреев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1959. С. 36; Бескровный. 310; Троицкий. 109; Тикыч. 363; Асвариц Б., Вилинбахов Г. Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса. Л., 1984. С. 40; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 55, 59; Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964. С. 32; Шекун О.А. Сражения под Красным // От Москвы до Парижа. Малоярославец, 1998. С. 29; Русская армия 1812-1814. М., 2000. С. 46.

<sup>88</sup> Fabry. IV. 278-79

<sup>89</sup> ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Елисеев. 15.

<sup>90</sup> Bonnet. 654.

<sup>91</sup> Fabry. IV. 287-88; Вороновский. 92.

<sup>92</sup> Паскевич. 92; Наполеон в России в 1812 г. СПб., 1911. С. 210; Ермолов. 162-63; Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения. Драматические произведения... Воронеж, 1983. С. 147. Благодарим И.С. Тихонова за то, что он указал нам на последнее издание.

<sup>93</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 316. Л. 20, 20 об. Благодарим А.А. Елисеева за предоставление нам этого документа.

<sup>94</sup> Fabry. IV. 286; Röder von Bomsdorf. 144; Miller. I. 69; Андреев. 183, 185; Душенкевич. 111; Pfister A. Aus dem Lager des Rheinbundes. Stuttgart, 1897. S. 75; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78.

<sup>95</sup> Критикуя Сироткина за фразу, что на Неверовского «обрушилась армада из пяти пехотных и трех кавалерийских корпусов», Троицкий написал, что в атаках участвовали 15 тыс. кавалеристов и часть пехотных полков Нея (Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 55; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991. С. 92. Прим. 173).

<sup>96</sup> Bleibtreu C. Die Grosse Armee. Bd. 3. Stuttgart, 1908. S. 29; ibid. Geschichte der Reiterattacken. 238.

<sup>97</sup> Kalckreuth. 150; Chuquet. La Guerre. II. 22. Вечером 14 августа Брандт видел возле Красного кирасир; следовательно, последние в преследовании не участвовали (Brandt. 368; Военный сборник. 1870. Т. 71. С. 222).

<sup>98</sup> Leissnig. 252; Henkens. 120-21. Он назвал командира баварцев prince de Deux-Ponts; имеется в виду майор 1-го баварского шволежерского полка барон von Zweibrucken (Ср.: Comeau S.J. Souvenirs... Paris, 1900. P. 149).

<sup>99</sup> Auvray. 298; Constantin. 407; Cheron. 19; Fabry. IV. 511; Gajewski. 221.

<sup>100</sup> 7 августа командир бригады К. Пажоль был произведён в дивизионные генералы и получил новое назначение. 10 августа Даву сообщил об этом Пажолю и велел ему прибыть вместе с полковником Мати для того, чтобы сдать ему командование бригадой. Генерал А.Л. Жирарден принял командование этой бригадой лишь 15 августа (Fabry. IV. 239; V. 293-94; Pajol. III. 36; Raucourt G. De Boulogne à Waterloo (1803-1815) avec le 2-e regiment de chasseurs à cheval. Paris, 1999. P. 52)

<sup>101</sup> Шеф эскадрона Ф.Э. д'Авранж Дюкормон получил две контузии в грудь во время атаки на пехоту, 3 егеря были убиты, 5 ранены, 8 взяты в плен. В атаках на каре отличились лейтенант В. Моншан и су-лейтенант Ж.Б. Делельпланк; под су-лейтенантом С. Понслен де Рокуром была убита лошадь (Raucourt. 52, 104, 118, 120, 125, 126).

<sup>102</sup> Капитан 11-го гусарского К.А. Гейсвейт ван дер Неттен уверял, что при нападении на дивизию Неверовского полк «отличился величайшей неустрашимостью». В истории полка также упоминается бой при Красном, но не приводится никаких подробностей (Pelet, Bonnet, Everts. Carnets et Journal sur la campagne de Russie. Paris, 1997. P. 155; Lassus H. Historique de 11-e régiment de Hussards. Valence, 1890. P. 175-76).

<sup>103</sup> Miller. I. 69, Beilage. S. 3; Felder. 145; Fleischmann. 20; Starklof. 62; Fabry. III. Ann. 182; IV. 287, 511, 517, 784. Вюртембергские полки потеряли 45 лошадей. По словам Кёниха, вюртембергские полки 14-й бригады «потеряли, кроме одного убитого офицера, лейтенанта фон Спиттлера из полка № 2, моего товарища по классу, около 20 человек и 40 лошадей. Лейтенант Шлайх из моего полка получил выстрел в спину» (König. 136).

<sup>104</sup> В остальных полках 10-й дивизии потерь офицеров нет. Во всех полках 1-го и 2-го кавалерийских корпусов и в 6-й дивизии тяжёлой кавалерии 3-го кавалерийского корпуса потерь в офицерах нет. Офицеры и солдаты этих полков, оставившие мемуары, не упоминают об участии их в этом бою.

<sup>105</sup> По подсчётам А. Подмазо, Симбирский, 49-й и 50-й егерские полки из 2930 чел. потеряли свыше 900 чел. (Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 226, 597, 656, 662, 670).

<sup>106</sup> Потери полка составили: убитыми 2 обер-, 2 унтер-офицера, 17 рядовых, 2 денщика, ранеными 1 обер-, 3 унтер-офицера, 8 рядовых (РГВИА. Ф. 103. Оп. 209 а. Св. 18. Д. 1. Л.112).





*А.И. Попов*

## *Первое дело при Красном*

**К**нига ведущего отечественного исследователя наполеоновских войн Андрея Ивановича Попова “Первое дело при Красном” начинает публикацию работ, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Описываемые события явились первым серьезным успехом русской армии на фоне общего отступления в июле-августе 1812 г. Кавалерийский бой при Молевом Болоте и последующее сражение при Красном принесли несомненную славу российскому оружию, но в литературе были освещены далеко не равнозначно. При описании знаменитого “львиного отступления” генерала Д.П. Неверовского отечественные авторы допускали явные преувеличения и передержки. При этом большинство из них были почти незнакомы с иностранными источниками, что лишило их рассказы объективности и достоверности. Целью данного исследования было как исправление допущенных в отечественной литературе ошибок и недочётов, так и создание наиболее детальных описаний упомянутых боевых столкновений. В результате перед вами книга, которая помимо хронометрического описания событий в августе 1812 г., дает ответы на многие вопросы истории связанные с действиями русской и французской армий во время “Первой Смоленской операции русских войск”.



*А.И. Попов*

*Первое дело при  
Красном*





*200-летие Отечественной войны 1812 г.*

*А.И. Попов*

# *Первое дело при Красном*

Москва, 2007 г.



Конный егерь 12-го полка в русском походе

Акварель А. Ежова

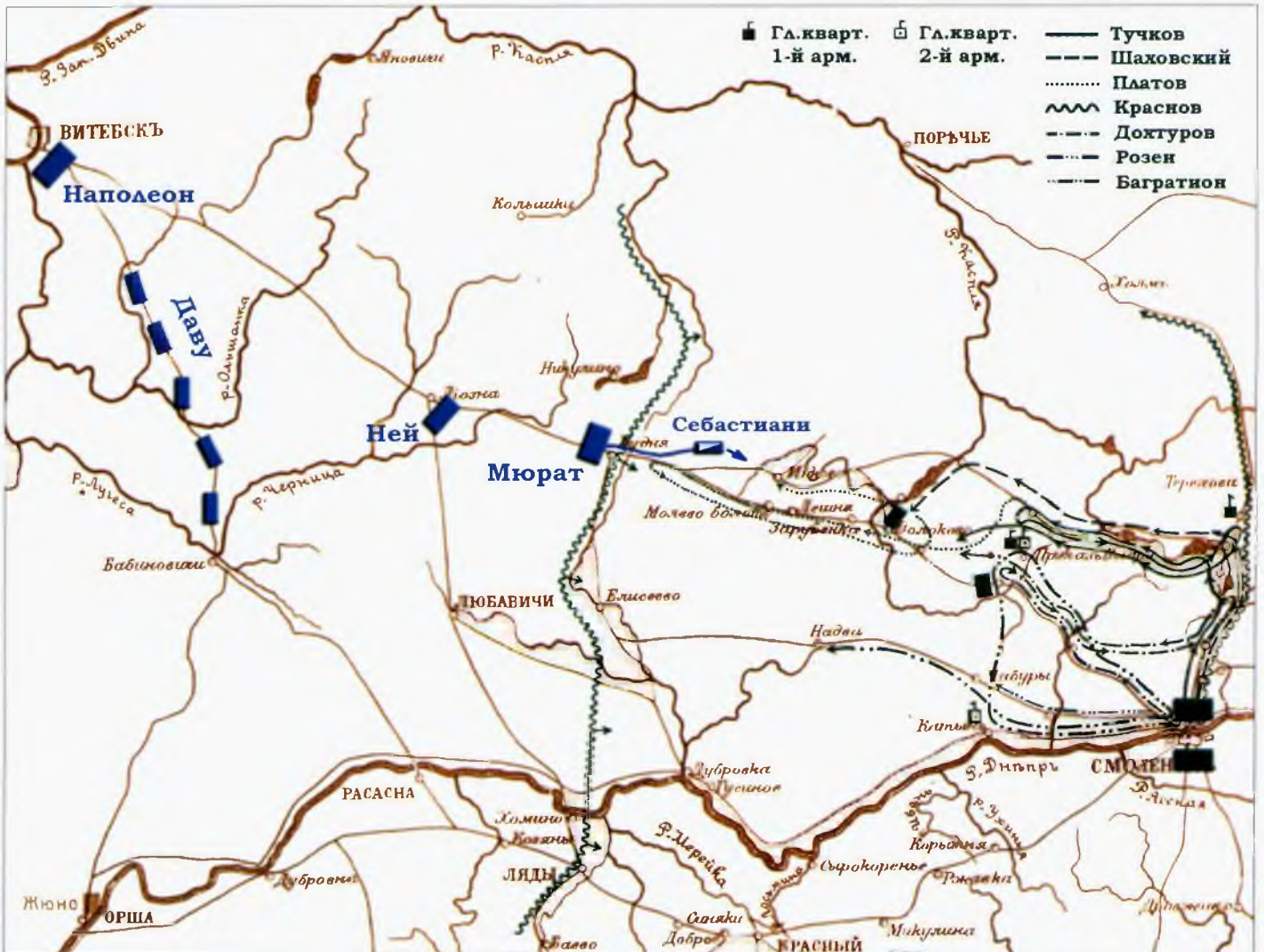




# Славные дела под Смоленском в августе 1812 г.

Боевые действия вокруг Смоленска в августе 1812 г. в историографии иногда именуют «Первой Смоленской операцией русских войск». Не вдаваясь пока в рассуждения о том, насколько правомерно такое словосочетание, заметим, что самому сражению за Смоленск предшествовали, помимо множества мелких стычек, два относительно крупных боевых столкновения. Оба они принесли несомненную славу российскому оружию, но в литературе освещены далеко не равнозначно. К тому же, при описании знаменитого «львиного отступления» генерала Д.П. Неверовского отечественные авторы допускали явные преувеличения и передержки. При этом большинство авторов были почти незнакомы с иностранными источниками, что лишает их рассказы объективности и достоверности. Цель нашего исследования двоякая – исправление допущенных в отечественной литературе ошибок и недочётов, - создание наиболее детальных описаний упомянутых боевых столкновений.

Передвижение войск в начале августа 1812 г.







Пленение генерала Ж.М.Н. Делиль де Фальконе  
де Сен-Женьеса возле Друи. Рисунок А.Ежова



## «Презжаркое дело» при Молевом Болоте

Известный бой при Инково или Молевом Болоте не удостоилось в отечественной литературе специального исследования. В обобщающих же трудах А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича ему посвящено соответственно одна и две страницы. Наиболее подробно о нём рассказал Н.П. Поликарпов, но это не аналитическое, а описательное изложение, основанное исключительно на русских источниках. В советское время детально этот бой описал В.И. Вяликов, но также на базе только русских источников.<sup>1</sup> Между тем, с неприятельской стороны разного рода источников сохранилось, пожалуй, даже больше, чем с русской.<sup>2</sup> Это позволяет с гораздо большей детализацией и объективностью описать данное боевое столкновение.

Для того, чтобы лучше понять ход этого боя, необходимо заглянуть на несколько дней вперёд. Во время второй стратегической паузы в конце июля – начале августа основные силы «Великой армии» расположились в Белоруссии, на границе коренной России. Вперёд были выдвинуты лишь некоторые части и соединения лёгких войск, в том числе дивизия генерала О. Себастьяни из 2-го корпуса резервной кавалерии генерала Л.П. Монбрёна. Войска этой дивизии с самого начала кампании находились в авангарде и имели несколько стычек с русскими, в частности, у Новых Троков, у Довгелишек и при Друе и понесли серьёзные потери. В частности, возле Друи попал в плен командир 7-й бригады генерал барон Ж.М.Н. Делиль де Фалькон де Сен-Женес, которого сменил полковник М. Дезира.

*Фабер дю Фор. Офицерские шалаши  
лагеря в Лиозно, 11 августа 1811 г.*





**2-я дивизия лёгкой кавалерии:** *дивизионный генерал граф О.Ф. Себастьяни*

**адъютанты:** *шефы эскадрона Л.Ж.Э.Ф. Рейно де Булонь Лакур, А.Ш.А. Лавозстен, О.Л.Ж.К.Г. де Куаньи*  
**начальник штаба:** *штабной полковник А.Л. Жантиль де Сент-Альфонс (4.08)*

**7-я бригада лёгкой кавалерии:** *полковник барон М. Дезира (15.07)*

11-й конно-егерский (3 эск.): *полковник Дезира*

12-й конно-егерский (3 эск.): *полковник барон Ш.Э. Гиньи*

**8-я бригада лёгкой кавалерии:** *бригадный генерал барон А. Бюрт*

5-й гусарский (4 эск.): *полковник барон К. Мёзьо*

9-й гусарский (4 эск.): *полковник шевалье Л.Ш. Мэнье*

**16-я "иностранная" бригада лёгкой кавалерии:**

*бригадный генерал барон Ж. Сюберви*

10-й польский гусарский (3 эск.): *полковник*

*Я.Н. Уминьский*

3-й вюртембергский конно-егерский "Герцог Луис"

(3 эск.): *полковник граф Э.Т. фон Валдбург-Вюрцах*

Прусский сводный уланский (4 эск.): *майор К. фон*

*Вердер - 3-й и 4-й эск. Силезского уланского № 2 полка,*

*3-й и 4-й эск. Бранденбургского уланского № 3 полка*

**Всего:** *24 эскадрона. На 29 июля дивизия имела всего*

*2.300 комбатантов.*<sup>3</sup>

31 июля Себастьяни сообщил из Лиозно: «Моё здоровье расстроено», а 1 августа написал маршалу Й. Мюрату из Рудни, что сильно страдает от боли в распухшей ноге, что делает мучительными любые движения. Генерал просил короля походатайствовать перед императором или Бертье, чтобы ему дали краткий отдых для восстановления здоровья. Мюрат приложил его письмо к своему рапорту императору и предложил заменить его генералом Орнано, либо Экзельмансом. Через не-

сколько дней, по поручению Мюрата, начальник его штаба генерал О.Д. Бельяр сообщил Бертье, что «Себастьяни имеет нужду в отдыхе, чтобы позаботиться о своём здоровье». 5 августа Бертье известил императора о новой просьбе предоставить отпуск Себастьяни.<sup>4</sup> Но император не дал своего согласия.

«На биваке у Инково,- пишет историк прусского уланского полка,- кавалерийская дивизия Себастьяни оставалась спокойно стоять до 6 августа. 2-го дивизии был устроен смотр одним инспектором смотров».<sup>5</sup> При этом состояние лошадей прусского полка было найдено более сносным, нежели во французских полках. «Помимо этого смотра и ежедневных рекогносцировок и продолжительных патрулирований, за это время ничего значительного не произошло, несмотря на то, что 3 августа противником были захвачены на форпостах три гусара и один улан. Что касается службы на форпостах, то французы имели определённые её принципы, на которых они базировали свою сторожевую службу: здесь они считали главным делом поддержание связи между войсками и придавали лишь ограниченное значение учреждению связанной системы постов. Для наблюдения за неприятелем они считали более целесообразным частые посылки рекогносцировок-патрулей, чем выставление многих сторожевых застав и вестов. При второй лёгкой кавалерийской дивизии для ежедневных форпостов назначалась одна, составленная из всех полков, команда, чаще всего лишь ограниченной силы. Для её ближайшей поддержки, насколько это становилось необходимым, назначалась одна бригада, которая, однако, также как и прочие и вместе с ними располагалась на биваках. Как правило, французские генералы мало заботились о выставлении форпостов, зачастую проявляя большую неосведомлённость

**Генерал О.Ф. Себастьяни (1772-1851)**



**Генерал А. Бюрт (1772-1830)**





в этом роде службы. Позиция дивизии была чрезвычайно изолированной, лишь в Рудне, на расстоянии сильного дневного марша позади, находила она ближайшую поддержку в двух других дивизиях корпуса.

Обоснованное опасение Себастьяни за безопасность своей дивизии побудило его отдать особые распоряжения относительно выставления форпостов, которым, однако, было столь превратно избрано [место], что связь между сторожевыми заставами и ведетами ограничивалась лишь единственной переправой через ручей; упомянутый захват ведетов 3-го числа стал следствием такого расположения. Оживлённый ход патрулей мог, конечно, уступить место связанной цепи постов, и принёс бы в данном случае больше пользы, но он также не соблюдался бы. Обычно приказывали: "Тот или иной полк к определённом часу должен выслать команду на два часа для рекогносцировки". Ни определённого направления, ни особой задачи командам не давалось; они затем разъезжали вокруг по полям, чтобы провести время, но по возможности всё же меньше утомлять своих лошадей, на ограниченном удалении от ведетов и возвращались назад по истечении предписанного времени с сообщением, что ничего нового не видели». Такой род несения охранной службы приносил мало пользы для обеспечения отдыха войск на биваках, которые часто поднимались по тревоге.

**Казачий корпус:** генерал от кавалерии М.И. Платов  
**обер-квартирмейстер:** подполковник П.А. Чуйкевич  
**дежурный штаб-офицер:** полковник И.Я. Шперберг  
**старший адъютант:** войсковой старшина С.Д. Лазарев 3-й  
**при штабе:** полковник принц Э. Хессен-Филиппсталь-Бархфельд, майор барон Г. фон Барнеков  
**2-я бригада:** подполковник Т.Д. Греков 18-й  
 Донской казачий Иловайского 5-го полк: войсковой старшина И.Г. Давыдов 3-й  
 Донской казачий Грекова 18-го полк: войсковой старшина А.С. Греков 26-й  
**3-я бригада:** генерал-майор В.Т. Денисов 7-й  
 Донской казачий Денисова 7-го полк: войсковой старшина Г.П. Победнов 1-й  
 Донской казачий Мельникова 3-го полк: подполковник И.Г. Мельников 3-й  
**5-я бригада:** генерал-майор Д.Е. Кутейников 2-й  
 Донской казачий Харитонов 7-го полк: подполковник К.И. Харитонов 7-й  
 Симферопольский конно-татарский полк: подполковник князь К.М. Балатуков 1-й  
**не входили в состав бригад:**  
 Атаманский Донской казачий полк: полковник С.Ф. Балабин 2-й  
 1-й Башкирский казачий полк: командир - майор Нарвского драгунского полка М.М. Лачин  
 конная Донская артиллерийская рота № 2: войсковой старшина П.В. Суворов 2-й - 12 орудий.<sup>6</sup>

### Э. Детай. Французские гусары на аванпостах





Офицер 1-го вюртембергского шволежерского полка, июль-август 1812 г.

Акварель А. Ежова







**Генерал М.Б. Барклай де Толли (1761-1818)**

Рисовал и гравировал К. Зенф

Ослаблен был, впрочем, не только конский, но и личный состав полков. Описывая лагерь у Лешно, хирург вюртембергского полка Х. Роос писал: *«Жаркие дни и очень холодные ночи, которые приходилось проводить на голой земле, в связи с плохим питанием и отвратительной водой, вызвали усиление желудочных заболеваний»*. Прибывший к полку в Лешно аудитор Крафт говорил: *«Горестно смотреть, как офицеры и солдаты лежали больные в лагере; поносы так сильно свирепствовали там, что невозможно было производить учение, и едва отправлялись обыкновенные службы. Все дома были переполнены больными, многие умирали, в самом лагере происходила такая беготня за фронт, как будто всем полкам сразу даны были слабительные средства»*. В этом лагере войска простояла неделю.

Тем временем генерал М.Б. Барклай де Толли начал наступление на центр неприятельской армии. К вечеру 26 июля/7 августа Главная квартира 1-й армии расположилась в Приказ-Выдре, 2-й армии - в Катыни. Ранним утром 27 июля/8 августа войска готовились продолжить наступление, и квартирмейстеры уже выехали вперёд для обозрения местности по дороге к Рудне. Так, оберквартирмейстер казачьего корпуса М.И. Платова подполковник П.Л. Чуйкевич на ночь отправился к его авангарду для обозрения неприятеля. *«При мне,- пишет он,- прибыл к авангарду в деревню Кастрице [Костричино] от генерала Бермана парламентар, которого я оставив на ночь сегодня отправил назад совершенно противною дорою, ибо он приезжал по пустякам»*. Полковник



**Атаман М.И. Платов (1751-1818)**

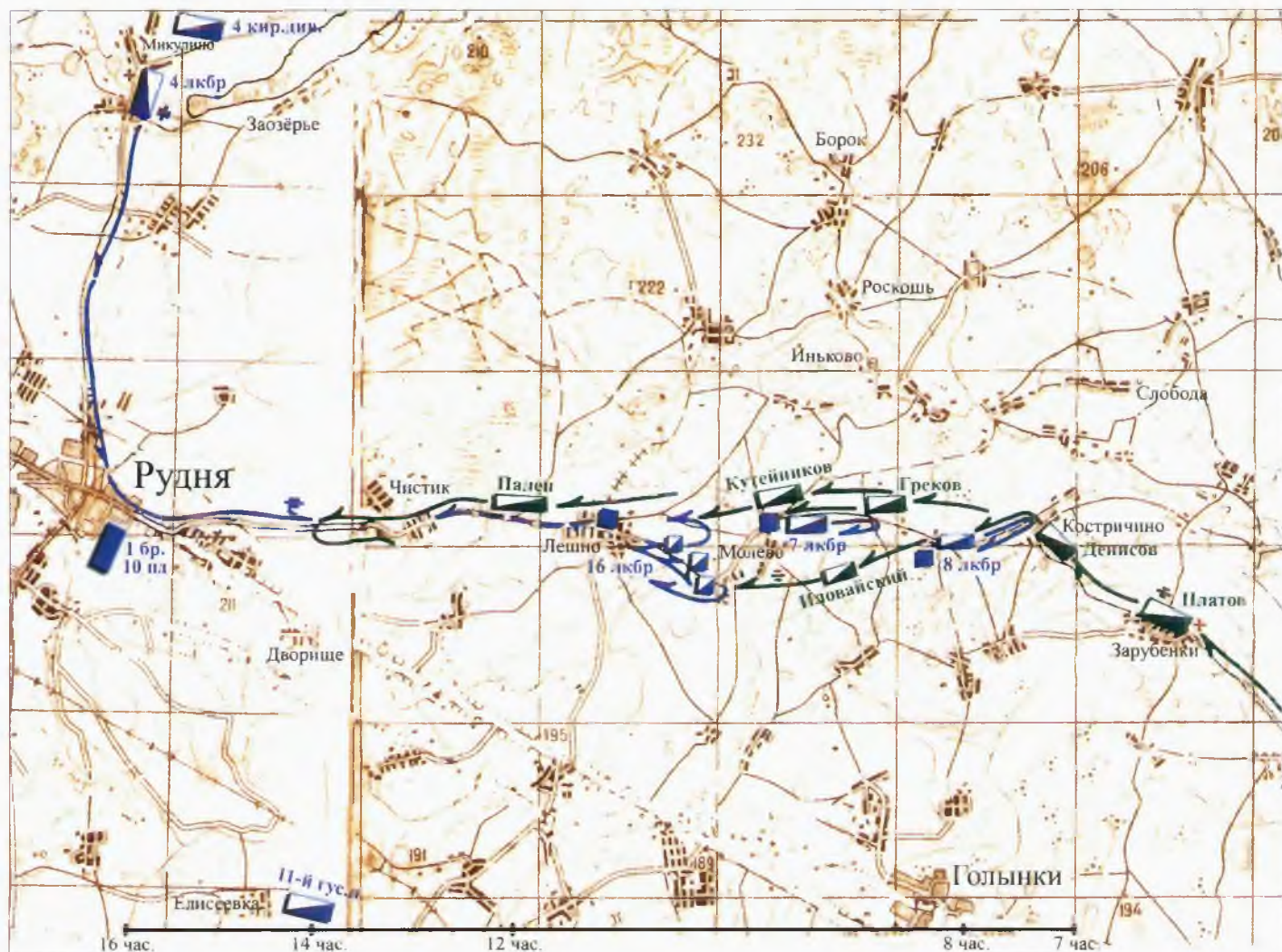
Раскрашенная гравюра В.Сэя

К.Ф. Толь ночью выступил *«с авангардом генерал-майора графа Палена дабы успеть рекогносцировать дальнейшего марша»*.

Но в ночь с 7 на 8 августа Барклай получил от генерала Ф. Винцингероде, отряженного к Велижу, донесение о сосредоточении значительных сил противника у Поречья. Барклай посчитал, что Наполеон собирается из Поречья двинуться на Смоленск, и решил отказаться от предпринятого наступления. По его приказу все передвижения войск были приостановлены. Затем он отдал приказ перевести войска 1-й армии с Рудненской дороги на Поречскую, 2-й армии - занять её место у Приказ-Выдры, а корпусу Платова - не продвигаться вперёд.<sup>6</sup>

На пути движения Платова как раз и находилась дивизия Себастьяни, стоявшая возле большой дороги из Рудни в Смоленск, занимая *«выходы из теснины леса до берега Каспли»*. Капитан 12-го конно-егерского полка Т.Ж. Обри вспоминал: *«Три бригады были расположены позшелонно на расстоянии полульё: бригада гусар в первой линии, шассеров - во второй и иностранная бригада - в третьей»*. Приданный дивизии 4-й батальон 24-го полка лёгкой пехоты (шеф батальона Аллар) был распределён по бригадам: при 7-й находилась 1-я рота (Лешно), при 8-й - 3-я и две элитные роты (Roussiski - Роскошь?), при 16-й - 2-я и 4-я роты. Монбрён ещё 6 августа предупредил Себастьяни о возможности нападения на него русских, и тот продержал дивизию на конях с 1 до 5 часов.<sup>8</sup> Утром 7 августа Себастьяни язвительно сообщил своему начальнику, что ничего опасного не про-





### Схема боя при Молевом Болоте

изошло, и его дивизия понапрасну «провела часть ночи на конях. Разведки, которые продвинулись до Инково, ничего не обнаружили. Бригада Сюберви была вынуждена из Чистик (Taustiki) выехать в Лешно, чтобы напоить своих лошадей». В тот момент генералу сообщили, что «сильная разведка неприятеля появилась перед аванпостами».

В 5 часов вечера Себастьяни донёс: «Неприятель направил на нас этим утром сильную рекогносцировку; он продвинулся до линии наших ведомств, где он мог оценить наши силы... Три раза неприятелю удавалось доходить до нашей позиции, и три раза мы выходили на него, каждый раз продвигаясь более чем на одно льё. Я не смог удержать один эскадрон 5-го полка гусар под командой г. шефа эскадрона [Сен-] Перна, который, совершенно лишившись стойкости, позволил сотне казаков себя опрокинуть; мы понесли бы большие потери, если бы не храбрость одного эскадрона 9-го гусарского [полка] под командой г. шефа эскадрона Фодда [-Барбазана] и г. капитана Рейнаха; не только всё было восстановлено, но мы причинили много вреда неприятелю. Наши потери ограничились двумя убитыми и одиннадцатью ранеными. Генералы и наши адъютанты были вынуждены сражаться саблями. Противник ретировался, и мы возвратились на свою позицию, так как имели большую нужду в отдыхе». Силы нападавших

Себастьяни определил в 2 тыс. чел., но по тучам пыли в стороне Смоленска предположил, что имеет перед собой 5 тыс. чел.

В 9 часов вечера он сообщил: «Неприятель находится перед нами; его ведеты соприкасаются с нашими, они ежеминутно обмениваются выстрелами из пистолетов. Я ещё не могу понять, является ли их намерением предпринять что-либо против нас, или они хотят только потревожить нас и утомить; им вполне удалось заморить нас голодом». Тогда же он попросил Монбрёна отпустить его для поправки здоровья. Тот, сам будучи больным, в этом ему отказал, но переслал его просьбу генералу Бельяру. При этом Монбрён пожаловался на своего подчинённого: «Я ему сделал несколько замечаний во время разговора; но он никогда не вникает в мои мысли». «Я задержан приступом подагры, которая помешала мне обуть сапоги», - написал он, а в 2 часа ночи сообщил: «Я приведу в порядок мои ноги как смогу и сяду на лошадь, чтобы поехать осмотреть всё, что происходит на аванпостах». Он разрешил Себастьяни «разместить свою дивизию в Лешно, выдвинув немного вперёд свой авангард и свои аванпосты».<sup>9</sup>

В тот же день маршал М. Ней приказал бригадному генералу П. Мурье, стоявшему в Любавичах, отозвать из Елисейвки 11-й гусарский полк и 8-го числа явиться в Одрино для проведения смотра. В



Гусар 9-го полка, июнь-июль 1812 г.  
Акварель А. Ежова







Заурвейд. Конные башкиры



Башкирский разъезд во главе с офицером



довершение всех бед, два батальона 1-го корпуса были тогда же отозваны из Любавичей и, таким образом, правый фланг 2-го кавалерийского корпуса остался незащищённым. Узнав об этом, Монбрён разместил пост из 100 чел. в Могильно. 14-я бригада лёгкой кавалерии генерала Ф.О. Бёрманна направилась в Заозерье. Оттуда в 4 часа вечера Бёрманн выслал в направлении на Поречье патруль, который, пройдя 28 вёрст, возвратился в 22 часа, не встретив неприятеля. Другой патруль был послан для установления коммуникации с д. Чистики (Taustiky).<sup>10</sup>

По требованию Монбрёна, в ночь с 7 на 8 августа были отданы приказы генералу Мурье возвратиться в Елисеевку 11-й гусарский полк и выслать по одному эскадрону в Лоби (?) и Дворище, чтобы осветить правую дорогу из Рудни в Смоленск, а генералу Бёрманну - отправиться из Заозерья в Инково, чтобы прикрыть левый фланг дивизии Себастьяни, находившейся на большой дороге из Рудни в Смоленск. «В столь критической ситуации,- отмечал Ж. Фабри,- отсутствие Мюрата являлось опасным; Бельяр будучи не в том звании, чтобы давать приказы маршалу Нею, ограничился просьбой оставить бригады Бёрманна и Мурье, которые подпирали правый и левый фланги 2-го корпуса». 8 августа в 6 часов утра Бельяр, пересылая из Матушево Мюрату рапорты Монбрёна и Себастьяни, написал: «Я не думаю, что неприятель имеет серьёзные намерения, он только желает знать то, что находится позади наших аванпостов; или он пытается отвлечь нас на правый берег, тогда как сам будет действовать на левом берегу». Он известил Мюрата, что отправляется в Рудню. Оттуда же в 7 часов утра он написал Нею: «Ваше сиятельство может быть посчитает своевременным оставить на позиции генерала Мурье и генерала Бёрманна до тех пор, пока не выяснится, каковы намерения неприятеля».

Платов не получил во время контрприказа Барклая и поэтому утром 27 июля/8 августа продолжил движение на Рудню, согласно прежней диспозиции. Его авангард (полки Денисова 7-го и подполковника Мельникова 3-го) располагался при д. Костричино. Его начальник, генерал-майор В.Т. Денисов 7-й донёс в 4 часа утра атаману, который находился с главными силами перед д. Зарубенки, что «неприятель в девяти полках кавалерии и одном пехотном следует от деревни Лешне по дороге». Платов приказал генералу «неприятельский авангард, в четырех кавалерийских полках бывший, удерживать», и сам двинулся к нему на помощь с остальными полками и 2-й ротой донской конной артиллерии.

Монбрён писал: «Я прибыл в 6 часов утра на аванпосты генерала Себастьяни в тот момент, когда русские стремительно атаковали наши сторожевые заставы. Я тотчас приказал этому генералу посадить на коней свою дивизию, и мы совместно приняли меры, чтобы остановить неприятеля, который накинудся на наши посты». Командир 4-го батальона 24-го полка Аллар донёс:



**Дивизионный генерал  
Л.-П. Монбрён (1770-1812)**

«В 7 часов утра генерал граф Себастьяни дал мне приказ выдвинуться вперёд с моей позиции, которую я занимал в Русишки; я направился с тремя ротами, которые у меня оставались, выслав вперёд себя роту вольтижеров». По словам подполковника фон Милькау, «этим утром в 7 часов полковник и командир граф фон Валдбург получил приказ следовать за движением дивизии, которая выступила вперёд против колонны неприятеля, которого атаковала, дебушируя из Инково. Полк оставил тогда свой бивуак в поместье Лешно и продвинулся на одно льё вперёд; немного позже он получил приказ выдвинуться, прикрывая левый фланг».<sup>11</sup>

По словам пруссаков, дорога на Смоленск в этом месте «проходила через хребёт возвышенности, который постепенно выравнивался около Инково, напротив, в сторону Рудни круто обрывался. Дорога вела вверх по узкой и очень глубоко врезанной лощине от возвышенности к Рудне». По их словам, «дивизия тотчас села на коней и выступила рысью через лощину на возвышенность. Бригада генерала Бюрта (5-й и 9-й французские гусарские полки), которая несла службу, первой





А.Е. Косов  
2006 г.



**Офицер донских казаков**

вступила в бой; она нашла форпосты уже далеко отеснёнными и сама была не в состоянии противостоять превосходящему противнику». «Мы двинулись на него,- пишет Монбрён,- и прибыли на довольно большое плато впереди Лешно, где он развернул на занимаемой позиции много войск. Ими командовал генерал Платов; мы оценили их, по меньшей мере, в двенадцать тысяч коней. Восемнадцать орудий долго стреляли в нас, многие старшие офицеры говорили мне, что видели пехоту; я этого не заметил. В момент, когда я увидел, что мы имеем дело с превосходящими силами, я приказал отступить».

Капитан 12-го конно-егерского полка М.Ш. Таше записал в дневнике: «Утром неприятель атаковал сторожевую заставу (смерть де Руво). Генерал Монбрён атаковал с эскадронам 5-го гусарского, отбросил неприятеля и возвратился». Позже Таше написал: «Руво (Rouveau), который находился на сторожевой заставе, был одной из первых жертв. Он упал на землю от удара пули и был прикончен ударами пик казаков» (речь здесь идёт о лейтенанте 12-го шассерского полка). Платов же, действительно, у д. Молево Болото встретил Денисова 7-го и подкрепил его 2-й бригадой подполковника Т.Д. Грекова 18-го (полки Н.В. Иловайского 5-го и Грекова 18-го) и двумя «отборными» сотнями 1-го Башкирского полка под коман-

**Схватка на аванпостах между казак и французским гусаром**  
Современный немецкий рисунок





дой своего адъютанта поручика Павлоградского гусарского полка Жилина, и приказал ударить на неприятельский авангард.<sup>12</sup>

По словам Чуйкевича, у неприятеля «было два полка 9-й и 5-й гусарские. Храбрый подполковник Мельников, первый сбил неприятеля решительным ударом во фланг под Лешнею и между господским двором и деревнею Неготыней». Урядники полка Денисова 7-го Е. Титов и Егоров «при первом ударе на неприятеля с охотниками бросились во фланг неприятельских эскадронов». Греков 18-й, «командуя полками его имени и генерал-майора Иловайского 5-го, обрушился на правый фланг и гнал его до пехоты так, что и она начала отступать». Сотник этого полка Ступачевский был ранен саблею в руку. 1-го Башкирского полка сотник И. Ишсареев, хорунжие М. Куруринов, Я. Лзиматин и Я. Мудрашкамдеев, «с двумястами отборными башкирцами» под командой поручика Жилина «при ударе на неприятельскую кавалерию действовали с отличною храбростию и поражая оного прогнали до самого подкрепления, подавая пример башкирцам». Жилин, «командуя двумя сотнями отборных башкирцов, которых прежде того приводил в порядок и исправление лошадыми по худобе оных, первый по приказанию генерала Платова вел с неприятелем перестрелку, а когда к неприятельскому корпусу сблизились, то он вместе с другими казачьими полками сделал сильный удар», получив «в правую ногу пулею тяжёлую рану». Платов писал, что неприятельский авангард «храбростию оных полков был в глазах моих опрокинут и преследуем поражением до двух верст до остававшихся в подкрепление одному авангарду еще пяти неприятельских кавалерийских полков и одного пехотного».<sup>13</sup>

Итак, 8-я бригада Бюрта в беспорядке отступила на основную часть дивизии. При этом 7-я бригада полковника М. Дезира (11-й и 12-й конноегерские полки) уже была развёрнута, а шедшая в хвосте 16-я «иностранная» бригада ещё только выходила из теснины и начинала разворачиваться. «Мы поспешили,- вспоминал капитан Обри,- для поддержки гусаров, которые были атакованы значительно превосходящими силами; мы заменили их в первой линии, так как они были ослаблены и утомлены. В тот же момент мы были окружены тучей казаков. Но мы сохраняли полное самообладание, вообще не испытывая страха перед этими дикарями». Капитан того же полка Таше записал в дневнике: «В 8 часов наша бригада направилась вперёд, прошла дефиле, дошла до неприятеля и оказалась значительно слабее его числом. Отступали позшелонно (en échelons), беспорядок, замешательство и загромождение в дефиле... Калмыки и башкиры: их стрелы».

«Тогда неприятель,- пишет Платов,- сильно стал наступать на мой авангард, за которым вслед шел я не более версты с остававшимися при мне полками, и, видя, сильное неприятельское наступление пустил с правого моего фланга в его левый полки: Атаманский, Харитонов 7-го, Симферопольский татарский, под командою ге-



А. Фейст. Трубач элитной роты 9-го гусарского полка, 1812 г. (открытки Бюкуа)



Современное изображение башкира и киргиза





Д. Доу. Генерал-майор  
Д.Е. Кутейников (1766-1844)

Э. Детай. 5-й гусарский полк



нерал-майора Кутейникова 2-го, который только что освободился в течение месяца от полученной им в руку в сражении при местечке Мире слабой раны, сам я с Донской конной артиллерией и находящимся при мне конвоем в центре, где мне способствовал генерал-майор Иловайский 5-й, также освобождающийся только от полученной им в сражении при Мире в правую ногу пулею раны. Тут вышло упорное сражение, продолжавшееся более часу».

Согласно наградным документам, Иловайский 5-й, «не выздоровев от раны, находился на левом нашем крыле с своей бригадой», а Кутейников 2-й «командовал бригадою из трех казачьих полков, опрокинул неприятеля и прогнал до пехоты, подкреплявшей кавалерию». Атаманского полка войсковые старшины Копылков и Янов, «командуя сотнями, действовали с отличною храбростию, находясь впереди и не взирая на превосходство сил неприятельской кавалерии и на жестокой огонь ударили в дротики, смешали оную, и с поражением прогнали за деревню Лешню». Есаул Пантелеев во главе своей сотни «при всех ударах неприятеля действовал неустрашимо, не смотря на сильной батальной огонь, был во фронте». Сотники этого полка Фомин и Быкадоров, «будучи при всех ударах на неприятельскую кавалерию впереди, выдерживали батальной огонь и действовали с



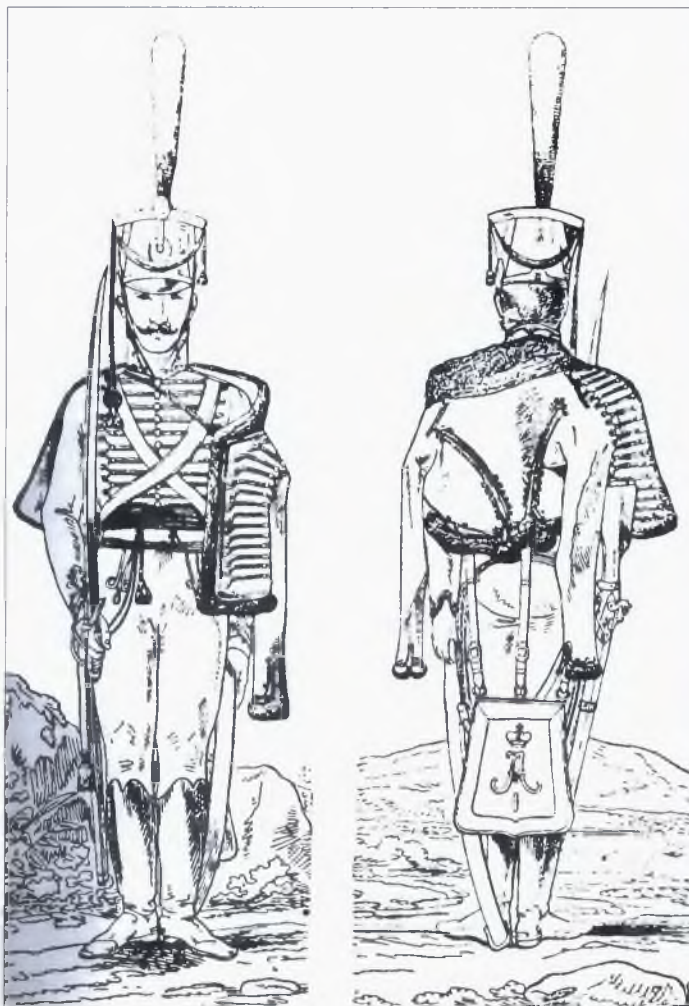
**Рядовой гусарского полка, 1811 г.**

Рисунок А.О. Орловского

неустрасимую храбростию» и оба были ранены пулями в головы. Симферопольского конно-татарского полка войсковой старшина К.М. Балатуков 1-й «с частью полка действовал с отличною храбростию», а есаул и сотник Ильясовы, «командуя сотнями, делали удар на неприятеля». Урядник этого полка Адилеев «на ударе сбил неприятельского офицера и взял оного в плен». Есаул Власова 3-го полка Процысков «был послан от генерала Платова к командовавшим генералам и прибыл к полку Атаманскому во время сражения находился с охотниками впереди, ведя перестрелку, а потом делал неоднократно удары, нанося неприятелю поражение».<sup>14</sup>

«Неприятель,- пишет Монбрён,- маневрируя со своими казаками более ловко, чем мы, в один момент потеснил мои задние войска с фланга. 5-й и 9-й гусарские атаковали и освободили их. Я продолжил своё отступление на расстоянии полутора льё. Понадобилась, уверяю вас, сила, чтобы его выдержать. Противник двигался на нас столь быстро, что я едва имел время разместить войска, которые должны были его остановить. Мы обороняли местность с чрезвычайным упорством». По словам Аллара, рота вольтижёров «в течение долгого времени удачно перестреливалась на возвышенности и в деревне, которая находилась в одном льё впереди от моей первой

**Донской казак. Начало XIX в.**

позиции. Когда неприятель прибыл в больших силах и повёл стрельбу по этой роте, она получила приказ отступить, что она успешно исполнила, поддерживая 5-й гусарский полк и 12-й конно-егерский, на расстояние ружейного выстрела в небольшой лес, который находился по эту сторону возвышенности... Тогда она была окружена тучей казаков, которые воспрепятствовали ей сесть в засаду. На данный момент остались один сулейтенант, один сержант, фурьер и семеро вольтижеров, из которых трое ранены; остальные из этой роты были взяты в плен; сулейтенант обязан своим спасением полковнику 12-го шассерского, который заметил его и дал ему лошадь». Монбрён сообщил, что «вольтижерская рота 24-го лёгкого [полка], которая не открыла огонь, чтобы остановить атаку на неприятеля на нашу кавалерию, которая была уже на её правом фланге, была взята в плен около леса. Этот досадный случай произошёл в момент, когда русские произвели небольшой беспорядок в нашем арьергарде, и происходила их первая атака на нас, и уже невозможно было помочь». По словам же пруссаков, «рота вольтижеров, которая занимала в Залесье Церковна штаб-квартиру генерала, вынуждена была положить оружие».<sup>15</sup>

Ю. Био пишет, что «утром неприятель атаковал наши аванпосты, отбросил бригады гусар и



*Канонир донской артиллерии, 1812 г.  
Акварель А. Ежова*







К. Верне. Казаки на биваке

егерей, и развил бы свой успех, если бы бригада, именуемая иностранной, не выдвинулась бы вперёд», причём «две первые бригады потеряли много людей». Прусский уланский полк, замыкавший 16-ю бригаду, начал выходить из лощины. «Майор фон Вердер, - рассказывает историк полка, - обнаружил на некотором удалении на левом фланге значительное облако пыли. Если оно было поднято приближающимся противником, то возникала опасность для дивизии из-за потери дефили в её тылу лишиться единственного пути отхода». Тогда К. Вердер, «взвесив это обстоятельство, обратил внимание генерала Себастьяни на увиденное, получил от него уверение, что эта пыль должна быть поднята неприятельской кавалерией, и приказ силой предотвратить угрожающую дивизии опасность. Командир велел полку, который ещё находился в двигающейся справа взводной колонне, тотчас повзводно на право кругом завернуть и галопом скакать назад через ложбину. Он своевременно достиг противоположного выхода, так как обнаруженный им противник, два казацких полка, обошёл крутой склон возвышенности и самым быстрым аллюром устремился к большой дороге и дефили.

Как только оба бранденбургских эскадрона, теперь первые, вышли из дефили, майор фон Вердер велел им повернуть вправо и атаковал с ними превосходящего противника; тот был опрокинут, снова построил фронт, был ещё один раз отброшен и затем преследуем вдоль склона... Оба силезских эскадрона, которые при начале атаки были ещё в ложбине, последовали, после того, как прошли через неё, в качестве второго эшелона позади левого фланга бранденбуржцев. Опасность была устранена в одно мгновение; отход дивизии через дефили был обеспечен. Майор фон Вердер велел теперь своему полку, всё ещё построеному в два эшелона, остановиться у подножья возвышенности и выдвинуть вперёд четвёртые взводы в качестве фланкёров на её гребень». Вероятно, это были казаки Атаманского полка, поскольку из хорунжих Свиридова, Кайданова и Акимова, которые «действовали с храбростью, подавая пример подчиненным», двое были «ранены пиками, первой тяжело в правую ногу, а последний в живот. Акимов в левую ногу пулю». Состоявшие по армии полковник «принц Филип-Стальский» [Э. Хессен-Филиппсталь-Бархфельдт] и пруссак «майор Густав барон фон Барников» [Барнеков],





А. Шефер. 1-й и 2-й уланские полки (Пруссия). Слева-направо: уланы 1-го и 2-го полка в походной форме; трубач 1-го полка в парадной форме; улан 2-го полка в мантио; офицер 1-го полка в парадной форме



Р. Кнетель. Вюртембергская кавалерия в 1812 г. Слева-направо: лейб-шволежер 2-го полка, конный егеря 4-го полка, шволежер 1-го полка, конный егеря 2-го полка

«находясь во все время сражения при полку атаманском по ревностному усердию, действовали при всех на неприятеля ударах», причём последний «ранен пулею в правую ногу на вылет».<sup>16</sup>

Аллар пишет, что после пленения одной роты, он «получил приказ продолжить отступление, следуя вдоль опушки леса; я исполнил его в величайшем порядке. Я имел случай произвести множество выстрелов, которые были выполнены прекрасно, и поддерживал несколько атак кавалерии на глазах у гг. генералов графов Монбрёна и Себастьяни; я прикрывал отступление эскадронов, которые вместе со мной образовывали арьергард». Монбрён подчёркивал, что этот батальон «был мне очень полезен, я должен выразить ему похвалу, и особенно большую - г. шефу батальона Аллару. В двух случаях в течение дня он производил огонь рядами в упор, и особенно помог мне в моих маневрах». Обри также с похвалой отозвался о храбрых пехотинцах: «В двух концах леса были у нас размещены на каждой стороне несколько рот вольтижёров, которые ободряли нас своим прекрасным поведением».

Командующий вюртембергским полком доносил: «Мы были тогда атакованы примерно 3000 человек: гусаров, уланов, казаков и башкир; после того как были отбиты многочисленные атаки и успешно исполнены многие свои атаки, командующий генерал отдал приказ полку отступить; в тоже время, он должен был по-прежнему прикрывать левое крыло. Я исполнил это движение пошелонно (en échiquier); во время этого отступления я, без сомнения, испытывал очень большие затруднения перед лицом значительно превосходящего неприятеля, и понёс чувствительные потери». Роос вспоминал, что «иностранная бригада» прибыла на помощь французам. «Прусские уланы теснили правое крыло русских; наши егеря действовали в центре, в то время как польские гусары защищали столбовую дорогу у имения и охраняли её для нашего отступления. Здесь мы впервые увидели направленные против нас луки со стрелами, большая часть которых, однако, не достигла цели».<sup>17</sup>

Платов сообщил, что во время боя «неприятельский кавалерийский полк под командою полковника с подкреплением батальона пехоты их сражался против картечных выстрелов наших и даже приближался к пушкам, не более как на шестьдесят сажень от оных, кои были в опасности, чему доказательством служит то, что артиллеристы и артиллерийские лошади были ранены неприятельскими пулями; а особливо если бы не подоспели два казачьих полка Мельникова 3-го - на пехоту, а Харитонов 7-го - на кавалерию во фланг неприятеля, где отличившийся во многих случаях неустрашимую храбростию подполковник Мельников 3-й, к сожалению, убит, но полк имени его не остановился; Харитонов же остановил поражением оный кавалерийский полк и командовавший им полковник с некоторыми подчиненными своими взят в плен». Наградной документ гласит, что Харитонов, «находясь с ве-



М.В. Борисов. **Вюртембергская кавалерия наполеоновских войн.**

Слева-направо: рядовой 2-го лейб-шволежерского полка, 1809 г.;  
унтер-офицер драгунского полка Кронпринца, 1809-1813 гг.;  
трубач 3-го конно-егерского полка герцога Людвига, 1811-1812 гг.;  
офицер 4-го конно-егерского полка Короля, 1809 г.







**Атаман М.И. Платов (1751-1818). 1810-е гг.**



**Генерал-майор граф фон дер Пален (1778-1864)**

ренным ему полком на право от центральной батареи нашей, когда неприятель стремился атакою на артиллерию и подошел уже на картечный выстрел, то он сделал на него во фланг сильный удар в дробинки, опрокинул и прогнал оного, спас тем шесть орудий в опасности находившихся и поражая далее неприятеля разбил конно-егерской полк и взял в плен с офицерами и довольном числом рядовых того полка полковника графа, имя коего не известно».<sup>18</sup>

Речь идёт 3-м вюртембергском полке. По официальной версии, полковник Э.Т. Валдбург, «при столь большой пыли, которая едва позволяла видеть стоящего впереди, был потерян полком из виду и захвачен казаками в плен». Принявший командование подполковник фон Милькау так объяснил случившееся: «Время было сухое, вследствие отступления семи полков, которые ретировались впереди, пыль была столь большой, что невозможно было видеть, что происходило перед собой. Полковник граф фон Валдбург потерял полк из виду, он почти не имел с собой никого, кроме лейтенанта графа Гревеница, секунд-лейтенантов Финта и Хорнштайна, старшего трубача Хорлонера, унтер-офицера Хафнера, егерей Штюца и Фехлиншмида; в один момент они были окружены двумя эскадронами казаков; наш командир имел несчастье упасть с лошади; несмотря на усилия тех, кто находился вместе с ним (и вследствие того, что лошадь тащила его

ещё много шагов) полковник попал раненым в руки противника, который был значительно сильнее». Хорнштайн храбро защищал своего командира и получил две серьёзные раны; также мужественно вёл себя егерь Штюц, тяжело раненый десятью ударами пик. Роос пишет, что фон Хорнштайн был смертельно ранен, Шенгаммер попал в плен по трусости.

Роос писал: «Полковника графа Валдбург-Вюрцаха при отступлении... постигло несчастье; его лошадь, перепрыгнувшая через бивачную веревку, зацепилась и упала, так что он вместе с подъехавшими к нему на помощь несколькими солдатами был ранен и взят в плен». В. Кёних со слов очевидцев вспоминал, что русские «напали на дивизию с началом дня столь внезапно, что она едва имела время выступить из своего лагеря и оказать им сопротивление. Вследствие этого лагерные канаты, растянутые по лагерю для привязывания лошадей, не могли быть более сняты, и теперь при отступлении через них упала часть личного состава, которая из-за этого попала в плен или пришла в беспорядок». Прусский историк уточнил обстоятельства этого пленения: «Основанием для этого послужила одна незначительная сама по себе небрежность. Утром при оставлении бивака егеря не взяли с собой фуражные верёвки, которые как обычно были растянуты между коновязными кольями, чтобы привязывать к ним лошадей; частые ложные тревоги дивизии заставили



их думать, что и на этот раз после напрасного дела они вскоре вновь возвратятся на бивак. Когда же вюртембергцы, во время своего отступления, были быстро оттеснены неприятелем через бивак, при большой пыли значительная часть, почти половина полка, упала из-за растянутых верёвок, и преследовавшие казаки взяли упавших в плен. Так часто на войне незначительный повод имеет пагубное действие».<sup>19</sup>

Пока дивизия вела бой на плато, «русские не отказывались от своего намерения захватить дефиле в тылу дивизии. Казаки летали роем вокруг [пруссского] полка со всех сторон и тревожили взводы фланкёров, которые под руководством лейтенантов А. фон Вульфена и М. фон Гродзки мужественно противостояли им. Иногда противник собирался, чтобы наброситься на сам полк, но при виде хладнокровного самообладания, с которым тот ожидал их атаки с пиками наперевес, постоянно отказывался от этого. Так бой длился несколько часов. Личный состав четвёртых взводов постепенно весь был рассыпан во фланкёры».

«Тогда с нашей стороны,- продолжает Платов,- со всех пунктов сделана на неприятеля сильная атака, простиравшаяся с фланга на фланг не менее полуторы версты, и неприятель совершенно опрокинут и преследован с большим поражением на двухверстное расстояние, а между тем по данному от меня известию подоспел ко мне в сикурс находившийся не в близком от меня расстоянии генерал-майор граф фон-дер-Пален с тремя гусарскими полками: Изюмским, Сумским и Мариупольским, которому поручил я дальнейшее преследование и поражение неприятеля, а сам по нездоровью моему остался на месте. Он его преследовал еще кроме прежнего до восьми верст».<sup>20</sup>

«Около полудня,- пишет прусский историк,- неприятель получил подкрепление, казаки умножились напротив полка от минуты к минуте; но любое отступательное движение улан могло повлечь величайшую опасность для дивизии. Слыша призывы своего храброго вождя, они сохраняли твёрдое самообладание. Когда бригады дивизии как раз собрались произвести отход через дефиле, и вюртембергский егерский полк уже пришёл в движение, чтобы поспешить на поддержку улан, неожиданно появился на возвышенности напротив них один неприятельский (красный) гусарский полк». Это был Изюмский полк, имевший красные доломаны, он превышал по численности пруссаков. Обе линии бросились друг на друга, но неожиданно русские осадил лошадей, и оба полка несколько мгновений стояли друг против друга примерно в 30 шагах. Русский командир, видный офицер, имевший прусский орден «За заслуги», прокричал майору Вердеру несколько слов. Находившийся рядом лейтенант В. фон Лупински, знавший по-русски, сказал, что эти слова являются вызовом майору.<sup>21</sup> Вердер принял его, и перед лицом обоих полков завязался упорный поединок между их командирами. Сильный удар русского соскользнул с плеча майора, который ударом сабли по голове свалил противника с лошади, и его



**Конный башкир**

тотчас взяли в плен. Из-за этой дуэли, которая привлекла взоры всех сражавшихся, в бою наступила короткая пауза. Когда русский упал, уланы с криком «Ура!» ринулись на неприятеля, который отступил и был преследован до возвышенности. Одновременно с этим лейтенант Хойдук с 13 уланами отразил казаков, которые пытались обойти левый фланг полка, причём сразил их командира. Тем временем дивизия Себастьяни прошла через лошину, и Вердер отказался от дальнейшего преследования неприятеля; в это же время русская батарея открыла сильный картечный огонь по пруссакам, которые начали отступление.<sup>22</sup>

Согласно русским наградным документам, ротмистр Изюмского полка П.Н. Рошанович «в первой атаке когда неприятельской и наш фронты остановились не далее десяти шагов друг от друга, поражая неприятеля своеручно, возбудил мужество колеблющихся нижних чинов, удержал фланги на месте до атаки ротмистра Лошкарева и потом гнал неприятеля с примерно храбростью своего эскадрона». Ротмистр А.С. Лошкарев «стройною и быстрою атакою на правый фланг неприятеля возбудил мужество в колеблющихся двух эскадронах и был примером в сей части жесточайшему поражению неприятеля, врубаясь сам первый в неприятеля». Вахмистр Глоба, «когда ротмистр

Стр. 26-27. А. Ежов. Кавалерийский бой между 2-м Силезским уланским полком и Изюмскими гусарами в деле при Молевом Болоте ►









**Генерал К.Л. Бройнинг (1771-1812). 1808 г.**

Лошкарев был окружен неприятелем, то он врубившись изрубил своеручно нескольких человек, чрез что спас жизнь ему». Командующий полком майор Л.Б. Розенбаум «примерно стройным движением своего эскадрона не допустил расстроенного неприятеля собраться и взяв неприятельские резервы в правый фланг остановил оный, чем и способствовал к вторичному поражению оногo». Вахмистр Пимонов «взял двух офицеров в плен и отличался примерным мужеством». Ротмистр этого полка Сташевский получил «жестокие рань» и был взят в плен.

Офицер Изюмского полка К. Мартенс, служивший прежде в прусской армии, вспоминал: «Наш полк наткнулся на отряд прусских улан второго Силезского полка. Стычка была тем ужаснее, что на дороге стояла пыль столбом, и мы сшиблись, не видя друг друга. Мы потеряли трёх офицеров и много солдат. Пруссаки также потеряли не мало людей. Этот уланский полк, которым командовал майор фон Блок, был единственным прусским полком, находившимся при Великой армии. Я лично знал почти всех офицеров этого полка. Можно себе представить, что я испытал, очутившись лицом к лицу с моими бывшими товарищами».<sup>23</sup>

«Тем временем,- пишет Обри,- почувствовав поддержку прекрасной русской кавалерии, которая находилась в резерве позади них, они [казаки] стали как бешенные и пошли стрелять в нас из пистолетов и атаковали нас в пики вплоть до наших рядов. Кроме того, прибыв на возвышен-

ность, которая доминировала над позицией, мы заметили пехоту и артиллерию, а наш полковник отсутствовал... Внезапно по нам начался огонь артиллерии и унёс у нас множество лошадей, в частности, лошадь капитана Рахе (Rascher), моего коллеги по эскадрону; тотчас один вахмистр спрыгнул вниз со своей лошади и посадил его наверх». В данном случае речь идёт о капитане Таше (Tascher), племяннике экс-императрицы Жозефины. В письме к своему другу Дюмону он сообщил: «Сражались, отступая крупной рысью. Я остался немного позади моего эскадрона и присоединился к нему, тесно сопровождаемый калмыками и казаками, когда залп артиллерии рассёк надвое бригадира Гилоза и убил мою лошадь. Я неизбежно был бы взят в плен или убит. Мируар подъехал отдать мне свою лошадь. Я ему отказал. Вахмистр Леклерк соскочил на землю, освободил меня, хотел отдать мне свою лошадь и в тот же момент был окружён неприятелем; я обязан жизнью и свободой героической самоотверженности моего земляка». Огонь вела 2-я рота донской конной артиллерии. Дежурный штаб-офицер корпуса Платова полковник И.Я. Шперберг «находился безотлучно» при атамане, но, когда «неприятельские кавалерийские колонны упорно стояли на правом фланге, то по распоряжению его, четырьмя орудиями донской конной артиллерии отбиты, расстроены и в беспорядке Донскими полками опрокинуты». Урядники В. Богатырев и И. Андреев, «каждый из них своим орудием, поражая цельными и удачными выстрелами из картечи, наносили неприятелю великой вред».<sup>24</sup>

Между тем, бригада Бёрманна двигалась из Заозерья на юг. Помощник Бёрманна вюртембергский генерал К.Л. Бройнинг доносил: «8-го, когда 14-я бригада оставила Заозерье, где она размещалась для прикрытия лагеря французской кавалерийской дивизии Дефранса, и двинулась маршем

**Х.В. Фляйшман**





М.В. Борисов. **Вюртембергская артиллерия наполеоновских войн.**  
Слева-направо: канонир пешей артиллерии, 1807 г.; канонир гвардейской  
конной батареи, 1809-1813 гг.; штабс-капитан дворцовой конной батареи,  
1809 г.; барабанщик армейской пешей артиллерии, 1809-1813 гг.







**Р. Кнетель. Прусские уланы. Слева-направо: улан гвардейского эскадрона в парадной форме; офицер гвардейского эскадрона в парадной форме; уланы Бранденбургского полка в парадной и походной форме**

в Могильно, чтобы занять там пост, по приказу маршала герцога Эльхингенского, на нашем левом фланге послышалась оживлённая канонада. Шум, который быстро приближался, заставил нас предположить, не без оснований, что дивизия лёгкой кавалерии генерала Себастьяни, размещённая на дороге между Рудней и Инково, была сильно притеснена неприятелем. Бригада уже прибыла в Рудню, генерал Бёрманн решил тогда направиться на помощь этой дивизии». Аейтенант вюртембергского шволежерского полка № 1 В. Кёних, состоявший при Бёрманне ординарцем, вспоминал: «На марше утром 8-го мы вдруг услышали издали орудийные выстрелы. Генерал Бёрманн, который знал, что в двух часах впереди от Рудни у Инково располагался генерал Себастьяни со своей кавалерийской дивизией, к которой принадлежал наш егерский полк Герцог Луис № 3, и не имел никакой артиллерии, совершенно верно заключил отсюда, что он должно быть атакован русскими. Поэтому он тотчас отдал мне приказ отправиться насколько возможно быстро к полю боя и на пути туда, через интервалы выставить четырёх человек, чтобы сообщить ему, верно ли его предположение».

Лейтенант вюртембергской батареи этой бригады Х.В. Фляйшман вспоминал: «8 августа в 9

часов утра, когда, как обычно, большая часть личного состава с одним унтер-офицером выехала заготовливать зелёный корм, мы услышали на удалении 3-х часов довольно оживлённый орудийный огонь. Он действительно приближался, когда оттуда прискакал французский офицер с приказом о том, что батарея должна немедленно выступить и рысью двигаться вперёд; кавалерийская дивизия Себастьяни подверглась нападению превосходящего противника с многочисленной артиллерией и была отброшена. Тут был дорог хороший совет: более половины личного состава и лошадей отсутствовало, будучи высланы на 1-2 часа пути. Наконец собрали 3 орудия и 2 комплектных повозки. Капитан выступил с ними, а я должен был остаться, чтобы собирать остальных и, как можно скорее, нестись вслед... Я выслал людей, чтобы привести к себе фуражиров; спустя 1 час они, наконец, собрались и я двинулся рысью с 3 пушками».<sup>25</sup>

«Иностранная бригада», - пишет Роос, - «ослабленная большим количеством больных, не могла долго устоять против возобновившегося натиска русских, далеко превосходивших нас числом и силой. Новым нападением они заставили наш отряд отступить. Отступали сначала сомкнутыми рядами, но этот порядок продолжался недолго, потому что русские своими быстрыми натисками опрокинули нас и заставили обратиться в бегство». По словам Обри, «решились тогда снова перейти мост, находившийся недалеко у нас позади. Отступление совершалось с небольшим беспорядком». Историк прусского полка пишет: «Полк начал отступление в лучшем виде, с поочерёдно меняющимися эшелонами; оба силезских эскадрона под командой ротмистра фон Блаха составляли один, бранденбургские другой эшелон. Противник... не только обстрелял отходящий полк, но и напирал столь сильно, что эшелоны перед каждым своим отходом должны были отгонять его коротким ударом. Генерал Себастьяни сам встал во главе одной атаки, произведённой силезскими эскадронами», и позднее хвалил храброе поведение пруссаков. По словам Монбрёна, «дивизия Себастьяни, хотя и очень утомлённая, показала неприятелю в течение этого дня, что нельзя гнаться за храбрыми людьми безнаказанно. Генерал Себастьяни был сбит с лошади и передал мне управление, чем я не пренебрёг; мы понесли большие потери; но они были необходимы для чести оружия императора... Неприятель должен понести значительные потери, один полковник взят в плен, а другой убит. Мы часто брали пленных, но неприятель постоянно забирал их у нас назад». «Неприятель», - сообщил Платов, - «ретиrowался бегством к стороне местечка Рудни до находящейся по дороге к оному местечку довольно большого числа пехоты и пушек его пока шедший оттоль на защиту остатков своих неприятель начал палить из пушек, чем и кончилось сражение».

Тем временем лейтенант Кёних пытался отыскать отступающую дивизию. «Так как я не знал, где находится дивизия, - пишет он, - а орудийный





Д. Доу. Генерал К.Ф. Толь (1777-1842)

огонь не был безошибочным проводником там, где дороги разбегаются под острым углом – так что следовали в противоположном направлении – то я был в таком состоянии, что сомневался, какую из двух дорог мне следует избрать, когда я увидел облако пыли, приближающееся ко мне, причём по той из двух дорог, которую я не считал за правильную. Тут я поскакал напрямик через поле и наткнулся на офицера, спешившего с повозкой обратно от поля боя. Сообщив этому подъехавшему полковнику одного гусарского полка свой приказ, я спросил, как обстоят дела. «В данный момент Вы сами можете это видеть», и едва он это сказал, на нас двинулся один из полков, отброшенных русскими, и полковник направился вперёд, чтобы его встретить. Теперь я велел сообщить назад, что дивизия находится в полнейшей ретиреде и преследуется русским, которые более чем вдвое сильнее её...

Генерал Бёрманн решил, вероятно, из-за продолжавшегося и приближавшегося грома орудий, не дожидаться прибытия моего сообщения и рысью и галопом прискакал на поле боя. Он выстроил свои 3 полка в боевой порядок в одну линию, чтобы этим внушить противнику большие уважения, так как из-за покатой местности невозможно было увидеть, что позади нашей линии не стояло никаких войск. Мне он приказал немедленно привести сюда конную батарею под командой капитана фон Брайтхаупта, принадлежавшую к нашей бригаде, выстроиться на одном возвышенном пункте и открыть огонь по русским».<sup>26</sup>



Дивизионный генерал Белльяр (1769-1832)

Сам Бёрманн сообщил: «Я направился с моей бригадой и шестью пушками на помощь дивизии генерала Себастьяни, которая была очень сильно теснима неприятелем. Я присоединился к ней в два часа впереди Рудни и очень вовремя, так как она отступала уже на протяжении двух льё, преследуемая шестью пушками, около 6000-7000 человек кавалерии и многими батальонами пехоты; а местность становилась более выгодной для кавалерии; присутствие моих войск принесло большую пользу этой дивизии, которая без этого неизбежно была бы охвачена с флангов многочисленной кавалерией неприятеля, движение которого я стремительно остановил хладнокровием моих войск и с помощью моей роты лёгкой артиллерии, каковая, проявив храбрость, выскочила заглушить огонь неприятельской артиллерии, и вынудила его к отступлению. Тем самым было остановлено общее атакующее движение со стороны неприятеля, а мне дано время произвести возвратное движение в наилучшем порядке или, лучше сказать, как на поле парадных манёвров. Тем не менее, было проведено множество атак повзводно и позкадронно для поддержки стрелков, которых, время от времени, теснило множество неприятельских стрелков. На моей последней позиции в одном льё от входа в Рудню они полностью оставили меня и заняли позицию в двух льё от меня, прикрывая дорогу на Смоленск через Лешню». Батальон 24-го полка, который шёл с бригадой, Бёрманн «оставил в Рудне в распо-





**Казак.** Акварель начала XIX в.

*ряжении генерала Жангу, не считая местность подходящей для малого числа пехоты».*

Бисмарк со своим эскадром 2-го Лейб-швоберского полка находился во главе бригады и, следуя рысью, вырвался на 2000 шагов вперед.



**Вюртембергская кавалерия, 1810 г.**

Когда он хотел обогнуть край леса, ему навстречу явились в беспорядке и диком бегстве полки генерала Себастьяни. Бисмарк приказал эскадрону, двигавшемуся в открытой походной колонне, принять в сторону, чтобы не быть смятым, остановился и сформировал плотно сомкнутую толпу, которая образовала фронт со всех сторон. В этом своеобразном построении он стоял и ожидал приближавшихся донских казаков. Казаки изумились такому странному построению, но вскоре пришли в себя и окружили эскадрон. Тщетно пытались они пробить его своими пиками. Один храбрец бросился на Бисмарка, по пистолетный выстрел сразил его. «В этот момент вюртембергская конная батарея (стоявшая с бригадой позади на позиции) открыла действенный огонь, который отвлек внимание противника. Воспользовавшись этим, Бисмарк повернул со взводами, которые легко нашли свой строй, и галопом добрался безо всяких потерь до бригады, которая встретила его радостным Ура (Lebehoch)!».

Генерал Бройнинг так описал этот бой: «Продлав марш в одно льё по дороге на Инково, мы нашли дивизию Себастьяни в полном отступлении, сильно стеснённую огнём по меньшей мере шести орудий, а также роем из шести-семи тысяч гусар и казаков, за которыми следовала сильная колонна пехоты. Мы тотчас развернулись; благодаря нашему вмешательству, дивизия смогла отойти, мы прикрыли её отступление, хладнокровно остановив многочисленные атаки; после того, как наша батарея под командованием капитана Брайтхаупта открыла огонь, пыл неприятеля, который нас преследовал, начал убывать, мало-



помалу он стянулся, особенно когда две его пушки были подбиты огнём нашей батареи, а другие вынуждены были замолчать». Кёних вспоминал: «Первый выстрел, произведённый батареей, ударил в середину русской колонны, как мы ясно видели сквозь разъезжающийся личный состав, и с первым выстрелом русским, кажется, было приказано остановиться, так как вскоре наступил перерыв в их движениях. Наша артиллерия и показавшаяся на возвышенности в тылу дивизии Себастьяни линия наших трёх полков указали им, что подошло подкрепление».

С русской стороны огонь вели орудия 2-й конно-артиллерийской роты капитана П.И. Цвиленева, который, «командуя половиною роты..., сбил фланг неприятельской линии и во время преследования неприятеля держался с самыми передними казачьими полками, поражая одного». Оба вюртембергских шволежерских полка «только оборонялись и ничего более» не делали, они «выдерживали с величайшим спокойствием канонаду неприятеля, которая вначале была очень сильной».

Правда, по словам Бисмарка, 1-й шволежерский, 4-й конно-егерский (французский) полки и эскадрон Лейб-шволежер преследовали противника до леса, изрубив немало гусар и казаков. Тем самым эскадрон Бисмарка получил время перестроиться и вернуться к полку, вся потеря которого состояла в 2 убитых и 2 раненых лошадях. Кёних уверял, что «из каждого полка тотчас было послано в бой по одному эскадрону с тем, чтобы дивизия проскакала через нас и смогла позади нас выстроиться и привести себя в порядок. После того как мы таким образом приняли бой, и русские около 1 часа продолжали стоять, с нашим появлением сила их атаки ослабла, и они отступили, не преследуемые нами. Когда всё закончилось, из Рудни явилась в полной помаде (in aller Potade), то есть шагом, дивизия кирасир, которая ещё спокойно готовила еду, когда я проскакал через её лагерь, спеши на поле боя». Бройнинг похвалил Брайтхаупта, который проявил «хладнокровие и твёрдость в этом деле». «Русские были уже остановлены,- вспоминал Фляйшман,- когда я присоединился к трём первыми орудиями, только ещё велась слабая орудийная перестрелка с обеих сторон. Вскоре после этого противник медленно отступил, и когда мы его потеряли из виду, мы также начали производить свой отход. Вечером в 4 часа мы опять возвратились в Рудню». Согласно рапорту Брайтхаупта, его батарея, «находилась в огне с 11 часов утра до 3 часов пополудни; она выстрелила 77 гранат и 85 шести-фунтовых ядер».<sup>27</sup>

Платов пишет: «Генерал-майору графу Палену, по уведомлении его, дал я приказание мое остановиться и далее не подвергать войска опасности; дождавшись же ночи, отступил к деревне Лешне, оставя на том месте, где кончилось преследование неприятеля, извежательную заставу, что им и исполнено». По словам Чуйкевича, «неприятеля преследовали до дерев[ни] Залозья, в 5-ти верстах от Рудни». К. Толь донёс, что «генерал Пла-



**Егерь и офицер вюртембергских конных егерей.** Акварель н.х. начало XIX в.

тов остановился в дер[евне] Кастрице, а войско по Рудненской дороге - за Лешнею. Авангард графа Палена немного позади его». По словам Монбрёна, «русские остановились в одном льё впереди Лешно». Сам он отступил на правый берег Березины и расположил дивизию в полульё от Рудни, где находилась 2-я кирасирская дивизия и бригада пехоты генерала А.Т. Жангу. Бригада Бёрманна заняла позицию «напротив и справа от Рудни позади реки» у Микулино, где стояла 4-я кирасирская дивизия. Бригада Мурье стояла в Любавичах, имея один полк в Елисеевке.<sup>28</sup>

«Неприятель потерял,- пишет Платов,- большое количество, ежели не больше, то по крайней мере половину кавалерийского корпуса его, из пехотного же полка осталось не более ста человек и те спаслись кустарниками. В плен взят полковник полка конноегерского, подполковник гусарский, майор один, обер-офицеров семь, разных полков унтер-офицеров и рядовых еще не сочтено, но полагаательно, что будет более трех сот человек. Неприятель пардона не просил, войска Российские..., быв разъярены, кололи и били его». Чуйкевич сообщил, что «дело было прежаркое, продолжалось часов 7-мь. Семь казачьих полков и Донская конно-артиллерийская рота были все в деле и Изюмский гусарский полк». У противника же «почти весь 2-й резервный кавалерийский корпус был в деле. Командовал сам генерал Монбрюн, генералы: Себастиани, Берман и другие также находились. В дело введены были сначала 3 французских, 5-й, 9-й и 7-й гусарские, Виртембергский Легкоконный и уланские Прусский и Варшавский. Потом у Рудни подоспело еще 3 полка кавале-





Л. Киль. **Донские казаки.** Современный рисунок

рии, конных егерей и один кирасирской дивизии генерала Себастьяни, с 4-мя орудиями артиллерии. 24-й полк легкой пехоты один только был в деле. У неприятеля взято в плен 1 полковник, 1 подполковник, 1 майор и 8 обер-офицеров, рядовых разных полков до 300». Толь со своей стороны уточнил, что в деле были 4-й, 10-й и 12-й конноегерские полки, а потери неприятеля составляют 400-500 пленных.<sup>29</sup>

Неприятель тоже кое-что узнал о русских. Монбрён послал Бельяру «показание одного капитана, взятого нами в плен, которое может заинтересовать Его Величество». Текст этого допроса гласил: «Ст\*\*\*, капитан русского гусарского полка, говорит, что имелось двенадцать полков казаков и два полка гусаров Изюмский и Сумской и 24 орудия казачьей лёгкой артиллерии, всем командовали генералы Дорохов и Платов. Он говорит, что русские войска в числе 200000 человек, которые находились в Смоленске, получили приказ выступить 6-го [числа] этого месяца, чтобы идти атаковать нас сегодня и последовательно до Витебска и Варшавы. Сила неприятеля сегодня была, как он говорит, 10000 человек кавалерии». Бельяр же понял дело так, что показания дал пленённый в поединке русский «старший офицер» (казачий полковник) и переслал их Мюрату, прибавив, что «этот офицер будет послан к императору генералом Монбрёном». Нею он написал, что «пленный офицер сказал, что следует быть настороже, и что возможно этой ночью нас потревожат».<sup>30</sup>

Данные о потерях сторон в бою неполные. Таше считал, что его «дивизия силой в 2000 коней

потеряла 600». По словам историков, Себастьяни потерял 200-300 чел. (Р. Дюшои), около 500 чел. (Л. Пикар), а Дж. Нафзигер определил потери в 300 чел. убитых и раненых и 300 пленных. Потери батальона 24-го полка составили около 200 чел. убитыми, ранеными или взятыми в плен.<sup>31</sup>

Толь написал Барклаю, что «в сем деле казаки особо отличились и смею доложить, что во всякое время опрокидывали неприятеля».<sup>35</sup>

В 6 часов вечера Бельяр сообщал Мюрату из Рудни о случившемся: «Если этот день и не был удачным, Сир, он не был менее славным для войск императора. Две тысячи кавалеристов сражались с шести часов утра до двух часов пополудни против десяти-двенадцати тысяч человек, поддержанных восемнадцатью орудиями и двумя полками пехоты, как об этом говорят некоторые офицеры, но генерал Монбрён говорит, что не видел». Дивизия Себастьяни «сражалась с невероятной храбростью - выше всяких выражений; она проделала своё отступление в наилучшем порядке, встретив и отразив от сорока до пятидесяти атак; в течение получаса имела место рукопашная, и дивизия в течение пяти часов проделала отступление в четыре-пять льё... Генерал Монбрён и генерал Себастьяни, которые храбро руководили своими войсками, очень расхваливают все полки; они соперничали в горячности, рвении и храбрости. 9-й гусарский, 11-й и 12-й шассерские, также как прусские и польские уланы и вюртембергцы поистине покрыли себя славой». В посткриптуме Бельяр прибавил: «Имел место поединок перед двумя полками между полковником казаков



**Потери русских войск<sup>32</sup>**

полк	убитые	раненые
Атаманский	1 офицер, 7 казаков	7 офицеров, 29 казаков
Мельникова 3-го	полковник, 1 казак	1 офицер, 11 казаков
Денисова 7-го	1 офицер, 1 казак	13 казаков
Грекова 18-го	4 казака	1 офицер, 24 казака
Иловайского 5-го	3 казака	1 офицер, 11 казаков
Харитонов 7-го	1 казак	1 офицер, 5 казаков
Симферопольский татарский		5 казаков
Изюмский гусарский	1 офицер	1 офицер

**Потери неприятеля**

полк	убитые	раненые	пленные
11-й конно-егерский		3 офицера	
12-й конно-егерский	1 офицер	полковник	
5-й гусарский	2 офицера, 1 солдат	1 офицер, 1 солдат	шеф эскадрона
9-й гусарский		2 офицера	
Прусский уланский	1 офицер		1 офицер
3-й вюртембергский	6 солдат	1 офицер, 14 солдат	2 офицера, 11 солдат. <sup>33</sup>
24-й лёгкой пехоты	1 офицер, 1 солдат	1 офицер, 7 солдат	2 офицера
14-я бригада:			
4-й конно-егерский	1 офицер		
1-й вюртембергский	2 солдата	2 солдата	
2-й вюртембергский		2 солдата	
Всего		300 чел.	11 офицеров, 300 чел.

и командиром пруссаков. Полковник казаков был ранен и взят в плен; полковник был приведён и допрошен... Этот офицер будет послан императору генералом Монбрёном». Вернувшись в Матушево, Бельяр в 23 ½ часа сообщил эти же сведения Нею: Себастьяни имел всего 2000 чел., но его «дивизия покрыла себя славой; она потеряла многих, но, к счастью, она не потеряла самообладания... Один батальон III-го корпуса творил чудеса, он оказал наивеличайшие услуги и заслужил быть вознаграждённым». Явно по наущению Монбрёна, Бельяр прибавил: «Жаль, господин герцог, что бригада Бёрманна не смогла этим утром остаться на своей позиции и выступить по дороге в Инково. Её уход повредил всему нашему левому флангу, и генерал Монбрён был обеспокоен в течение некоторого времени».<sup>35</sup>

Действительно, Монбрён высказал Бельяру недовольство поведением командира 14-й бригады из корпуса Нея: «К сожалению, генерал Бёрманн получил приказы, которые отозвали его на смотр и воспрепятствовали ему исполнить то, что я передал ему через генерала Дефранса; несомненно, если бы он выступил этим утром на Инково, как я полагал, он тогда прикрыл бы мой левый фланг, побеспокоил бы неприятеля, отвлек бы значительную его часть и моё отступление не было бы столь тяжёлым». Вечером Бёрманн получил от Монбрёна приказ возвратиться на позицию у Заозерья, чтобы прикрыть дивизию Ж.М. Дефранса, но тот отказался, сославшись на усталость своих лошадей. «Хотя генерал Бёрманн не хочет повиноваться моим приказам,- написал Монбрён Бе-

льяру,- я их ему повторил письменно, чтобы он возвратился на свою позицию, которая будет этим вечером защищаться только дивизией Дефранса». Бёрманн же в рапорте Нею из Рудни в 20 ½ часов возражал против этих упреков: «Я должен сказать, Ваше Сиятельство, что, несмотря на то, что генерал Монбрён настаивает, что я не оказал больших услуг, я полагаю, тем не менее, что весьма поспособствовал тому, что батальон 24-го [полка] из дивизии Себастьяни не претерпел той же участи, что рота вольтижеров из этого батальона, которая ещё до моего прибытия была захвачена двумя или тремя тысячами казаков... Мои лошади очень измучены, я занял на эту ночь позицию напротив и справа от Рудни позади реки. Я ограничился посылкой лишь одного эскадрона в Могильно, куда я отправлюсь завтра, согласно контр-приказу Вашего Сиятельства».

В этом бою особенно отличились прусский и вюртембергский полки. «Наша иностранная бригада вела себя в тот день великолепно», признавал Обри. Генерал Ж. Сюберви выдал специальное «свидетельство» командиру вюртембержцев, где, в частности подчеркнул: «Ваш полк сегодня покрыл себя славой. Его поведение доставило ему похвалы за заслуги». Генерал просил «передать комплимент всем вашим офицерам, которые проявили величайшее спокойствие и общее мужество»; он обещал сделать всё возможное, чтобы обменять полковника Валдбурга. Историк прусского полка пишет, что отныне «генералы Сюберви, Себастьяни и Монбрён оказывали командиру всяческое внимание и рассыпались в похвалах за





**Офицер Изюмского гусарского полка**  
Акварель н.х. начало XIX в.

успехи его полка». Некоторые рассматривали это дело не как поражение, а как тяжёлое, но героически проведённое отступление. Лейтенант вюртембергского полка Х.А. Фосслер записал в дневнике: «Такой отход, какой мы вынесли в этом случае можно рассматривать почти как победу. Несмотря на своё огромное превосходство, неприятель не имел никакого времени, чтобы разорвать наши ряды».

Но иные рассматривали это дело как поражение. По мнению генерала К. Пажоля, дивизия «потерпела тяжёлую неудачу. Генерал Себастьяни был захвачен врасплох казаками Платова. Эта неудача не имела последствий сначала потому, что Монбрён поспешил со всем своим армейским корпусом, затем потому, что Платов получил сообщение, что русская армия не продолжит его атаку». 9 августа к Богарнэ возвратился от Мюрата его адъютант шеф эскадрона Ш.А. Лабедуайер. Он подтвердил новость о нападении русских на дивизию Себастьяни, о потерях кавалерии и храб-



**Гусар Сумского полка**  
Акварель н.х. начало XIX в.

рой вольтижёрской роты 24-го полка. Все офицеры «прибавляют также, что без храбрости и неустрашимости прусских улан наши потери были бы гораздо более значительными. В этом случае они порицали генерала Себастьяни; но наибольшее их число перекладывали вину на генерала Монбрёна, который, хотя и был проинформирован о превосходящих силах неприятеля..., не прислушался ни к одному рапорту». Аейтенант Кёних вспоминал: «Вечером я сопровождал генерала Бёрманна, который посетил генерала Себастьяни, и был свидетелем, как последний неоднократно самым любезнейшим образом благодарил его за оказанную помощь, без которой он, при большом превосходстве русских, наверняка был бы уничтожен. Он язвительно жаловался на то, что его выдвинули так далеко вперёд без поддержки в своём тылу». Кёних был согласен с этими претензиями к высшему командованию.<sup>37</sup>

Захваченные русскими пленные дали ложные показания о том, что Наполеон находится в По-





Гравюра И.П. Жазе по рисунку А.И. Зауервейда. **Казачи.** 1810-е гг.

речье. Шеф эскадрона Сен-Перн сказал Толю, «что в Рудне корпус генерала Монбрена в 15000 кавалерии, что Наполеон с гвардией выступил из Витебска и вероятно вскоре соединит всю свою армию». Чуйкевич предположил, что Наполеон находится в Поречье. Всё это ещё более убедило Барклая в правильности предпринятых им действий о переводе 1-й армии на Поречскую дорогу. Правда, полковник Валдбург «сообщил, что о приближении нашем они не имели известия и на то особенных распоряжений не сделано, равномерно в других корпусах никаких движений не происходит». Следовательно, заключил А.П. Ермолов, «еще обстоятельства благоприятствовали нам, если бы главнокомандующий тверд был в намерении. Поражение при Аешне, конечно, пробудило неприятеля, но близки были новые ему удары и кратко время для избежания их. Главнокомандующий не только отклонился от исполнения условленного плана, но и переменял его совершенно».<sup>38</sup> Но Барклай из показаний пленных воспринял лишь то, что подтверждало его уже принятое решение.

«Наше несчастье,- вспоминал Роос,- совершенно лишило генерала Себастьяни той незначительной любви, которую некоторые из нас к нему питали». По словам Био, Себастьяни, павший духом от этого поражения и имевший дурные отношения с Монбрёном, просил освободить его от командования. Оба генерала обвиняли друг друга в этой неудаче. Себастьяни несколько раз сообщал о концентрации русских войск перед фронтом своей дивизии, но Монбрён не

посчитался с этими донесениями. Приказом от 9 августа командование дивизией было передано генералу Пажолю, который был одновременно произведён в дивизионные генералы. Пажоль получил известие об этом в Дубровне 10 августа, а в Рудню прибыл 11-го. Правда, Таше записал в дневнике, что из-за неприятностей с Монбрёном Себастьяни уехал из Рудни 12 августа, а Пажоль прибыл туда 13-го.

Анализируя этот бой, Ж. Фабри отметил следующие странные моменты. Употребление, которое Бёрманн дал своему батальону, отослав его в Рудню, является странным из-за приведённых им резонансов; он обнаруживает редкое незнание употребления пехоты, ибо этот род войск пригоден для любой местности, потому что единственный в состоянии сражаться сам по себе. Вопреки заявлениям французов, русская пехота в этом бою не участвовала. Непонятно, на чём основывал Монбрён своё заключение, будто атаки Платова имели целью замаскировать некое отступательное движение русских. «Французская кавалерия,- считал Фабри,- потеряла всякий контакт с русской армией, которая смогла оставить Смоленск так, что император об этом не догадывался. Маловероятно, чтобы русские пришли атаковать французские аванпосты со столь большими силами в момент своего отступления... К тому же сведения, добытые у пленного офицера, сводили к нулю такое объяснение ситуации. Одним словом, кавалерия Себастьяни была застигнута врасплох, она едва не была охвачена с флангов, и своим спасе-





**Генерал Донского войска, 1809-1812 гг.**  
из "Историческое описание одежды и  
вооружения..."

нием была обязана самоотверженности пехоты, которая, как всегда, жертвует собой для неё». «По словам Монбрёна, он хотел снова занять позицию у Лешно, но оставление Заозерья бригадой Бёрманна заставило его перейти через р. М. Березина. Здесь имел место явный конфликт между двумя генералами». На ком лежит вина? Должен ли был Монбрён подчиняться приказам маршала Нея, а Бёрманн - приказам Монбрёна?

Нам не следует оценивать поведения Наполеона, но достоверно и бесспорно одно: в течение 8 дней все генералы пытались выяснить, кому им подчиняться, но никакого приказа не было дано; не было создано единого командования для кавалерии, выдвинутой далеко вперёд. У французов не было сведений о том, что делает 120000 русская армия. Неясно, почему пехота, размещавшаяся в Рудне, не выступила на помощь отступавшей кавалерии? Она безусловно имела для этого время. Почему Ней не возвратился в Рудню, как это сделал Бельяр? В целом, невозможно найти такого боя, где руководство было бы более плохим. И так будет всегда, пока командование будет пред-



**Офицер и урядник Донского войска, 1809-1812 гг.**  
из "Историческое описание одежды и вооружения..."

почитать хорошие кантонир-квартиры вместо размещения в первой линии, чтобы оставаться в контакте с аванпостами.<sup>39</sup> При этом Фабри повторил едкие замечания пруссаков о недостатках в организации службы охранения во французской армии, что, впрочем, признавал и генерал А. Колленкур. «Наши солдаты дрались вообще хорошо, - писал он, - но охраняли себя очень плохо. Нет другой армии, где разведочная и патрульная служба находились бы в большем небрежении. Наступает ночь, размещают кое-где несколько караульных постов, чтобы иметь время вскочить на коней, если подойдет неприятель, но о том, чтобы прикрывать части, находящиеся позади или рядом, не думает никто».<sup>40</sup> Отрицательно сказались и противоречия между французскими начальниками на поле боя. «Наши генералы Монбрён и Себастьяни, - пишет Обри, - проявляли нерешительность в том, что они делали. Между ними имела небольшая зависть, как низшего командира к высшему». Таше даже считал, что «разногласие генералов было единственной причиной нашего разгрома».<sup>41</sup>

#### Примечания

<sup>1</sup> Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812. Ч. I // Труды МО ИРВИО. Т. IV. Ч. 1. М., 1913; Вяликов В.И. Документы ЦГВИА о первой Смоленской операции

русских войск в 1812 г. // Труды московского государственного историко-архивного института. Т. V. М., 1954. С. 130-133. Признавая заслуги Поликарпова как публикатора документов, следует за-



метить, что он позволял себе слегка, “по мелочам” поправлять источники.

<sup>2</sup> Fabry G. Campagne de Russie. Т. III. Paris. 1902; Goltz G.F. Geschichte des königlich preussischen dritten Ulanen-Regiments... Fürstenwalde. 1841; Guretzky-Cornitz Н. Geschichte des 1. Brandenburgischen Ulanen-Regiments... Berlin. 1866 (использованы дневник лейтенанта М. фон Гродзки и записки лейтенантов А.А. фон Вильдовски, В. фон Лупински 2-го, фон Штюльпнагеля); Lubry J.T. Souvenirs du 12-e chasseurs. Paris. 1889; Fleischmann Ch.W. Denkwürdigkeiten eines württembergischen Offiziers aus dem Feldzuge im Jahre 1812. Berlin. 1892; König W. Aufzeichnungen // Hildebrand В. 1812. Drei Schwaben unter Napoleon. Russlandberichte eines Infanteristen, eines Leutnants, eines Generals. Aalen, 1967; Dupuy R. Historique du 12-e régiment de chasseurs de 1788 à 1891. Paris, 1891 (использованы записки капитана Т.Ж. Обри и су-лейтенанта Г. Дюка); Baye J. Smolensk... Paris. 1912. P. 180-81; Поос Г. С Наполеоном в Россию. СПб., 1912.

<sup>3</sup> 9 января 1812 г. командиром этой дивизии был назначен генерал П. Ватье, граф де Сент-Альфонс. 26 июня ему было приказано произвести разведку от Ст. Кейтовишек к Нов. Трокам. Ватье выслал для этой цели 7 отборных рот во главе с полковником Дезира. Они были разбиты русским арьергардом, потеряв 15 чел. убитыми и 5 пленными. Рассерженный Наполеон приказал Мюрату переменить командиров дивизий. 29 июня Мюрат донёс императору: “Сир, я провёл смотр в дивизии Ва-тье, которую я нашёл силой в 4000 лошадей. Это не значит, что она также хороша, как дивизия генерала Брюйёра; люди и лошади совсем не в лучшем состоянии; однако 11-й и 12-й шассерские и 9-й кирасирский [полки] показали мне достаточно хорошими; в целом лошади кажутся утомлёнными. Эта дивизия не получила ещё своей артиллерии, она имеет большое число вакантных офицерских мест, которых следует немедленно назначить. Эта дивизия оставила позади 300 лошадей после переправы через Неман; но те, кто её составляют, показались мне воодушевлёнными наилучшим духом”. На место Ватье Мюрат назначил Себастьяни, 2-я кирасирская дивизия которого была передана Ватье (Aubry. 151-54; Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires. Paris, 1901. P. 19-20; Fabry G. Campagne de Russie. Т. I. Paris, 1900. P. 37, 45-47, 49, 60-62; Guretzky-Cornitz. 43; Поликарпов. 58-59).

На 3 августа при дивизии числилась 6-я рота 4-го полка конной артиллерии, но она не показана ни на одной переключке (Fabry. II. 313, 365; III. 105, 359) и не упоминается в мемуарах. По словам Кёниха, «так как дивизия состояла из шести полков, то при тогдашнем их уже очень ослабленном состоянии, она имела самое большее 3000 человек, без артиллерии» (König. 128).

<sup>4</sup> Fabry. II. 370; III. 9-10, 193-94. В середине июля капитан Ю.Х. Залуский приехал в лагерь Себастьяни у Друи. «Я нашёл этого последнего,- вспоминал он,- раздетым до сорочки и отдыхающим на походной кровати посреди комнаты постоялого двора, драпированной зелёной тканью, и натирающим берцовые кости! Поражённый до изумления этим зрелищем, я начал всерьёз опасаться за его авангард и за него лично» (Zaluski J. Les chevau-légers polonais de la garde dans la campagne

de 1812 // Carnet de la Sabretache. 1897. P. 489). Залуский ошибочно принял увиденную им картину за проявление сибаритства генерала и его излишней беспечности, хотя причина, как мы понимаем, была в другом.

<sup>5</sup> Таковым в дивизии являлся младший инспектор смотров Барбро (Barberot).

<sup>6</sup> Guretzky-Cornitz. 60-62; Поос. 25-27; ВУА. XIV. 251, 252; Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 86.

<sup>7</sup> Поликарпов. 224.

<sup>8</sup> Aubry. 160; Baye. 180; Fabry. III. 271; Vossler H.A. With Napoleon in Russia 1812. London, 1969. P. 54; Historique du 24ème régiment d'infanterie légère // Vieillot R. Souvenirs... Luneray. 1996. P. 345. По словам пруссаков, Себастьяни из-за этого отвёл дивизию из Инково к деревне Zalesie Cierkiewna (?), примерно на полпути между Инково и Рудней (Guretzky-Cornitz. 62-63).

<sup>9</sup> Fabry. III. 358-60, 363-64. 410, 413. Picard. II. 98; Капитан Ю. Био пишет, что у Сен-Перна “военная репутация была весьма сомнительной. Его полковник даже пошёл на то, что в присутствии генерала Монбрёна [обещал] выдать патент за малодушие этому шефу эскадрона, когда он его пожелает; он заслужил его за то, что несколько раз оставлял свои войска при атаках, сам не следуя с ними” (Biot. 45; Исторический вестник. 1900. № 5. С. 660).

<sup>10</sup> Fabry. III. 361-62; König. 128.

<sup>11</sup> Fabry. III. 410-11, 414-15, 417, 418; ВУА. XIV. 266; Поликарпов. 224-25; Богданович. I. 212.

<sup>12</sup> Guretzky-Cornitz. 63; Fabry. III. 415; Tascher M. Journal de campagne d'un cousin de l'impératrice. Paris. 1938. P. 304; ВУА. XIV. 267; Поликарпов. 225.

<sup>13</sup> Guretzky-Cornitz. 63; ВУА. XIV. 267, 252-53; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4 об., 5, 5 об., 7; Поликарпов. 225, 227, 228.

<sup>14</sup> Guretzky-Cornitz. 63; Aubry. 160; Baye. 180; Tascher. 304; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4-4 об., 5, 7; Поликарпов. 225-28.

<sup>15</sup> Fabry. III. 415-17; Langlois. 6; Historique du 24ème régiment. 347; Aubry. 161; Baye. 181; Guretzky-Cornitz. 67.

<sup>16</sup> Biot. 21; Guretzky-Cornitz. 63-64; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4 об., 5 об.; Поликарпов. 228. К. Клаузевиц сообщил, что “Барнеков, действуя с казаками, отличился своим мужеством и получил орден. У него не опасная рана: прострелена нога” (Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 211-14, 223).

<sup>17</sup> Fabry. III. 416, 417, 418; Aubry. 161; Baye. 180; Pfister A. Aus dem Lager des Rheinbundes. Stuttgart-Leipzig. 1897. S. 73.

<sup>18</sup> Поликарпов. 226, 227-28; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 4.

<sup>19</sup> Fabry. III. 418-19; IV. 522; Поос. 30; Roos. 51; Martens. 89; König. 129; Guretzky-Cornitz. 67; Miller M. Darstellung des Feldzuges der französischen verbundenen Armee gegen die Russland im Jahr 1812... Th. I. Stuttgart-Tübingen. 1822. S. 42-43; Vossler. 54-55; Felder R.M. Der schwarze Jäger. Th. II. Stuttgart. 1839. S. 212-13; Gerhardt O. Die Württemberger in Russland 1812. Stuttgart. 1937. S. 45; Поос. 29-30.

<sup>20</sup> Guretzky-Cornitz. 64-65; Поликарпов. 226-27.

<sup>21</sup> Био уточняет, что «русский полковник поносил



майора, который командовал прусскими уланами, сказав ему, что он не является настоящим человеком чести, если носит, как и он, орден святого Владимира, а сражается против русских; он кончил даже вызовом» (Biot. 21).

<sup>22</sup> Guretzky-Cornitz. 65-66. После сражения Вердер поручил лейтенанту фон Штюльпнагею узнать о судьбе пленного офицера, которого увезли в Рудню. Оказалось, что удар по голове ничего серьезно не повредил, но только оглушил противника, отчего тот и упал с лошади.

<sup>23</sup> РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 6 об., 7-7 об.; Поликарпов. 228-29; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 37. Вильна, 1912. С. 12; РС. 1902. № 1. С. 112.

<sup>24</sup> Aubry. 160-61; Baye. 180-181; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 5 об., 6 об.-7; Поликарпов. 228. "Офицеры полка и всей дивизии, даже сами генералы восхищались этим поступком. Ему обещали крест", - писал Таше. Тревожась о его судьбе, он на другой день отправил ему через парламентаря 25 луидоров, но ничего о нём больше не слышал (Tascher. 304-305; Britten Austin P. 1812. The march on Moscow. London. 1993. P. 168, 373).

<sup>25</sup> Fabry. III. 421; König. 128; Fleischmann. 18; Felder. 141. Вюртембергская батарея имела на вооружении 4 шестифунтовые пушки и 2 семифунтовых гаубицы (Felder. 117).

<sup>26</sup> Роос. 29; Guretzky-Cornitz. 66; Fabry. III. 415-16; Aubry. 161; Baye. 181; König. 129; Поликарпов. 227.

<sup>27</sup> Fabry. III. 419-22; Starklof R. Geschichte des königlich Württembergischen vierten Reiterregiments Königin Olga. Stuttgart, 1867. S. 59-60; Fleischmann. 18-19; Miller. I. 43; König. 129-30; Tagebücher aus zehn Feldzügen. Т. 1. S. 222-23; Felder. II. 141; Pfister. 73; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 0. Д. 1. Л. 6 об.-7; Поликарпов. 229.

<sup>28</sup> Поликарпов. 227; ВУА. XIV. 253-52; Fabry. III. 416, 420, 425; Aubry. 161; Baye. 181. Советские сочинители, не ведавшие иностранных источников, выдумали, будто у неприятеля было изначально 9 кавалерийских и 1 пехотный полк, а затем "неожиданно французы получили подкрепление: целых пять кавалерийских и один пехотный полки" (Лстапенко М., Левченко В. Атаман Платов. М., 1988. С. 98).

<sup>29</sup> Поликарпов. 227; ВУА. XIV. 253, 252, 230. Упомянутый гусарский подполковник - это шеф эскадрона Сен-Перн. Био рассказывает, что "в деле у Инкова он решился всё же с добрым сердцем пойти против злой судьбы и атаковал со своим последним эскадром; но, оказавшись впервые перед лицом неприятеля, он выпустил из рук лошадь и сдался". В полку никто его не уважал; он был доставлен в Москву. Ростопчин писал Балашеву 6/18 августа: "Пленный подполковник St. Perle отдал долг природе, сказав приставленному к нему полицейскому офицеру, что Наполеон 14-го августа даст баталию, потому что сей день ему счастлив". Био встретил его позднее в Москве в Голицынской больнице, одетым в штатское платье; "представившись Наполеону, он выпросил перевод в пехотный полк, находившийся в Испании, куда и направился. Но по дороге в Можайск он попал в руки казакам и с тех пор пропал без вести" (Biot. 45-46; Исторический вестник. 1900.

№ 5. С. 660; Britten Austin. 381. note 23; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 82-83).

<sup>30</sup> Fabry. III. 416-17, 412, 413. Таше упоминает капитана Сташельского (Staschelski), на самом деле это был ротмистр Сташевский, который "был взят в плен и оставлен при ретираде неприятеля в местечке Селец". Приказом от 29 декабря Кутузов уволил его со службы "для излечения ран в Санкт-Петербург" (Tascher. 305; Акты Виленской комиссии. Т. 37. С. 12).

<sup>31</sup> Tascher. 304; Fabry. III. 489, 499; Historique du 24ème régiment. 347; Historique du 5-e hussards. 95; Dupuy R. 180; Picard. II. 98; Nafziger G.F. Napoleon's Invasion of Russia. London. 1988. P. 181.

<sup>32</sup> Поликарпов. 229-30.

<sup>33</sup> Полковник Гиньи получил удар пикой в бедро, лейтенант Руво убит ударом пика в сердце, убиты вахмистр Аеклерк и 15 егерей (Dupuy R. 180).

<sup>34</sup> Таше записал, что 13 августа «де ля Вестен (de la Veistine) отправил к полковнику графу фон Валдбургу 25 луидоров, которые я послал Аеклерку". Имеется в виду адъютант Себастьяни де Аавозстен (Lawoëstine). Ермолов пишет, что "великий князь Константин принял храброго полковника с особенным вниманием и сделал ему вспомоществование. Узнавши после, что с ним говорил родной брат императора, он удивлен был чрезвычайно деликатностью". Взятый в плен лейтенант Э. Рюпель встретил полковника Waldburg-Zeil-Wurzach с его адъютантом фон Бацем в Москве. В 1813 г. "полковник граф Эбргарт Трухсес Валдбург вюртембержец, 3 конного полка", его адъютант капитан К.Л.Ф. Бац и лакей Илани находились в Оренбургской губернии. Там же находились прусский лейтенант К. Жулиус и 24-го лёгкого полка капитан М. Ниош и лейтенант Ж.Б.А.Л. Вьель (Tascher. 305; Rüppell E. Kriegsgefangenscgaft im Herzen Russlands. Berlin. 1912. S. 114-15; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 234-236 об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3673. А. 465, 500-501 об., 503 об.-505 об., 507 об., 664 об.; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 157; РА. 1896. № 9. С. 25-26).

<sup>35</sup> ВУА. XIV. 252

<sup>36</sup> Fabry. III. 411-13. Таше считал, что у русских было несколько батальонов, 10 тыс. казаков и 24 орудия (Tascher. 304).

<sup>37</sup> Fabry. III. 416, 420; Aubry. 162; Baye. 181; Fabry. III. 418; König. 130; Guretzky-Cornitz. 68; Vossler H.A. With Napoleon in Russia... London. 1969; Pajol. III. 38; Britten Austin. 168-169; Labaume E. La campagne de Russie. Paris. 2001. P. 74.

<sup>38</sup> ВУА. XIV. 252-53; Вороновский. 87-88; Записки Ермолова. 157; РС. 1900. № 12. С. 566. В этой связи В.М. Безотосный справедливо опровергает бытующее в отечественной литературе мнение, будто бы по неосторожности флигель-адъютанта К.К. Любомирского французы были предупреждены о движении русских войск на Рудню, и что якобы Мюрат предупредил об этом Себастьяни (Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 г. М., 2005. С. 118).

<sup>39</sup> Роос. 30; Pajol. III. 38; Biot. 20-21; Tascher. 305; Fabry. III. 423-24.

<sup>40</sup> Guretzky-Cornitz. 60-62; Коленкур Л. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 198.

<sup>41</sup> Aubry. 161; Baye. 180-81; Tascher. 304.



М. Борисов. **Нижний чин тептярских полков, 1812-1815 гг.**

Показан идеальный вариант, т.к. в действительности части предметов униформы и снаряжения не хватало или они заменялись произвольными образцами. Реконструкция выполнена на основе материалов, собранных С.Е. Калининым





# «Львиное отступление» Неверовского

*“Newerowski fit une retraite de lion”  
Ph. Segur.*

**«День 2 августа принадлежит Неверовскому. Он внёс его в историю..., окруженный, отрезанный, совершил своё львиное отступление, самими неприятелями так названное»  
П.Х. Граббе**

Героическая ретирада отряда Д.П. Неверовского от Красного к Смоленску является одним из самых славных и знаменитых подвигов русских воинов в 1812 г. О ней упоминается с разной степенью подробности во всех общих трудах по истории той героической эпохи, но по странному стечению обстоятельств, это славное событие так и не удостоилось специального исследования.

**Генерал-майор Д.П. Неверовский (1771-1813)**  
Н.х. 1800-е гг.



Правда, довольно много внимания уделил этому бою Н.П. Поликарпов. Однако, это не связное аналитическое изложение событий, а лишь солидная подборка русских источников; к тому же некоторые верные критические замечания историка так и остались не замеченными последующими сочинителями. Поликарпов справедливо заметил, что необходимым дополнением к реляции Неверовского, «*выясняющим достаточно подробно детали хода сражения*», являются выписки из наградного списка отличившихся офицеров. «*В виду важного для нас во всех решительно отношениях значения сражения... и в виду неимения у нас точного и правдивого описания этого же сражения, эти выписки приводятся [автором] наиболее подробно... Эти выписки рисуют правдиво почти все мелкие детали хода этого сражения*». Но, несмотря на публикацию Поликарповым этих источников, такого правдивого и точного описания отечественная историография не сделала до сих пор, ограничиваясь писаниями по набившему оскомину шаблону.<sup>1</sup>

Отечественные авторы довольствовались весьма ограниченным и однообразным набором документов. Из иностранных источников тиражировался лишь стандартный набор небольших цитат из работ участников русского похода, в бою не участвовавших (Ф. Сегюр, А. Фэн, Ж. Шамбрэ). Посему все описания боя страдали трафаретностью и «одноцветностью», и не случайно в 1912 г. А. Алексеев написал, что «*о геройском подвиге отряда Неверовского... было столько уже говорено и писано, что повторять всем известное нет смысла*».<sup>2</sup> Довольно подробно «красненское дело» изложено на базе русских источников в солидной книге В.М. Вороновского и в очерке В. Тикыча, но популярный и квазипатриотический характер сборника, в котором последний опубликован, позволил автору допускать «художественные» преувеличения и вольности.<sup>3</sup> За долгое время «предпечатной» подготовки данного издания появились статьи, уточняющие состав и назначение отряда





**Генерал-майор Е.И. Оленин (1774-1827)**

Неверовского, а также весьма объективное описание данного боя, исполненное А.А. Васильевым, которое, правда, будучи включено в общий обзор наполеоновских войн, не могло быть достаточно подробным и детальным.<sup>4</sup>

Между тем, данное событие нашло отражение во множестве источников как с российской,<sup>5</sup> так и с неприятельской стороны. А.И. Михайловский-Данилевский писал, будто «письменного донесения о сём сражении не было представлено Неверовским. Тогда было время действий - не письма». Поэтому он изложил «подробности боя в том виде, как они были тогда же пересказаны Неверовским Паскевичу, и в последствии переданы мне... с прибавлением нескольких подробностей, слышанных мною от очевидцев». На самом деле Неверовский написал донесение о бое, которое опубликовал Поликарпов. И.Ф. Паскевич слушал рассказ Неверовского утром 15 августа, буквально по горячим следам. Данилевский почти слово в слово воспроизвёл рассказы Паскевича и Д.В. Душенкевича, прапорщика 27-й дивизии, опустив, тем не менее, некоторые важные подробности.<sup>6</sup> Многие из участников боя оставили его описания, различные по степени подробности и объективности.<sup>7</sup> Самое сомнительное из них принадлежит перу поручика Ф. Гаевского,<sup>8</sup> а наиболее подробное его описание и глубокий анализ дал майор Ф.В. фон Бисмарк.<sup>9</sup> В начале 20 в. Ж. Фабри опубликовал большое количество документов (рапорты, донесения, отрывки из мемуаров) об этом бое,<sup>10</sup> но советские писатели об этом даже не подозревали. Всё это



**Генерал-майор И.Ф. Паскевич (1782-1856)**  
Литография Мейера с оригинала Д. Доу. 1820-е гг.

подталкивает нас к созданию более крупного «батального полотна», в котором мы попытались описать знаменитое событие до мельчайших деталей на основе привлечения максимально возможного количества источников. Только на этом основании возможно будет сделать взвешенные и объективные выводы о характере и значении данного события.

\* \* \*

Для того, чтобы лучше понять обстоятельства боя при Красном, нужно выяснить, когда и зачем в данном месте появились российские войска. В то время, когда приближалось соединение 1-й и 2-й Западных армий, с середины июля на правом берегу Днепра в м. Ляды и г. Красном расположился авангард Смоленского обсервационного (резервного) корпуса генерал-майора Ф. Винцингероде<sup>11</sup> под командой генерал-майора Е.И. Оленина, наблюдавший дорогу на Оршу и состоявший из нескольких батальонов и половины конной батареи; к нему присоединилась Красненская уездная инвалидная команда.<sup>12</sup> Оленин не имел кавалерии и потому был усилен 80 драгунами и конным отрядом смоленских дворян братьев Лесли. Братья Григорий, Пётр и Егор Дмитриевичи Лесли сформировали конный отряд из 60 своих крестьян и дворовых людей, вооружённых пиками, саблями, пистолетами, и 11 июля явились в Смоленск к









**Генерал М.Б. Барклай де Толли (1761-1818)**

Гравюра Ф. Вендрамини, 1813 г.

Винцингероде. Тот отправил их «к генералу Оленину, в отряде которого не было конницы, необходимой для действий против появившихся там партий французов... Прибыв к месту назначения, братья Лесли с своими молодцами несли аванпостную службу, делали разъезды, исполняя разные поручения». 16/28 июля Винцингероде сообщил, что при его авангарде находятся «50 человек, вооруженных пиками». Этот отряд делал разъезды около Катыни, Надвы, Рудни, Орши, Велина.

15/27 июля квартира Оленина находилась в д. Козьяны, откуда на три версты были выдвинуты посты, которые вели перестрелку с неприятелем у Дубровно, куда в тот же день прибыл казачий корпус М.И. Платова. 16/28 июля М.Б. Барклай де Толли рекомендовал Винцингероде «авангард вверенного вам корпуса, стоящий в Козьянах, усилить пехотою и приказать ему служить подкреплением ген[ералу] Платову», а также посылать как можно дальше разъезды по Могилевской дороге.<sup>13</sup>

17/29 июля Винцингероде сообщил П.И. Багратиону: «Мой авангард занимает Красный и Ляды..., отряды моего авангарда вчера взяли пленными в Дубровне». По просьбе Винцингероде, Платов 18/30 июля направил Оленину донской казачий полк подполковника М.Г. Власова 3-го. В тот день Оленин, узнав, что в Орше французы наводят мосты, с отрядом отступил в Красный, оставив «для извещения о неприятеле... в м. Лядах 60 человек драгун с одним офицером и команду ратников». В тот же день французская разведка донесла маршалу А.Н. Даву, что «генерал Оленин,



**Генерал-майор Ф. Винцингероде (1770-1818)**

командующий двумя полками пехоты, одним полком драгун, одним полком казаков и 12 пушками, отправился из Смоленска и прибыл в почтовый дом Россасна. Они хотели идти до Дубровны, но вчера повернули обратно и сегодня находятся в Красном».

19 июля Власов 3-й прибыл из д. Елисеевичи в Ляды, «где по приказанию сам остановился с полком на дороге к м. Дубровне за шесть верст от м. Ляды, у селения Гагоки [Гураки?], а есаула Зимовнова отправил с сотнею казаков открыть селение Казьяны». Зимовнов направился к Дубровне и послал для осмотра деревни урядника Чикунова с несколькими казаками. Доехав до середины селения, тот обнаружил французских пехотинцев, «на которых потом сделал удар, но вокруг с обеих сторон улицы неприятель сделал залпом из нескольких ружей выстрел из домов». Одновременно противник «начал переправляться из-за Днепра в довольном числе конницы по мосту», что вынудило казаков удалиться. Партия урядника Синякина, посланная направо к Днепру, дошла до Россасны, выбила оттуда отряд пехоты из 50 чел., взяла в плен 3 чел. и возвратилась в Козьяны. Партия хорунжего Ежова высала к д. Хомино разъезд, который захватил двух улан.<sup>14</sup>

20 июля/1 августа Оленин сообщил Винцингероде: «Узнав, что неприятель с большим числом войск вступил в м. Дубровну..., во избежание быть атакованным, в чем местоположение неприятеля способствует, отступил к городу Красному. Казачий полк подполковника Власова





**унтер-офицер егерских полков, 1812-1816 гг.**  
Рисунок Сокальского. ВИМАИВиВС



**Офицер и урядник Донского  
войска, 1812-1814 гг.** Рисунок  
К.К. Пиратского. ВИМАИВиВС



**Обер-офицер и унтер-офицер гренадерских  
полков, 1812-1816 гг.** Рисунок П.К. Губарева

оставлен мною в местечке Лядах для наблюдения движений неприятельских и охранения местечка». Тогда же Барклай известил Багратиона и Платова, что «неприятель форпосты авангарда корпуса [генерал]-м[айора] Вицингероде вытеснил из Дубровна, почему командующий сим авангардом г.-м. Оленин вынужденным нашелся отступить к Красному, имея форпосты свои в Лядах, а дабы узнать силы неприятельские в Дубровне и к какому принадлежат корпусу, я приказал г.-м. Оленину немедленно атаковать форпосты неприятельские и стараться захватить несколько в плен».

21 июля/2 августа Барклай известил Платова, что, поскольку Багратион отправил из своей армии два казачьих полка для занятия Красного, то полк Власова 3-го возвращается под его команду. В тот же день генерал К. Пажоль сообщил, что 1-го числа Оленин с 6 полками пехоты, 2 эскадронами казаков и артиллерией прибыл в Ляды, где уже находились войска, бывшие прежде у Россасны, и что казаки находятся в Хомино и в соседних деревнях. Генерал Э. Бордесуль донёс из Холбни (Kolbnia), что Оленин уже ретировался из Козьян к р. Свиная впереди Красного.

Утром 22 июля/3 августа Оленин получил известие от разведов Власова 3-го, что неприятель









**Генерал-майор А.А. Карпов (1762-1837).**  
Фототипия К.А. Фишера по оригиналу н.х. 1911 г.

в большом числе следует по левому берегу Днепра, а часть его переправилась у с. Лучки [Аучково] и Сырокоренье. Посланный к Сырокоренью отряд 1-го Тептярского полка прогнал 50 французских кавалеристов на другой берег в Гусиное, причём последние обрубали канат, по которому ходил паром. «Находя мой отряд,- пишет Оленин,- в сражении с неприятелем малозначущим, за благо я признал отступить». Он отступил на 23 версты от Красного в Корытню, где состав его отряда изменился.<sup>15</sup> В Лядах был оставлен «для открытия неприятеля» казачий разъезд из полка Власова 3-го (5 чел.). Он отступил при приближении эскадрона улан, заманив за собой 7 улан, одного из которых взял в плен. Французская разведка донесла, что в Лядах находились 2 пехотных полка, 500 драгун и 1 эскадрон гусар. Генерал-майор А.А. Карпов 2-й прибыл в тот день в Красный с полком Г.Г. Мельникова 4-го и присоединил к себе полк Власова 3-го; казаки обнаружили неприятельские партии на левом берегу Днепра в Лядах, с. Лучково, Гусиное. Партия поручика Соколова, посланная «для узнавания неприятеля», прибыла в Гусиное и узнала, что в д. Березыня стоит отряд генерала «Томаше» (Домманже) из корпуса Э. Груши в составе 1-го, 2-го баварских, саксонского принца Альбрехта легкоконных полков с 8 орудиями. Затем у Сырокоренья партия захватила 2-го баварского полка лейтенанта Муне с 8 солдатами (видимо, лейтенант 5-го эскадрона Jakob Müsk).

23 июля/4 августа казаки Тептярского и Власова 3-го полков доставили Оленину пленных, французского гусара и польского улана, «из коих гусар взят разъездом на той стороне реки Днепра против села Гусинога, последний же в селении Лядах» (наверняка из 9-го уланского полка). «Пленные объявили мне,- пишет Оленин,- что конная бригада генерала Вотрена расположена у самого берега Днепра, восемь же полков кавалерии растянуты до местечка Рудни, а пехота позади». Следовательно, первый пленный был из 6-го гусарского полка бригады П. Готрена из корпуса Груши.

От пленных Оленин также узнал, что неприятель давно собирается напасть на его слабый отряд. Он известил об этом Барклая, прося усилить свой отряд. Карпов же донёс, что неприятель из Ляд отошёл к д. Козяны, а у с. Аучково переправился назад через Днепр. Маршал Даву отправил из Дубровны в Россасну генералов Ф. Аксо и Ж. Пернетти с сапёрами и понтонерами, чтобы построить там мост через Днепр. Генерал К. Пажоль должен был удерживать местность между Россасной и Лядами. В тот день полковник В.А. Сысоев 3-й по приказу Багратиона послал в Красный донской казачий полк И.В. Грекова 21-го, а сам 24 июля/5 августа прибыл в Катынь, откуда высылал партии для обнаружения неприятеля в сёлах Смолянке (Смоляки), Гусиное, Сырокоренье. В тот день патруль 9-го уланского полка узнал от евреев, что в Лядах находятся 300 казаков, в Корытне – пехотный (Arichki du baron Arakieziew под командой полковника Niezeniow из корпуса Тучкова) и казачий полки под командой генерала Оленина. Бордесулю же, находившемуся в Савино, евреи сообщили, что из Смоленска в Красный прибыло много войск, принадлежащих к 24-й дивизии.<sup>16</sup> Как видим, неприятель не всегда получал точные сведения о противостоящих ему русских войсках.

\* \* \*

В то самое время, когда Барклай, принуждённый к тому царившими в российской армии настроениями, предпринял наступательные движения к северу от Смоленска, Наполеон решил осуществить неожиданный маневр: переправиться на противоположный берег Днепра и быстрым наступлением захватить город. Согласно диспозициям Барклая для наступления на Рудню, фланги соединённых армий должны были прикрывать два наблюдательных отряда. «Правый боковой наблюдательный корпус» генерал-майора А.М. Всеволожского 1-го должен был двигаться к Каспле по Поречской дороге. «Левый боковой наблюдательный корпус при Красном под командою г.-м. Неверовского составит по рассмотрению ген. Багратиона. Сей корпус положением своим обеспечивает дорогу левой колонны, которая иногда идет весьма близко Днепра. Оный должен стараться занять в силах Ляды, дабы обратить внимание неприятеля с сей стороны», чтобы «по мере движения армий наших к Рудне, всячески беспокоить неприятеля к стороне Орши». Багратион сообщил императору: «Мы решили атаковать неприятеля в его центр, находившийся





**Маршал Л.Н. Даву (1770-1823)**

Литография Ш. Билона. 1-я половина XIX в.

в Рудне. Обе армии выступили из Смоленска 26 июля, оставив два наблюдательных корпуса, каждый с 5000 по правому и левому берегу Днепра». Находившиеся при отряде Оленина казачьи полки Власова и Тептярский должны были присоединиться к отряду генерал-майора Г.В. Розена 1-го в с. Чабуры на правом берегу Днепра.<sup>17</sup> Итак, по замыслу Барклая, наблюдательный корпус Неверовского должен был, во-первых, прикрыть фланг одной из наступающих колонн, а именно 2-й армии, и, во-вторых, произвести демонстрацию, то есть отвлечь часть сил неприятеля от места нанесения ему главного удара.

В соответствии с этими указаниями, 25 июля/6 августа Багратион отдал приказ: «В три часа пополудни выступает отряд генерал-майора Неверовского, состоящий из полков: Виленского, Симбирского, Полтавского пехотных, 41-го, 49-го и 50-го егерских и батарейной роты № 31, имея в авангарде Харьковский драгунский полк с двумя орудиями конной артиллерийской роты войскового старшины Тацына, который уже находится в селе Корытно, где ему расположиться, имея впереди генерал-майора Карпова с двумя казачьими полками, с которыми вступить в сношение». Поскольку 27-я пехотная дивизия Неверовского состояла из недавно сформированных полков, её 1-я бригада полковника М.Ф. Ставицкого 2-го была временно прикомандирована к 7-му пехотному корпусу, из которого, в свою очередь, в



**Дивизионный генерал Ф. Аксо (1774-1838)**

отряд Неверовского были направлены 41-й егерский и Полтавский полки, для придания ему большей стойкости. Боковой отряд Неверовского имел также задачу наблюдать за Оршанской и Мстиславльской дорогами, держась как можно дальше в г. Красном, в 47 верстах от Смоленска.

Адъютант 3-го батальона 50-го егерского полка поручик Н.И. Андреев вспоминал, что после трёх дней пребывания в Смоленске «наша дивизия назначена в отдельный отряд к городу Красному, куда и пришли на другой день и расположились около одного биваками; с нами был Харьковский драгунский полк и два полка казаков, Грекова и Комиссарова. Драгунами командовал полковник Юзефович. Наш один Виленский полк из дивизии остался в Смоленске для занятия караулов, то у нас было только 5 полков пехоты». По словам Душенкевича, «27-я дивизия, оставя 1-ю бригаду в охранении Смоленска и для хлебопечения, составом 4-х своих полков по 2 батальона, да остатками 42-го Егерского и Орловского пехотного полков, вместе составлявших два батальона, роту пешей артиллерии, четырьмя эскадронами Харьковского драгунского полка и четырьмя сотнями казаков, отправлена... в г. Красный отрядом наблюдательным». Л.П. Ермолов пишет, что «в дивизии, недавно из рекрут составленной, два полка переименованы старыми. В Смоленске собраны хлебопеки от всех полков обеих армий. Оставлен один полк для удержания порядка». Действитель-



но, согласно упомянутой диспозиции Барклая, 2-я армия должна была оставить в Смоленске один пехотный полк в качестве гарнизона. Неверовский писал, что ему поручили «отряд, состоящий из 10 баталионов пехоты, 4-х эскадронов кавалерии, 3-х казачьих полков и 12-ти орудий батареинной роты. 26-го июля повелено идти в город Красной и наблюдать неприятеля; авангард мой был в Лядах».<sup>18</sup>

В этой связи специально подчеркнём одно обстоятельство, подмеченное Поликарповым ещё сто лет назад. «До сих пор ещё многие продолжают считать и уверять,- писал он,- что в сражении при Красном особенно отличилась и прославилась 27 пехотная дивизия», а между тем «неопровержимые архивные первоисточники категорически доказывают», что из шести полков этой дивизии только три находились в составе сводного отряда Неверовского. «Сам Неверовский в своих рапортах и реляциях об этом сражении называет бывшие под его начальством в это день войска «отрядом», каковыми они и были в действительности, а не «27 пехотной дивизией».<sup>19</sup> Все последующие историки дружно проигнорировали это замечание, хотя оно совершенно справедливо, тем более, что в официальных документах отряд Неверовского имел вполне определённое название: «левый боковой наблюдательный корпус (le corps d'observation)», то есть, «наблюдательный отряд». Позже французы выяснили, что им противостояли 6 пехотных полков, из них 2 егерских, 1 мушкетёрский из 21-й дивизии, 41-й егерский из 12-й дивизии и 1 мушкетёрский из 26-й дивизии, два казачьих и 1 драгунский полки, 12 орудий под начальством «дивизионного генерала» Неверовского, командира 27-й дивизии.<sup>20</sup>

26 июля/7 августа русские армии двинулись в наступление в направлении на Рудню. В тот день Оленин с пехотой прибыл в д. Синяки и приказал Быхалову, который явился с полком из Мстиславля, «узнать о неприятеле около Днепра при Росасне и Фомине [Хомино], а по левой стороне при Романове, Горках и Наде». Во время рекогносцировки казаки взяли в плен офицера по квартирмейстерской части, который уверял, что главная французская армия находится в районе Орши - Витебска и готовится к сражению. С другой стороны, два французских шпиона донесли, что в Лядах казаки захватили французский отряд из 20 человек во главе с лейтенантом, что в 4 верстах позади Ляд расположен большой лагерь кавалерии и пехоты, и что эти войска начали прибывать из Смоленска с 1 августа. Бордесуль сообщил, что в Красном находятся войска 27-й дивизии.

На следующий день Оленин собирался поехать в Ляды, где находился «Быхалов с двумя полками, а драгунский полк по сию сторону при самых Лядах..., а сам с пехотой стою сегодня в 9-ти верстах не доходя Лядов, в деревне Сененах» (Синяках). Быхалов донёс, что неприятель обнаружен в 5 верстах к северу от Ляд в селении Михеевке, а Неверовский сообщил начальнику штаба 2-й армии генералу Э.Ф. Сен-При, что им высланы пар-

тии для открытия неприятеля по Мстиславльской дороге от Романова на Горки. В тот день Сысоев 3-й оставил донской казачий полк Т.Д. Иловайского 11-го «при деревне Кузины [Кузино] для наблюдения дороги к Гусиному и сохранения сношений с войсками, находящимися на левом берегу Днепра». Карпов 2-й, переправясь у Сырокоренья на правый берег, донёс Багратиону, что по его приказу «полковник Быхалов с 3 полками для занятия местечка Лядов командирован, а я, с двумя полками переправясь через реку Днепр, расположился при селении Юдино» (Кузино) на месте Иловайского 11-го, которому приказал присоединиться к Сысоеву. Казаки Карпова наблюдали дорогу из Катыни в Гусиное.

27 июля/8 августа Багратион предупредил Барклая, что сосредоточение неприятельских сил «нам не довольно открыто, чтобы знать, где он именно находится», и что противник может, в частности, «обойдя наш левый фланг, истребить наблюдательный корпус, расположенный в Красном, которому помочь значущими силами мне будет чрезвычайно трудно или невозможно». Багратион предлагал двинуться на Рудню, чтобы решительными действиями открыть, где собираются основные силы противника. Во втором письме он написал Барклаю: «Отделяясь вправо от Днепра, оставляю я наблюдательный корпус, находящийся в Красном, без всякого подкрепления..., почему мне не остается другого, как предписать генерал-майору Неверовскому, чтобы он, когда узнает о приближении неприятеля к Мстиславлю, отступил с вверенным ему корпусом к Смоленску». Заметим, что поначалу Багратион предвидел атаку на отряд Неверовского вовсе не с запада и севера, но с юга. Когда выяснилось, что больших неприятельских сил в Поречье нет, Барклай приказал перевести 1-ю армию на дорогу в Поречье, а 2-й армии - занять позицию у Приказ-Выдры. Раздражённый этими нерешительными маневрами, Багратион написал ему 29 июля/10 августа: «Положение 2-й армии отделяет оную от корпуса наблюдательного, оставленного в Красном. И так, должно полагать, что неприятель, в скором времени выступя из Орши, обойдет мой левый фланг..., он может прибытием своим к Смоленску предупредить меня и отрезать мне Московскую дорогу».<sup>21</sup> Опасения Багратиона оказались совершенно правомерными.

Поначалу отряд Неверовского расположился впереди Красного, на дороге в Ляды. «Кроме посылки в разные стороны разъездов, Неверовский приказал красненскому дворянскому предводителю и исправнику иметь непрерывные сношения с пограничными жителями и отправлять надежных людей для открытия неприятеля и разведывания об его намерениях». 28 июля/9 августа Неверовский побывал в Лядах для обозрения передовых постов. От казаков и местных жителей он узнал, что в Михеевке, Романове, Горках и других местах появляются мелкие партии неприятеля, что «маршал Давуст с частью своего корпуса находится в Дубровне, при коей устроено три мос-





**Генерал от инфантерии П.И. Багратион (1769-1812)** Гравюра Ф. Вендрамини по оригиналу Л. Сент-Обена. 1813 г.

та. Местечко Расасна укреплено тет-де-поном и другими строениями». Казаки Карпова в с. Гусиное, Березино и Будишках [Буда?] неприятеля не обнаружили. Со своей стороны Бордесуль донёс Даву из Слатовщины, что в Баево находятся 500 казаков, а «крестьяне и евреи выступают против нас с казаками».

10 августа польский шляхтич, посланный из Дубровно на разведку, выяснил, что русские войска уже выступили из Смоленска, что в Лядах находятся две роты пехоты, а позади на высотах – артиллерия, что в Лядах и в стороне Баево – 6 полков казаков, а пехота (2 тыс. чел.) расположена в 4 верстах позади Ляд. Получив сообщение о внезапном нападении русских на дивизию О. Себастьяни при Молевом Болоте и сообщении шпиона, Даву предупредил Груши, чтобы тот приказал командиру драгун, находившемуся в Россасне, на следующую ночь выслал посты как можно ближе к Лядам; они должны были наблюдать за русскими, не разжигая огней, а днём – отступить. Получив от генерала Пажоля сообщение, что перед ним появилось множество казаков, маршал объяснил ему, что это является результатом общего наступления русских войск.

30 июля/11 августа Багратион написал Барклаю о намерении отступить со своей армией к Смоленску для улучшения продовольственного снабжения, «обсервационный же корпус останется в Красном, пока неприятель его оттуда не вытеснит». Полковник А.С. Глебов 1-й был оставлен



**Генерал от инфантерии А.П. Ермолов (1772-1861)** Гравюра И. Пожалостина по оригиналу Д. Доу. 1875 г.

с 6-м егерским и казачьим полками в Катъни, чтобы прикрывать правый берег Днепра и наблюдать дорогу на Чабуры.

1/13 августа Неверовский сообщил: «Отряд, мне вверенный, довольствуется по суточно собираемыми с деревень Красненского уезда по наряду здешнего исправника, но также с большим затруднением. Взятые в плен и дезертировавшие с неприятельской стороны вообще жалуются на голод и недостаток съестных припасов в их армии, ежедневно умножающейся. Я строго приказал г-ну Быхалову не позволять распространяться неприятельским партиям для собиранья фуража и провианта, но стараться самому в разных местах Могилевской губернии фуражировать и отымать все средства у неприятеля для дальнейшего продовольствия». Глебов донёс, что казаки Мельникова 4-го полка имели стычку с неприятелем у Березино, куда затем прибыли до трёх полков кавалерии и двух батальонов пехоты неприятеля.<sup>22</sup> На следующий день русские армии вновь должны были перейти в наступление. 1-я армия занимала тогда позицию при д. Волоковой и Гавриках в 35 км от Смоленска, а 2-я армия в 9 км от него возле Приказ Выдры.

\* \* \*

13 августа в д. Герасименки (Keracimino) прибыл маршал Ней, а в 11 час. - Мюрат. Сапёры и понтонёры 3-го корпуса возводили там мост на 30 козлах длиной в 150-170 м, который был закончен к 21 час. Одна бригада лёгкой кавалерии из





**Полковник Л. Гриуа (1772-1839)**

дивизии Шателя разместились в Буде, вторая – в Карпиловке, третья – между Герасименками и Хомино. Позже к Буде подошла драгунская дивизия Ла Уссэ.<sup>23</sup> Русские были извещены о появлении понтонёров и через полчаса после прибытия Мюрата прислали к Хомино разведку из 50 казаков. Король тотчас перебросил сотню кавалеристов на левый берег Днепра, и казаки ретировались. Впереди Хомино были оставлены 50 кавалеристов, которых Ней поддержал тремя ротами вольтижеров, расположившихся в домах. В 14 час. к Хомино приблизился отряд из 400 казаков, они напали на передовую заставу, но были отбиты огнём вольтижеров. В 16 час. появилось ещё одно подкрепление из 400 чел., но вскоре русские отступили к Лядам, откуда приходили, оставив вдали несколько наблюдательных постов. «Многие люди утверждают, - сообщил Мюрат, - что противник движется на Витебск через Поречье, и что в Смоленске вовсе нет войск, но я не могу – абсолютно ничего гарантировать в этом отношении; напротив, я думаю, что противник находится с пехотой в Лядах».

3-й корпус Нея разместился между Герасименками и Красной; 10-я, 11-я и 25-я дивизии образовали три линии. Лёгкая кавалерия 3-го корпуса из Шилово и Елисеево на р. Березине подошла к Герасименкам.<sup>24</sup> К 19 часам 1-й кавалерийский корпус разместился у д. Красная, кирасиры 2-го кавалерийского – позади него у Заборья (дивизи-

зия Пажоля, бывшая Себастьяни была оставлена в Рудне). Капитан Ф. Дюмонсо видел у Россасны «III кавалерийский корпус, который можно было узнать по красным доломанам 6-го гусарского и сверкающим шлемам его драгунской дивизии, развернувшийся на равнине идвигающийся влево длинными колоннами».

Тем временем, 1-й корпус Даву достиг Россасны, имея в голове дивизию Гюдена, которая заняла мост у Баршунов, перейдя ручей. Бригада Бордесуля получила приказ направиться из Казариново к Россасне. К 23 час. Груши прибыл в Кобылье (Ковоуіліа) и выслал в Усвяты, в 8 верстах от Ляд, бригаду генерала Жерара, которая вытеснила оттуда казаков. «Бригада под командой полковника Мати, - донёс Груши, - разместилась эшелонам в четверти льё на дороге между Усвяты и Кобылье. Я послал приказ дивизии Валанса разместиться в Ростково». Груши отправил партии в Хомино, чтобы связаться с королём Неаполитанским, и попросил Даву направить к нему бригаду Бордесуля.<sup>25</sup>

Ранним утром 14 августа у Россасны переправилась остальная часть корпуса Груши, а у Хомино, как донёс Мюрат, «вся моя кавалерия 1-го и 2-го корпусов, кавалерия III пехотного корпуса и весь этот корпус перешли Днепр, чтобы направиться на Ляды и Красный. Генерал Груши выгнал неприятеля из Ляд». По словам Кёниха, бригада Бёрманна «вместе с прочей кавалерией утром 14 августа переправилась (schwamm) у Хомино через Днепр, который не был ни очень широким, ни глубоким и быстрым, и двинулась к Красному». Быхалов донёс Карпову, что неприятель «следует к Лядам, где он с полками имеет свое пребывание и не далее уже до оногo как в 7-ми верстах». По приказу Оленина, Быхалов отступил по дороге на Красный к селению Мельницы Колотовке (Жомаровка?). Неверовский, сообщил полковнику Глебову, стоявшему с 6-м егерским полком на другом берегу Днепра в с. Катюни: «По случаю сближения на всех пунктах около местечка Лядов неприятельских сил, приказал я авангарду моего отряда отступить к гор. Красному». То же самое сообщил Карпову есаул Краснощеков, командовавший казачьим полком Мельникова 4-го на другом берегу Днепра.<sup>26</sup>

Командующий артиллерией корпуса Груши полковник Л. Гриуа вспоминал: «Утром 14 августа стрелки нашего авангарда встретили неприятеля в первый раз после нашего вступления на русскую территорию. Первые выстрелы карабинов доставили нам большую радость: мы почти отчаялись догнать русских и покончить с ними в нескольких сражениях. Наша кавалерия тотчас развернулась, и я двинулся впереди нашей кавалерии». Ординарец генерала Л. Шателя лейтенант О.В. Рёдер фон Бомсдорф рассказывал, что 3-й кавалерийский корпус «отбросил назад авангард русских, которые действительно были удивлены, встретив на этом берегу ту силу, которую они прошлым днём заметили ещё на другом [берегу]. Ляды были заняты 2000 казаков с одним лёгким орудием. Генерал Груши приблизился к городку и





А. Адам. По дороге через Лианвавичи, 14 августа 1812 г.

охватил его с левой стороны, в то время как генерал Нансуги попытался сделать это с правой. Широкая и глубокая канава помешала последнему развернуться быстро, и противник использовал возникшую обстановку, чтобы отступить к Красному... Ляды были тотчас разграблены и подожжены французами».

Су-лейтенант 23-го драгунского полка П. Оврэ писал, что перед Лядами «тотчас подали голос шесть пушек, находившиеся на позиции выше деревни, поддержанные двумя полками казаков, которые, казалось, хотели оказать сопротивление. Мы атаковали их несколько раз». По словам лейтенанта 9-го шволежерского полка К. фон Веделя, французы «встретили перед Лядами две сильные казачьи толпы, поддержанные конной артиллерией и прогнали их лишь после двухчасового боя. Полковой адъютант Элиот, племянник военного министра герцога Фельтрского, остался на поле боя».<sup>27</sup> Адъютант генерала Шателя Ф. Гавевский вспоминал: «Рои казаков бродили по всем окрестностям, повсюду раздавались их крики, но они, как обычно, были осторожны, не приближаясь под огонь наших орудий. Французские кони были слишком изнурены, чтобы можно было на них гарцевать. Сдаётся, что крик принадлежит к военному искусству казаков, нет ни одного движения, при котором бы они не кричали. Генерал Шатель сравнивал их с бедуинами во время войны в Египте». По словам Неверовского, «Быхалов при сем отступлении, лично командуя казаками с неустранимостью не только отражал его, но сам нападая, побил до 100 человек без всякой со своей стороны потери». Лёгкая кавалерия корпуса Нея составляла его авангард, и после множества маневров расположилась на левом крыле резервной кавалерии Мюрата. Лейтенант 2-й вюртембергской конной батареи Х. Фляйшман писал: «14-го в 6 часов утра мы перешли через Днепр и вскоре

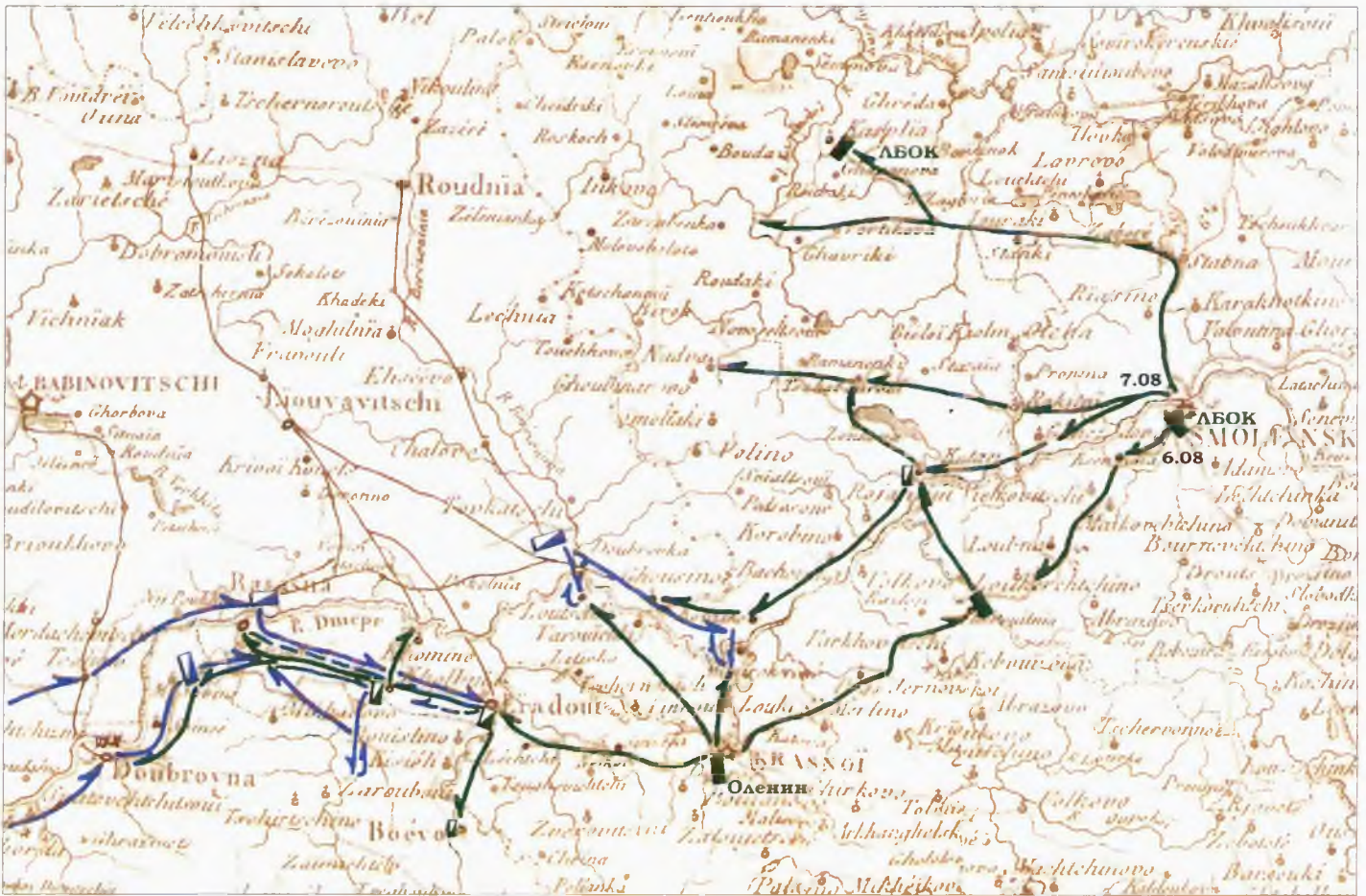
после этого прибыли на большую дорогу..., и тут шли быстро, то рысью, то шагом. Из французской артиллерии почти никто не поспевал за нами».<sup>28</sup>

Ещё «рано утром генерал Оленин вызвал охотников открыть расположение неприятельских войск за 20 верст от Красного, по правую сторону Днепра и П.Д. Лесли вызвался охотником; получив от генерала в командование взвод драгун Харьковского полка» поручика А.В. Спановского, отправился на рекогносцировку. Тем временем прочие братья Лесли с двоюродным братом Абрамом Степановичем обнаружили переправившегося неприятеля и доложили об этом Оленину. Быхалов, который «около недели бессменно нес ответственную службу в авангарде ген.-майора Оленина», «по наступлении утра», будучи атакован «сильным неприятелем в постах своих у Лядов», отступил к Красному, куда стянулся и весь авангард Оленина. Последний дал знать Неверовскому, что неприятель показался в «дальнем расстоянии по дороге от Зверовичи».

Тем временем, шволежеры 2-го (голландского) полка гвардии скакали через Ляды «по единственной грязной дороге, мощёной брёвнами, разбитой в разных местах, и спустились с крутого склона к реке, полуразрушенный мост на которой был дополнен двумя другими, поспешно переброшенными с обеих сторон». Когда голландцы вышли на противоположное плато, они «услышали вдалеке грохот орудий, к которому добавлялся, более и более отчётливо, пока мы продвигались, треск ружейного огня». По словам Э. Лабома, «город Ляды (место примечательное тем, что оно последнее, где встречаются евреи), пересекала маленькая речушка, на другой стороне которой находилось широкое плато, которое полностью доминировало над городом».<sup>29</sup>

Когда казаки донесли Неверовскому о появлении неприятеля, он, полагая последнего малочис-





Перемещение войск 6-14 августа 1812 г. Выдвижение корпуса Неверовского к Красному



Фабер дю Фор. Переправа 3-го корпуса через Днепр, 14 августа 1812 г.



Барабанщик 49-го егерского полка, 1812 г.  
Акварель А. Ежова







**Драгун Харьковского полка**  
Манускрипт Эльберфельда, 1813 г.

ленным, выстроил свою дивизию западнее города фронтом к Лядам и велел отправить в Смоленск все тяжести. «Утром,- вспоминал Андреев,- генерал Неверовский получил извещение чрез казаков, что неприятель показывается в сильных массах. Это было в 9 часов утра... Нас поставили на место, пред городом рассыпали стрелков, весь 49-й егерский полк; наш 3-й батальон на улицах города, поротно. Я был при 3-й гренадерской роте, на большой улице, у входа в город; при нас было два орудия тяжелой батареи, прочие орудия сей роты были также по улицам, прикрываемые нашими егерями». Душенкевич пишет, что утром «велено пораньше людям обедать, отправлять обозы и вьюки в Смоленск». Командир батальона майор Белявский послал Андреева срочно сделать мост. Взяв барабанщиков и флейтчиков, он разломал близкие старые строения и будки и накинул мост.<sup>30</sup>

«В 10-ть часов утра,- продолжает Андреев,- показались передовые казаки и сказали, что ужасная валит сила конницы неприятельской. Мы полагаем, что они преувеличили, но вышло справедливо». Когда казаки донесли, что «французы валом валют» по столбовой дороге и по полям вдоль неё, Неверовский изменил расположение своих войск. Позиция перед Красным была ненадежной из-за того, что за городом в болотистой местности про-

текала речка Мерейка и дорога шла по плотине. Х. Брандт отметил, что город «Красный расположен при слиянии двух болотистых речек Свиная и Мерейка в 46 верстах от Смоленска. Свиная медленно течёт в топкой луговой долине, которая предоставляет лишь единичные узкие переправы. Кусты и кустарники по берегам предлагают немало удобств для стрелкового боя, и в этой позиции, вероятно, можно было бы сражаться, если, впрочем, иметь достаточно войск, чтобы её защищать. Но как раз это отсутствовало у русских. Они ещё и допустили ошибку, пытаясь защищать подступы к Красному».

«По приближении у сего города всех войск отряда мне вверенного,- пишет Неверовский,- расположил я 49-й егерский полк для защиты города по домам и сараям, оставив ему в резерв 1 батальон 50-го и 1 батальон 41-го полков с двумя орудиями донской артиллерии». Непосредственную оборону города он поручил генералу Оленину с 49-м егерским полком полковника А.С. Кологривова, батальоном 41-го егерского под командой подполковника П.С. Шеина 1-го, батальоном 50-го егерского майора Антонова и 2 орудиями хорунжего Калашникова. «С прочими же войсками отряда моего,- продолжает Неверовский,- взял позади города позицию, прикрыв фланги Харьковским драгунским полком и казаками». Пехотные полки Неверовский построил в боевой порядок за довольно глубоким оврагом в двух верстах от города; у дороги разместились Полтавский и Симбирский полки. «Оставив свои шалаши и город за плотину на высотах,- пишет Душенкевич,- устроен был отряд в батальонные колонны с дистанциями, имея артиллерию в приличных местах». 10 орудий Неверовский поставил на левом фланге под прикрытием Харьковских драгун, к которым присоединился отряд братьев Лесли, а на правом фланге разместил казаков. Он направил назад форсированным маршем полковника Н.Г. Назимова с батальоном 50-го егерского полка, казачьим полком Грекова 21-го, «для очищения тылу расположения войск», и велел ему «занять дефилюю, где и лес был». Посланный с Назимовым ротмистр Шанценбах «для занятия в тылу позиции, исполнил сие поручение с отменным искусством...», поставив батальон 50-го егерского полка у селения Мерлина.<sup>31</sup>

В полдень Груши донёс Мюрату из м. Синяки (по словам Ложье, жалкая кучка избушек в 200 шагах от большой дороги), в 5 верстах от Красного: «Я преследовал до этого места неприятеля, который показал только кавалерию и две пушки. Но по тому, что сказали мне жители этой деревни и по осмотру биваков, в Синяках этим утром находился полк пехоты, множество орудий, все под командой высшего офицера, награждённого орденом. Эти войска отступили в Красный. Русские ведеты постоянно находились напротив меня, отступая по мере того, как я наступал; но массы были очень удалены. Один драгунский полк этой ночью также располагался биваками у маленькой речки [Комаровка] между Лядами и этой деревней». Груши спрашивал, не прикажет ли ко-



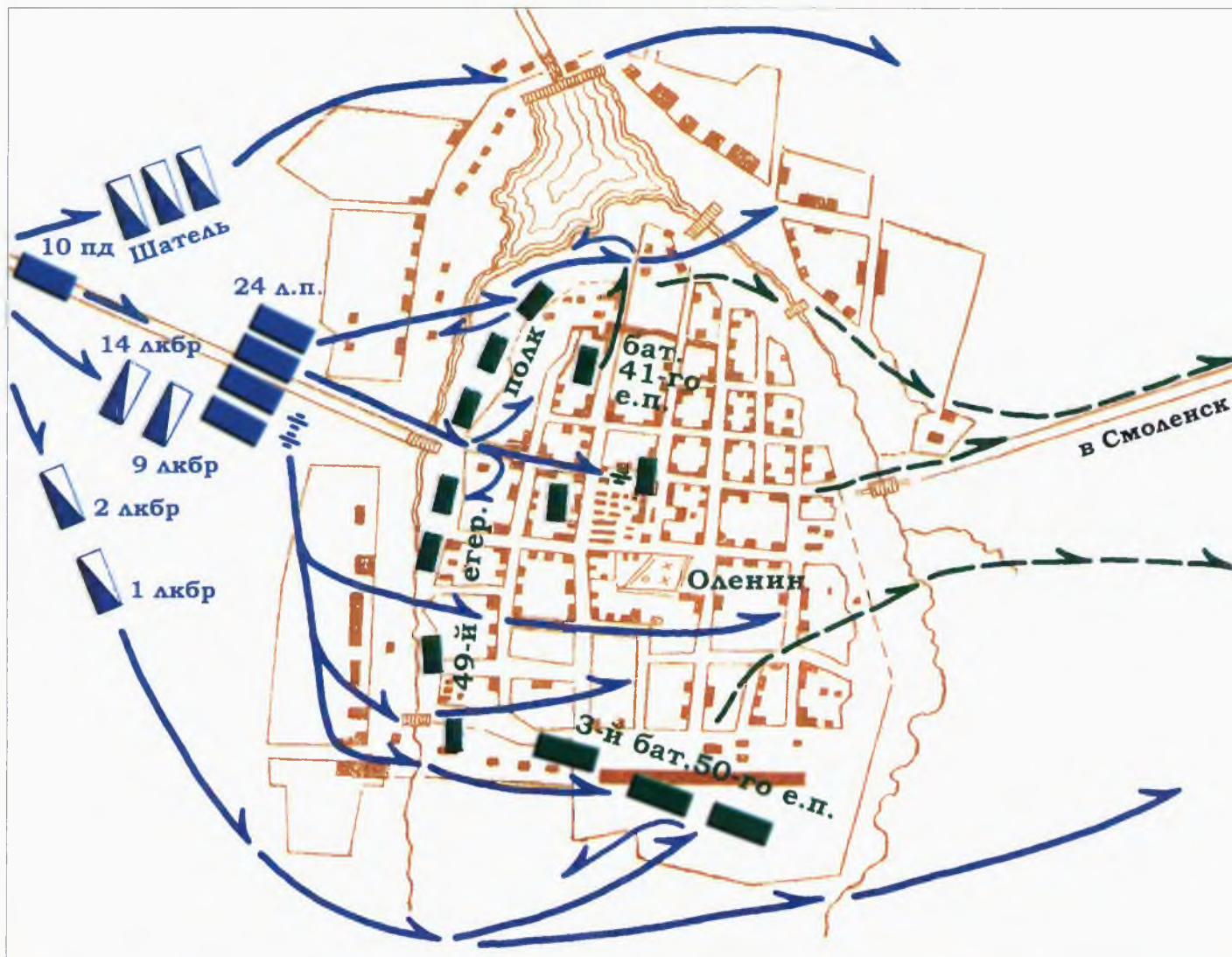


Схема боя за Красный



А. Ежов. Шассерская рота легкой пехоты в русском походе





**Шеф эскадрона Р. Солтык (1789-1843)**

роль атаковать Красный кавалерией, но просил некоторое время для отдыха лошадей, находившихся на марше с 3 часов утра.<sup>32</sup>

Тем временем Андреев «с прочими офицерами пошли на колокольню, откуда увидели из лесу в версте выходящего по большой дороге от местечка Лядов неприятеля, с множеством кавалерийских колонн, и по выходе из леса стали раздаваться по полю вправо и влево; другие шли по дороге к городу. Вот проскакали мимо нас все казаки и драгуны, егеря 49-го полка сделали выстрелов несколько, и как у неприятеля пехоты не было, то они ретировались и пробежали мимо нас бегом. Едва неприятель стал вступать в город, то был приветствован картечью из орудий и батальным огнем наших егерей. Я был на большой дороге и видел, как несколько неприятельских колонн были опрокинуты». Душенкевич также видел, как «многие тысячи щегольской французской кавалерии от местечка Ляды приближались к Красному. Парижские гусары [у Груши был 6-й гусарский полк, А.П.] подошли к оставленному нами шалашам, 12-фунтовая грянула в них раз и другой; оба выстрела весьма удачно встретили гостей, которые тотчас отошли на дистанцию из-под оных; а конные егеря, спешась, славно кинулись в город на наш 49-й Егерский полк, там в засаде находившийся, и началась жаркая перестрелка в самом городе» [у Груши были 6-й, 8-й и 25-й конно-егерские полки, А.П.]. По его словам, бой начался в два часа пополудни.<sup>33</sup>

Русские наградные документы позволяют восстановить некоторые детали этого боя. Генерал Оленин «в городе Красном удерживал долгое время неприятеля». Командир егерской бригады Воейков «в защите города Красного сделал благоразумные распоряжения и в короткое время укрепил оный разными способами, защищая его



**Генерал-майор Д.М. Юзефович (1771-1821)**

Литография И.А. Клюквина, 1848 г.

с отличною храбростию против превосходных сил неприятельских». Командир 41-го егерского подполковник Шеин «находясь в авангарде, командовал батальоном в самом городе Красном, удерживая правый фланг, неустрашимо удерживал стремящегося неприятеля и обращал в бегство». Майор Слонимский 1-й «удерживал в городе Красном неприятельских стрелков». Майор М.Л. Редриков «опрокинул на него наступавших стрелков». Майор Крамаревский «с двумя ротами находясь у прикрытия двух дорог от Лядов и Романова к Красному, с отменным мужеством удерживал неприятельских стрелков и фланкеров». Майор Томашевский 1-й, «прикрывал с полубатальоном Донскую конную артиллерию, неоднократно удерживал стремление на оную неприятельской конницы», а хорунжий Калашников «искусным стремлением и нанесением чрезвычайного вреда неприятелю не только что удерживал, но отражал с мужеством и храбростию со своими орудиями». Капитан Переселенный «удерживал стрелками мост влево от дороги к местечку Лядам и, возбуждая смелость в нижних чинах, опрокидывал неприятеля штыками». Полковник Кологривов «занимал с 49-м егерским полком переднюю часть города и более трех часов с храбростию удерживал неприятеля». 50-го егерского полка майор Антонов «занимал с одним батальоном левую часть города, неустрашимо удерживал стремящегося неприятеля и два раза штыками обращал его назад». Майор Белявский «с двумя ротами благоразумным своим распоряжением отражал сильное нападение неприятеля в городе»; штабс-капитаны Шубин и Воронцов «с вверенными им ротами храбро отражали неприятеля при входе его в город Красный и, припадении неприятельской кавалерии, двукратно обращали оную в бегство».<sup>34</sup>





**Обер-офицер и штаб-офицер егерских полков**

Раскрашенная литография Л.Киля. РГВИА

По словам Мюрата, генерал Груши «живо преследовал неприятеля вплоть до Красного, который я нашёл занятым пехотой. Маршал герцог Эльхингенский получил приказ поспешить с прибытием своей пехоты». Около 15 час. к городу подошла лёгкая кавалерия корпуса Нея. Согласно рапортам 1-го и 2-го вюртембергских шволежерских полков, 14-я бригада была выстроена в три эшелона; последний из них составлял 1-й полк, построенный в две линии. В ожидании подхода 10-й дивизии, эта кавалерия в течение некоторого времени подвергалась огню русской батареи, в результате чего, в частности, подполковник фон Расслер потерял лошадь. «Наша кавалерия не могла взять Красный без пехоты,- пишет Гриуа,- мы вели перестрелку с их аванпостами, когда прибыл король Неаполитанский с маршалом Неем. Они осмотрели позицию неприятеля». По словам Рёдера фон Бомсдорфа, «король Неаполитанский, который с момента соединения Груши и Нансуги принял главное командование, образовал полукруг вокруг Красного и ожидал прибытия пехоты 3-го корпуса». Фляйшман вспоминал: «Около 4-х часов вечера мы услышали перестрелку; мы ускорили своё движение и достигли нашей бригады недалеко от Красного. В этом городке находилась колонна в 6000 русской пехоты, 2 кавалерийских полка и батарея в 12 орудий. Мы двинулись вправо от дороги и вступили в бой с русской батареей».<sup>35</sup>

По словам Нея, император приказал ему «быстро двинуться к этому городу [Красному], где,



**Барабанщик и музыкант егерских полков**

Раскрашенная литография Л.Киля. РГВИА

согласно донесению, сделанному Его Величеству, неприятель имел один полк пехоты; голова моей колонны прибыла туда около трёх часов пополудни». Двигавшийся в авангарде 24-й полк лёгкой пехоты подошёл к городу в 15 час. «Как только,- вспоминал Гриуа,- голова колонны 3-го пехотного корпуса оказалась перед нами, маршал Ней, который им командовал, бросил несколько рот вольтижеров. Неприятель, после оживлённого сопротивления, был выбит с позиции и пришёл в беспорядок». Мюрат пишет: «10-й дивизии было поручено атаковать; позиция была захвачена шагом атаки (au pas de charge). Никогда я не видел пехоты, проявляющей столько отваги и решимости». Находившийся во главе атакующих Ней сообщил, что «24-й полк лёгкой пехоты, поддержанный остальными войсками 10-й дивизии, атаковал неприятеля с восхитительной смелостью, и Красный был взят штурмом безо всяких затруднений. Неприятель, силою около 6000 пехотинцев, 1200 коней и десяти орудий, не теряя самообладания, разместил свои эшелоны позади города; но пехота так смело атаковала его, что он был вынужден отступить, что было произведено в хорошем порядке, под прикрытием своей артиллерии, которая действовала хорошо».

Гаевский пишет, что штурм города начался в 15 часов: «Тут рванулись четыре батальона с музыкой во главе, мы построились, музыка подвела войско под выстрелы орудий, барабанички





П. Хесс. *Сражение при Красном, 14 августа 1812 г.*



**41-й егерский полк.** Слева направо: егеря, карабинер, прапорщик, унтер-офицер  
Рисунок с натуры И.А. Кляйна





**Обер-офицеры егерских полков, 1809-1811 гг.** из "Историческое описание одежды и вооружения..."

ударил на штурм, по всей линии раздался крик: "Да здравствует император и вперёд!", начался оживлённый огонь из ружей. Не прошло и четверти часа, а город был в наших руках». Адъютант генерала А. Ла Уссэ капитан А.П. Шерон вспоминал: «Двадцать четвёртый [полк] лёгкой пехоты атаковал. Русские энергично защищались и были вынуждены уступить эту позицию этому храброму полку, который потерял много людей». По словам Рёдера фон Бомсдорфа, 24-й полк проник в город на штыках «после двухчасовой борьбы». За эту атаку шеф батальона А.Н. Верден, раненый в бою, был 2 сентября награждён рыцарским крестом ордена Почётного легиона.<sup>36</sup> Капитан 18-го полка линейной пехоты Г. Бонне писал, что «прибыв в Красный, 10-я дивизия зарядила свои ружья и с другой стороны города начала сражаться. В течение получаса русские держались стойко, стреляли орудия, ружейная стрельба была оживлённой, мы бежали, чтобы быть в числе приглашённых, но неприятель был отброшен... Мы остановились на краю оврага, который русские хотели защищать. Развернулись, расположились лагерем, и это было наше жилище 14-го августа». Командир 25-й дивизии генерал Й.Г. Шелер сообщил, что «дивизия Ледрю находилась во главе. Она развернулась и сражалась с фронта, тогда как кавалерия пыталась охватить фланги... Наша дивизия находилась в резерве позади дивизии Лед-



**Рядовой егерских полков, 1809-1812 гг.** из "Историческое описание одежды и вооружения..."

рю, но она не сражалась, как и дивизия Разу, так как [дело] было скоро решено».<sup>37</sup> Следовательно, 11-я и 25-я пехотные дивизии подоспели лишь после взятия города.

41-го егерского полка майор Слонимский 1-й, «когда при выходе на площадь неприятельская колонна разделилась и следовала батальону в левой фланг, то он ударил в штыки и опрокинул оную». Майор Редриков, «когда колонна потеснила его сильными выстрелами, то он отразил оную и не допустил ее батальон обойти». Штабс-капитан Тиновский «по появлении неприятельской колонны, на правый фланг батальона командирован был с гренадерскою ротой на отражение оной, почему, остановясь в закрытом месте, допустил неприятеля поравняться с собою флангом, сделал залп и ударил в штыки и, таким образом опрокинув, гнал и истреблял на месте». Когда «неприятель в превосходных силах, сбивая наших стрелков, начал было уже переправляться через реку, протекавшую между городом и форштадом оно-го в намерении отрезать переправляющихся наших стрелков в правой стороне через оную же речку», то, «дабы воспрепятствовать вредному намерению неприятеля», поручик 41-го полка По-









**Дивизионный генерал Э. Груши (1766-1847)**

дольский «был командирован с сильными стрелками, которым он подавая пример собою, с неустрашимой храбростью напал на неприятельских, переправившихся уже на нашу сторону, и хоть оные упорно сопротивлялись, но отважным нападением наших стрелков, одушевленных к оному поручиком Подольским, были опрокинуты и в замешательстве принуждены были спасаться бегством обратно через реку в брод с значительными для них потерями».

Подполковник Литвинов «во время выступления из города Красного прикрывал большую улицу со стрелками и, с примерно неустрашимостью поражая неприятеля, доставлял успех при выходе батальона из города». Капитаны Бледнов и Ляпунов 2-й «по выходе батальона из Красного, предупреждали сильное неприятельских стрелков покушение и тем способствовали к выступлению оттуда колонны». Майор Крамаревский с двумя ротами «отходил через реку в брод в лучшем воинском порядке», а штабс-капитан Сахайдаков «под сильными выстрелами переправясь в брод через реку, наносил сильный вред неприятелю». 50-го егерского полка майор Бежавский, «пропустив под прикрытием своим передовые войска, отступил из оного устроенным порядком, сильно поражая неприятеля», штабс-капитаны Шубин и Воронцов также «выступили из города Красного в лучшем устройстве». <sup>38</sup>

«Державшись в сей позиции четыре часа при сильном огне, - пишет Неверовский, - увидел я, что превосходная в силах неприятельская кавалерия

(которой было по полученным от пленных известиям 15 полков), поддерживаемая семью полками пехоты и артиллериею, обходит фланги, почему принужден был оставить сие место и в порядке отступил за речку Лоствину [Лосвинка], в трех верстах от Красного протекающую». История 24-й лёгкого полка гласит, что после захвата города «он был остановлен перед оврагом, мост через который был разрушен. Как только тот был восстановлен, он присоединился к кавалерии». <sup>39</sup>

По словам Кёниха, бригада Бёрманна получила от Нея приказ «Красный, который брала штурмом пехота, обойти на правом фланге, чтобы перерезать отступление русской пехоте, выстроенной позади Красного. Генерал послал меня для осмотра болотистой местности, чтобы отыскать место, пригодное для переправы. Но там, где я попытался проехать через болотистую речку, моя лошадь провалилась по колени. Я поспешно поскакал назад и сообщил это генералу; он не захотел мне поверить, проделал с бригадой тот же путь, что и я, и должен был теперь сам убедиться в правильности моего сообщения и повернуть обратно». Следовательно, 14-я бригада так и не смогла найти брод. Гаевский вспоминал: «Внезапно к генералу Груши прибыл маршал Ней и потребовал, чтобы тот обошёл город и задержал отступление российского отряда. «Нигде не возможно продвинуться», - ответил генерал. Он приказал разыскать брод через болотистую реку, но нигде его не нашли. «Не могут, когда не хотят», - ответил маршал, поворачивая коня. Услышав эти слова, генерал Груши, задетый за живое, приказал генералу Шателю, чтобы переправился как угодно через реку. Шатель приказал мне отыскать место, пригодное для переправы, но везде был омут; наконец, я нашёл мельницу, где маленький мост вёл на другой берег реки». Пока шёл бой в городе «генерал Груши произвёл вправо и влево разведку бродов, чтобы смочь обойти позицию неприятеля», что не укрылось от внимания русских. Действительно, по словам Душенкевича, «заметья, что французы, усиливая нападение города, послали вниз по реке к Днепру искать бродов, и открыв оные верстах в 5-ти от Красного, предпринимали обходить нас, мы должны были перейти опасное для себя дефиле, 3 версты от города отстоящее; едва окончили сию переправу, куда и 49-й Егерский полк, много потерпевший, присоединился, и устроились на поле с днепровской стороны у большой дороги в общее каре».

Бисмарк пишет, что «французская кавалерия с трудом переходила через болотистое озеро, прилегающее к городу Красному и охватывающее его; это обстоятельство предоставило генералу Неверовскому возможность миновать первое дефиле, не вступая в дело. Полки 1-го и 3-го кавалерийских корпусов и лёгкой кавалерийской дивизии 3-го пехотного корпуса отыскивали переправу, каждый полк где мог, и на рысях пускались в погоню за неприятелем. Мюрат, как обычно, был и здесь впереди первым... В полумиле позади Красного, на той стороне первого дефиле,





К. Верне. **Гусары 6-го полка.** 1810-е гг.

находится небольшая высота. На этом пригорке стоял король в своём пышном одеянии. Его можно было узнать издалека: по высоким перьям на головном уборе и по великолепному плащу, на манер испанского, из зелёного бархата с богатым золотым шитьём».<sup>40</sup>

По словам лейтенанта 23-го драгунского полка П. де Константэна, корнус Груши, «после того, как получил несколько ядер, принял вправо и обошёл позицию неприятеля». Историк кавалерии Л. Пикар писал, что «часть кавалерии Груши, которая должна была преградить ему [неприятелю] проход через дефиле, была брошена в неверном направлении, и у этого генерала осталось не более чем 3 полка, 6-й уланский, 6-й гусарский, 8-й конно-егерский». Гаевский вспоминал, что дивизия Шателя

переправлялась через мостик по одному всаднику, «Как только переправилась бригада гусар генерала Домманже (Daumangès), она немедленно построилась и бросилась на неприятеля, не ожидавшего опасности с этой стороны; в результате такого оборота дел два российских батальона попались в плен. Тем временем прибыла для подстраховки другая бригада под командою генерала Готрена (Vaudzin). Генерал Лауссэ обошёл город с другой стороны с дивизией драгун».

Однако Мюрат писал иначе: «В то время как был взят город, я пошёл влево с генералом Груши к одному разведанному броду, а генерал Шатель и генерал Себастьяни пошли вправо. Мы постоянно маневрировали, чтобы охватить против-



ника при его отступлении. Прибыв к небольшому оврагу или ручью, который находился позади Красного, я приказал генералу Дери перейти мост во главе 9-го полка польских улан, отважно маневрируя; это было исполнено галопом, под огнём неприятельской артиллерии и невзирая на [присутствие] 12-14 батальонов пехоты. Генерал Дери, построив боевой порядок, атаковал и сбил всю кавалерию, которая была по меньшей мере в два раза сильнее, чем его собственная, и в это время получил во фланг неприятельский огонь». Как видим, источники расходятся в определении того, какие части корпуса Груши в каком месте переправились через речку. Но показания других источников позволяют надёжно утверждать, что первая атака произошла южнее Красного, и

#### Сражение под Красным

Акварель н.х. 1-я четверть XIX в.

осуществила её лёгкая кавалерия 1-го армейского корпуса.

Подробно эту атаку описал шеф эскадрона Р. Солтык: «По прибытии короля Неаполитанского к неприятельской позиции, он послал 9-й полк польских улан, возглавляемый тогда майором Кжицким (Ksziuzki), во главе которого ехал генерал Домон (Daumont), чтобы обойти позицию москвитов на их левом фланге, тогда как наша пехота атаковала их в самом Красном. Польский полк, перейдя ручей, который прикрывал неприятельскую позицию, был ещё вынужден преодолеть дефиле, каковое можно было пересечь только двигаясь повзводно и под огнём восьми артиллерийских орудий москвитов; эта батарея была прикрыта с флангов двумя каре пехоты, а позади неё был выстроен Харьковский драгунский полк; но пехота была скрыта густым кустарником, который помешал её увидеть. Первые препятствия, кото-

рые мешали движению наших кавалеристов, не смогли их остановить; они развернулись и двинулись вперёд на орудия; но в момент, когда они скакали, чтобы добраться до них, два каре встретили их огнём в упор. Тогда польский полк повернул назад, но отступил в полном порядке; за ним последовали неприятельские драгуны, которые не отважились атаковать его в этом критическом положении и не преследовали его далеко».<sup>41</sup>

Наградные документы гласят, что полковник Юзефович «производил многократно на превосходившую в силах неприятельскую кавалерию атаку, и распоряжал везде с отменным присутствием духа». Сначала подполковник барон А.Х. Остен-Сакен с двумя эскадронами «отразил первое усилие неприятеля, стремившегося через предместье города Красного на батарею левого фланга нашего, прикрыл ретираду четырех орудий сей батареи и искусным маневром навел не-

приятеля на огонь 50-го егерского полка». После этого Остен-Сакен принял участие «в общей атаке, полком произведенной, позади первой дефиле, с эскадроном ударил мужественно во фланг неприятельских улан и тем решил поражение неприятеля на сем фланге». Майор Н.Я. Бабарсов, капитан А.К. Нестелый и штабс-капитан Галаган 1-й «примерным мужеством и храбростию в общей атаке не только воодушевляли вверенные им эскадроны, но каждый из них принужден был выдерживать неравный бой с неприятельскими штаб и обер-офицерами, кои силились удержать колебавшийся свой фронт». Видимо, тяжёлое всего пришлось эскадрону майора А. Жбыковского, который «пришел в некоторое расстройство». Тогда штабмейстер Карасинский, «заметя штандарт оного в опасности, собрал поспешно 50 казаков, одушевил их своим примером и столь стремительно ударил в дротики на неприятельских







**Лейб-шволежер 2-го полка  
(Вюртемберг), 1811 г.**

гусар, заезжавших во фланг Жбыковскому, что они обратились в бегство; после чего расстроенный эскадрон оправился и занял свое место». <sup>42</sup>

«Едва 9-й полк удалился на несколько сотен шагов,- пишет Солтык,- как он сделал крутой поворот и атаковал этих драгун с такой силой, что разорвал их и в один миг более двухсот человек из них вывел из боя. Польские уланы прибыли тогда вперемешку с неприятельской кавалерией к орудиям, канониры которых, боясь стрелять по своим собственным войскам, были захвачены; но так как они убежали с их передками, 9-й полк не смог увезти орудия. Эта блестящая атака не имела никакого дальнейшего результата, не будучи поддержанной другими полками нашей кавалерии; но она произвела сильную диверсию в поддержку тех, кто атаковал Красный, и колонне нашей ка-

валерии, которая тем временем обходила город на нашем правом фланге».

Если Солтык уверяет, что 9-й полк действовал в одиночку, то Мюрат пишет, что «генерал Бордесуль во главе своей бригады перешёл мост непосредственно после этого и весьма вовремя приехал поддержать его. Неприятельская кавалерия полностью скрылась на весь остаток дня... Генерал Бордесуль исполнил наиболее дерзкую атаку на восемь орудий, которые он захватил вместе с 700-800 пехотинцев, которые их защищали». Как видим, король приписал захват орудий не полякам, а французским конным егерям. Действительно, честь взятия семи орудий принадлежит лейтенанту 3-го конно-егерского полка этой бригады Деламалю. <sup>43</sup> Похоже, что шассеры 3-го полка горели желанием отомстить русским за нанесённое им недавно жестокое поражение и реабилитироваться перед собственным командованием. <sup>44</sup> Прочитанные документы позволяют предположить, что батарейная № 31 рота была разделена на две части: один дивизион (4 орудия) действовал отдельно и имел в прикрытии харьковских драгун, а прочие два дивизиона (8 орудий) находились под прикрытием двух батальонов Полтавского полка; именно они и были захвачены неприятельской кавалерией.

«Харьковский драгунский полк,- пишет Неверовский,- отражал нападение с отличным мужеством, но принужден был уступить в шесть раз превосходнейшему неприятелю и бросился по дороге. <sup>45</sup> Батарейная № 31 рота, хотя и была прикрываемая Полтавским пехотным полком, но изумленная, видя опрокинутых драгун и казаков, понеслась вместе с ними. Таким образом, пехота осталась без кавалерии и артиллерии». «Батарейная рота,- писал он далее,- прикрываемая Полтавским пехотным полком, действовала хорошо, но при отступлении конницы, бросившись по дороге и оставя пехоту, потеряла семь орудий». А.И. Михайловский-Данилевский пытался в этом случае «подсластить пилюлю», подчёркнув, что остальные орудия «ушли по Смоленской дороге - доказательство, что неприятельская кавалерия не совсем была хороша, ибо исправная конница не позволила бы спастись батарейным орудиям». Видимо, во время отступления поручики Харьковского полка А.А. Переяславцев и И.Я. Пружанский «отличились не только мужеством, но присутствием духа и искусством, с которыми исполнили данное им поручение прикрывать правый фланг полка, угрожаемый настигавшим неприятелем, коего удержали цепью фланкеров». Генерал Оленин «при отступлении, командуя кавалерией с всегдашним присутствием духа в опаснейших местах, распорядился оную и употреблял все способы, чтобы удержать стремление неприятельской конницы». <sup>46</sup>

По словам Андреева, егеря 49-го полка, «по полю рассыпанные, стали сбегаться к колоннам пехоты, и также соединились в одну массу. Я, быв верхом и видя драгун, в рассыпном строю скачущих по полю с казаками, вздумал было спастись





Х. Фабер дю Фор. **Сражение при Красном, 14 августа 1812 г.**



**Подвиг генерала Неверовского под Красным.** Хромолитография А. Сафонова, начало XX в.





**Полковник А.С. Колодиров (1776-1818)**  
Шеф 49-го егерского полка

тоже с ними; но усмотрев, что кавалерия неприятельская преследует их и рубит без пощады, повернул моего коня обратно к нашей куче пехоты (тогда точно можно было назвать кучею сию команду; ибо, сбегаясь в одно место, никто не думал строить порядок, колонну или каре)». Между тем майор 41-го егерского Томашевский, «когда велено было ему пройти с артиллериею к отряду [он прикрывал в городе донские орудия, А.П.], то он, усмотрев у неприятеля одно батарейное орудие, взял с собою два взвода, и по сильном сопротивлении отбил оное и доставил к отряду». Канитан Павлов «находился со взводом при отбитии у неприятеля орудия, при чем примерно храбростию и неустрашимостью поощрял своих подчиненных», а поручик Прыгунов 2-й «по достижении со взводом до орудия, поощрял своих подчиненных и ударил в штыки». Поручик Бодакwa, подпоручик Подольский и прапорщик Бугаевский, «когда неприятель, усмотрев нападение на взятое им орудие, опрокинул передок в ров, то они с помощью стрелков и егерей, по приказанию майора Томашевского 1-го, сами принялись за лафет, поставили поспешно орудие на передок и тем способствовали скорейшему доставлению оного».<sup>47</sup> Таким образом, егеря Томашевского отбили одно из захваченных неприятелем батарейных орудий. Неслучайно А. Коленкур писал о 7 трофейных пушках, и лейтенант Деламадь был награждён за захват такого же числа орудий. О потере 7 пушек писал и Неверовский, а Паскевич встретил у Смоленска «пять батарейных орудий, спасшихся от неприятельской кавалерии».

Душенкевич вспоминал: «Мне и теперь живо представляется Неверовский, объезжающий



**Генерал-майор И.И. Палицын (1764-1814)**  
Шеф 41-го егерского полка

вокруг каре с обнаженною шпагою и при самом приближении несущейся атакою кавалерии, повторяющего голосом уверенного в своих подчинённых начальника: «Ребята! Помните же, чему вас учили в Москве, поступайте так и никакая кавалерия не победит вас, не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля; третья шеренга - передавай ружья как следует, и никто не смей начинать без моей команды «тревога». Все было выполнено».<sup>48</sup> Тем временем, по словам Мюрата, «остальная лёгкая кавалерия генерала Груши и III-го пехотного корпуса перешла постепенно через мост и направилась поддержать бригаду Бордесуля; это было тогда, когда начались атаки против этого громадного каре пехоты». Кавалерия 3-го армейского корпуса между 15 и 16 час. получила приказ галопом проследовать через город и преследовать неприятеля. По словам Кёниха, когда русская пехота «была выбита из Красного, мы тотчас прошли через него и перед городом слева от дороги прошли мимо Нея и Мюрата, которые призвали нас к спешному преследованию. Мы последовали по большой дороге растянутой рысью. Мюрат последовал за нами и, как только мы развернулись перед лицом русской колонны, приказал идти в атаку». Согласно рапорту, 1-й вюртембергский полк, «достигнув выхода из дефиле, развернулся в две линии и исполнил первую атаку на неприятельскую пехоту». Рапорт 2-го вюртембергского полка гласит: «Мы повстречали неприятельскую пехоту, силою около 4000 человек, на равнине; она была построена в сомкнутую колонну и осуществляла отступление под прикрытием своей артиллерии. Кавалерия, силою около пятнадцати эскадронов казаков,



была уже устранена приближением нашей кавалерии, к которой присоединились около четырёх-пяти кавалерийских полков 3-го корпуса».

После того, как кавалерия прошла через Красный, за ней следом двинулась 2-я вюртембергская конная батарея капитана фон Брайтхаупта. «Мы следовали с батареей так быстро, как могли, - вспоминал Фляйшман, - но в городе было одно дефиле, которое задержало нас, и многие лошади пали от изнурения. На противоположной стороне города находилась крутая гора, и лишь с величайшим трудом мы взобрались на её вершину с 3 орудиями. Ружейный огонь с каждой минутой становился всё оживлённее, офицеры для поручений короля Неаполитанского и маршала прибывали один за другим и кричали нам: «Артиллерия вперёд!». Мы гнали лошадей из последних сил».<sup>49</sup>

По словам Нея, «в полулье от Красного кавалерия под командой короля Неаполитанского поочередно атаковала и преследовала неприятеля. Русская пехота, покинутая своей кавалерией, сначала двигалась в виде двух сомкнутых колонн, а затем в сплошном большом каре, которое, хотя и окружённое со всех сторон, продолжало своё отступление проворно и постоянно отстреливаясь». Солтык пишет, что русские отступали, «свернувшись в массы побригадно, имея свои орудия в углах колонн», а вюртембержцы говорят, что Неверовский «стянул обе свои пехотные колонны вместе и образовал плотно сомкнутое каре», и отступал в «сомкнутой (serrée) колонне». Рёдер фон Бомсдорф подтверждает, что русские отступали «отныне в одном единственном большом каре». Ляйсских уверял, что «русская пехота построилась в одно каре именно на открытом поле, справа возле уже упомянутой аллеи большой проезжей дороги, чтобы в таком построении продолжить своё отступление». По словам Бисмарка, Неверовский «свернул дивизию в глубокую походную колонну и следовал вдоль липовой аллеи возле большой дороги... Роте, составлявшей хвост его колонны, он приказал отражать залпами передовой эскадрон. Этот огонь только первый раз был правильным; вскоре вся колонна начала стрелять батальным огнём, каждый спускал курок произвольно и на удачу, выстрел повсюду находил противника, ибо число эскадронов, посылаемых главнокомандующим в атаку, умножалось с каждой минутой».<sup>50</sup>

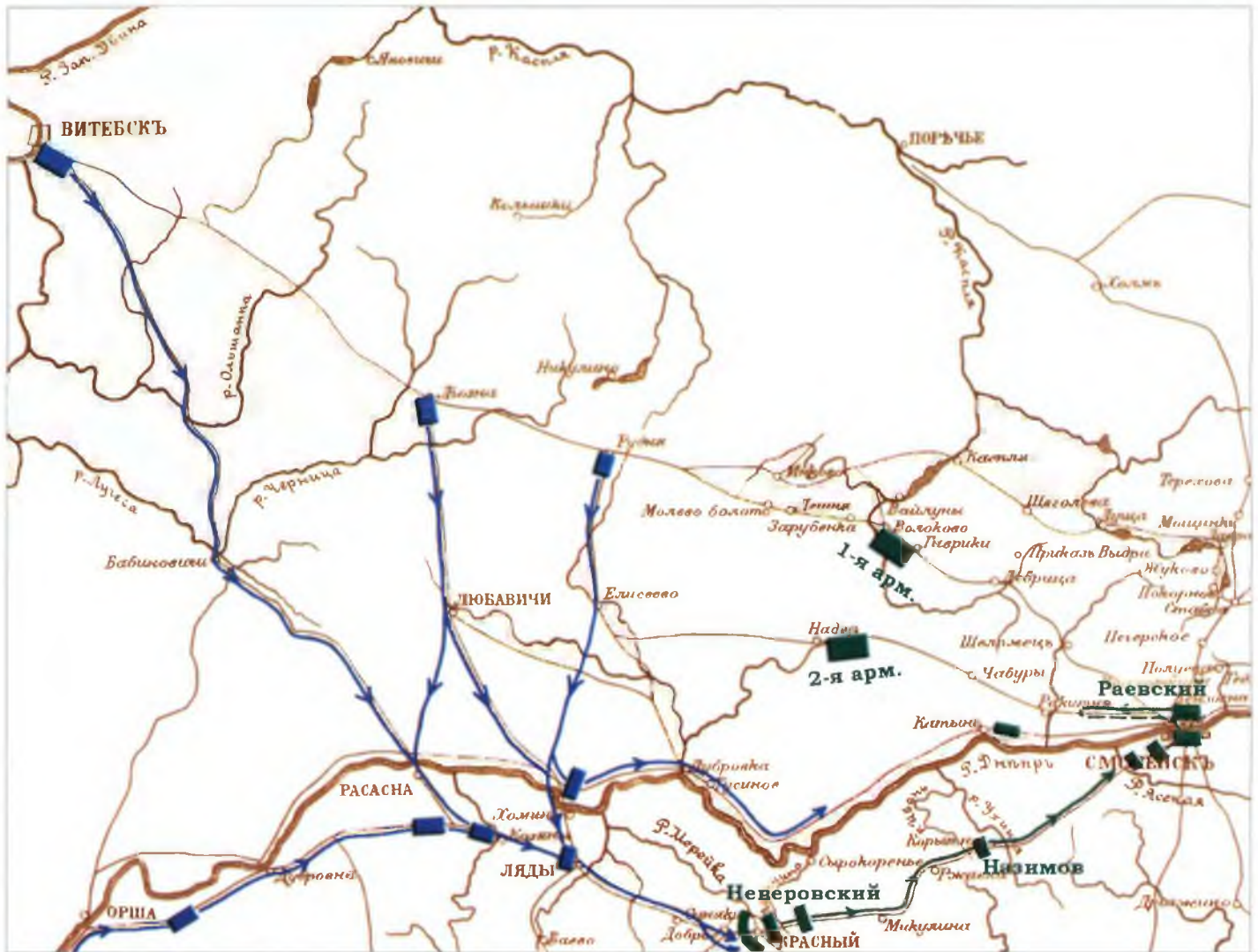
Душенкевич вспоминал, что неприятель, «опрокинувший драгун, изрубивший половину артиллерии и её прикрытие, с самонадеянием на пехоту торжественно стремившийся, подпущен был на ближайший ружейный выстрел; каре... безмолвно, стройно стояло, как стена. Загремело повеление «Тревога!!!», барабаны подхватили оню, батальный прицельный огонь покатился быстрою дробью - и вмиг надменные враги с их лошадьми вокруг каре устлали землю...; один полковник, сопровождаемый несколькими удалыцами, в вихре боя... домчались к углу каре и пали на штыках; линии же атакующие, получа неимоверно славный ружейный отпор, быстро повернули назад и ускакали в великом смятении с изрядною по-

терею. Ударен отбой пальбе, Неверовский, как герой, приветствовал подчиненных своих: «Видите ребята,- говорил он в восторге,- как легко исполняющей свою обязанность стройной пехоте побеждать кавалерию; благодарю вас и поздравляю!». Единодушное, непрерывное: «Ура!» и «Рады стараться!» раздавались ему в ответ и взаимное поздравление».<sup>51</sup> Упомянутым полковником, возможно, являлся командир 6-го шволежерского (легкоконного) полка Л.Ф.М. де Марбёф, сын генерал-лейтенанта и бывшего губернатора Корсики Ш.Р. де Марбёфа, покровителя клана Буонапарте.

Наградные документы гласят, что шеф 41-го егерского полка генерал-майор Палицын «при беспрестанном покушении неприятеля, отражал его во время отступления и равнодушною храбростию подавал пример своим подчиненным». Командир полка Шеин, «будучи ранен, не сложил команды», майор Редриков «по соединении с отрядом, во все время наступления неприятельской кавалерии, командовал правым флангом полковой колонны с примерным влиянием и мужеством». Майор Крамаревский «во все время отступления отражал атаку кавалерии, вливая мужественную твердость в подчиненных», капитаны Бледнов и Ляпунов 2-й «влагали дух твердости» в своих егерей, штабс-капитан Сахайдаков «двукратно отражал неприятельскую кавалерию». Шеф 49-го полка Кологривов и командир батальона 50-го полка майор Антонов, «когда многочисленная кавалерия окружила пехоту, тогда... своими распоряжениями и неустранимостью приводил людей в порядок и отражал храбро неприятельское нападение».

Полковник Княжнин 1-й «при отступлении пехотных полков Симбирского и Полтавского, находившихся в его команде, удерживал неприятельскую конницу от нападения на нашу пехоту, причинял ей сильный вред хорошим распоряжением своим при произведении батального на нее огня». Командующий Полтавским полком подполковник Бобоедов «с отличным мужеством и храбростию распоряжал командуемым полком и, нанося сильный вред кавалерии, отошел в порядке за селение Мерлино». Симбирского полка командир подполковник Ф.К. Рындин и майор Карпов «благоразумными распоряжениями, твердостью и неустранимостью своею не только не дали преследовавшей из Красного артиллерии и пехоте неприятельским, которые непрерывно производили в их карею картечной и ружейной огонь расстроить оню карею, но и многочисленную кавалерию, на пространстве двенадцати верст беспрестанно атаковавшую сию карею, отражали всякий раз с мужеством. Полк, сформированный из рекрут и солдат, в войне не бывших, единственно их мужеству и распоряжениям обязан тем, что хотя потерпел великий урон, но выдержал храбро все нападения неприятеля, а наиболее непрерывные атаки многочисленной их кавалерии, которую каждый раз опрокидывал». Майоры Пивоваров и Ушков 4-й «вспомощество-





Отступление Неверовского 15 августа



Вид города Смоленск. Раскрашенная гравюра, 1814 г.



вали со всем своим батальоном командирам, где более было опасности, там они с присутствием духа подавали пример отличной храбрости. Тот фас, на которой стремилась более неприятельская кавалерия, видел их тотчас посреди себя и одушевлялся их неустрашимостью»; при этом Ушков был ранен.

Капитан Р. Байковский 1-й «в третьем батальоне командовал левым фасом, на которой неприятельская конница наиболее стремилась, и всякий раз отражал оную с особенною храбростию; фас свой, при малейшей расстройке, приводил тотчас в порядок и дважды, по приказанию подполковника Рындина, опрокинул штыками упорную неприятельскую кавалерию, которая, не смотря на сильный ружейный огонь, стремилась ворваться в каре». Капитан Белецкий «командовал в первом батальоне задним фасом, неприятельская артиллерия и пехота особенно на сей фас имели свое стремление, кавалерия же, при малейшем оног колебании, летела на оный, но он с мужеством, содержа людей в порядке, отражал всякий раз неприятеля, искусно сберегая огонь фаса своего». Капитан Логинов, поручики Никифоров, Мартынов, Черкасов, подпоручики Кулак и Чайковский «командовали в обоих батальонах фасами и вообще все с отличною храбростию отражали непрерывные атаки неприятельской кавалерии; их примером ободренные, никогда в огне не бывшие, молодые солдаты оказали опыты непоколебимого мужества, которые все нападения неприятеля сделали тщетными»; при этом Чайковский был ранен.<sup>52</sup> Отсюда видно, что вюртембергская батарея вела огонь по Симбирскому полку, и что французская лёгкая пехота в горячке боя выбежала из Красного и завязала перестрелку с русской пехотой. Можно допустить, что в начале отступления русские пехотные полки были построены в правильные каре, которые вскоре были нарушены сбегавшимися к ним из города егерями и атаками неприятельской кавалерии.

О том, как французская кавалерия осуществляла атаки, детально рассказал участник боя Бисмарк. «По мере того, как эскадроны миновали дефиле, Мюрат, обращаясь к каждому из них и указывая на неприятеля, кричал: «Voilà l'ennemi, chargez ferme! [Вот неприятель, атакуйте решительно]». Ни один из эскадронных командиров не ожидал повторения подобных слов, произнесённых главнокомандующим всей кавалерией; каждый из них посчитал себя совершенно освобождённым от дальнейшей подчинённости непосредственному начальству; каждый кипел нетерпением и искал случая отличиться на глазах храбрейшего из храбрых. Не сохраняя общей связи, начальники эскадронов поочерёдно командовали: «En avant, marche-marche [Вперёд, марш, марш]» и опроретью бросались вслед за неприятелем. Генералы и полковые командиры, без власти и без назначения, скакали вслед за полками, не желая отставаться позади. Таким образом, прекратилось здесь полковое единство, как перед этим, при



Р. Кнетель. Вюртембергские конные егеря Короля и герцога Людвига

прохождении через Красный, прекратилась связь бригадная. Кажется, здесь было predeterminedено, чтобы беспорядку не было границ».<sup>53</sup>

«Неприятель, увидев отступление, удвоил кавалерийские атаки, — пишет Паскевич. — Неверовский сомкнул свою пехоту в колонну и заслонился деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерия, повторяя непрерывно атаки во фланги и тыл генерала Неверовского, предлагала наконец ему сдаться. Он отказался, люди Полтавского полка, бывшего у него в этот день, кричали, что они умрут, а не сдадутся. Неприятель был так близко, что мог переговариваться с нашими солдатами». Это подтверждает и рассказ Андреева, который ехал посередине толпы и, «видя безопасность от наездников польских и французских, иногда любовался их строем. Они одеты были превосходно, лошади отличные, а лучшие у поляков, которые более всех делали на нас атак; но как ни упорны были их атаки, но ничего с нами сделать не могли. Наша толпа похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу при нападении неприятеля, с какой ни есть стороны, батальным огнем отстреливаясь и штыками не допускала до себя». Бисмарк также отметил, что «дивизия Неверовского не сохранила своего прежнего построения; она представляла уже не что иное, как густую, нестройную массу; но, уподоб-









**Рядовой и унтер-офицер мушкетерских полков**  
Раскрашенная литография Л.Киля. РГВИА

ляясь огненному шару, шла безостановочно по открытой местности».

Солтык признавал, что Неверовский «искусно использовал пересечённую местность, отыскивая защиту то в кустарниках, которые во многих местах покрывали местность, то в аллеях деревьев и рвах, которые окаймляли большую дорогу. Пехота московитов, хотя и покинутая своей кавалерией..., держалась хорошо и отступала в полном порядке». Андреев писал, что «взятыми у нас орудиями они пускали в нас несколько ядер и картечь и то сперва, но после, как прислуга и сбруя были ими перерублены, то и не могли тащить орудий, кои и остались на месте. Выстрелы их отняли у нас до 40 человек, иных ранили... Один польский штаб-офицер на отличном карачковом коне четыре раза один подъезжал к нам, когда мы бежали; он преспокойно галопировал возле нас и уговаривал солдат сдаться, показывая их многочисленность, и что мы себя напрасно утомляем, что все будем в плену. Но он напрасно храбрился: нашей роты унтер-офицер Колмачевской приложился на бегу, и храбреца не стало».<sup>54</sup>

В рапорте 1-го вюртембергского полка говорится, что «огромное количество этой пехоты, её хорошо поддерживаемый огонь сделали бесполезными атаки, исполненные каждым эскадроном с пылкостью, достойной похвалы. Следуя их примеру, не только другие полки бригады, но и все те, кто принимал участие в бою, атаковали либо поэскадронно (par escadrons), либо повзводно (par pelotons), и почти каждый раз проникали в силь-



**Обер-офицер и штаб-офицер мушкетерских полков.** Раскрашенная литография Л.Киля. РГВИА

но сконцентрированную неприятельскую массу, причиняя ей большие потери убитыми, ранеными, а также пленными. Это дело не имело другого результата, кроме нового доказательства храбрости и неустрашимости большей части полка». Рапорт 2-го полка сообщает, что, по приказу Мюрата, «вся кавалерия устремилась на эту массу пехоты, но была отбита её убийственным огнём и её сильной позицией. По меньшей мере двенадцать атак возобновлялись то одним полком, то другим; их успех ограничился захватом сотни пленных и убийством ещё большего числа». Сам же 2-й полк «атаковал четыре раза массу этой пехоты, многие сотни были изрублены».

По словам Кёниха, «теперь Мюрат направил (hetzte), в истинном значении этого слова, 6 полков обеих бригад Бёрманна и Мурье (Monsier) один за другим на тесно сомкнутую широкую колонну, собственно кучу (Klumpen) русских, которые двигались, вместо того, чтобы сделать остановку и встретить нас убийственным ружейным огнём. Так как русские тесно стояли один за другим, то только их передние ряды могли направить свои ружья в правильном направлении, чтобы прицелиться в нас, из-за чего получалось, что большая часть пуль пролетала над нашими головами. Напротив, наша кавалерия не могла глубоко вклиниться в неё. Во время одной из атак я добрался до них, но поскольку они едва могли поворачиваться, а передние [ряды] давили на задние из-за нашего удара, они не могли нанести нам потерь штыками. Во время этих постоянно





Х. Фабер дю Фор. **Перед Полоцком, 25 июля 1812 г.** Иллюстрация представляет интерес изображением вюртембергской конной артиллерии в русском походе

повторяющихся атак генерал послал меня назад, чтобы отыскать 2-й шволежерский полк, который после первой атаки не показывался. Оказалось, что Мюрат увёл его на правый фланг и там натравливал на русских. Когда я поскакал назад или, лучше сказать, в сторону, чтобы разыскать полк, я попал под настоящий град пуль из-за названной выше русской стрельбы с перелётом. Вдоль большой дороги стояла кавалерийская дивизия, которая не принимала никакого участия в бою. Её генерал, которого я спросил о полке, сказал мне: «Но скажите мне, что это такое за свинство (sочопегіе) здесь». «Это,- ответил я,- король Неаполитанский, который атакует русских». Результатом этих, по меньшей мере, 12-15 атак было то, что несколько сотен человек русских было взято в плен или зарублено».

«Мы имели,- пишет Солтык,- четырнадцать полков кавалерии, направляемых самим королём, которые постоянно атаквали неприятельские массы. Но эти атаки, проводимые одна за другой, а не вместе, и не поддержанные нашей лёгкой артиллерией, которая не могла присоединиться, не имели никакого результата; наши полки, разъединённые естественными препятствиями, ни разу не смогли добраться до пехоты московитов построенными в линию (en ligne), а та встречала их хорошим непрерывным огнём с пятидесяти шагов и причиняла им большие потери». Брандт вспоминал, что «широкую равнину позади Красного пересекала большая дорога почти в перпендикулярном направлении. Она имела 30-40 шагов в

ширину, с двух сторон была обсажена двумя рядами больших берёз, так что по ней могла идти совершенно без стеснения колонна, шириною во фронт взвода (in Zugbreite), в то время как толстые, большей частью близко друг от друга стоящие деревья обеспечивали её фланги. В низинных местах с обеих сторон дороги были вырыты рвы, чтобы обеспечить сток воды».

«Французские конные егеря и гусары,- вспоминал Ляйссних,- а особенно вюртембергские конные егеря настигали её [пехоту] и дважды безуспешно атаквали; в третий раз ворвались они всё же в неё в одном углу и привели её в беспорядок или рассеяли и частью взяли в плен. Лишь немногие люди и лошади находились на линии ружейного выстрела каре, что доказывает, что огонь пехоты не особенно страшен для быстрой кавалерии, и что неудавшаяся атака поэтому обычно происходит от других, нежели убийственный свинец, случайностей, как то внезапно запнувшееся животное или трусливый страх перед огнём. Давящая лошадьми и рубящая кавалерия также могла самое большее убить нескольких и ранить 30 русских, правда иногда очень тяжело; поэтому все прочие из каре очутились в плену или незначительно ранеными, или совершенно здоровыми, хотя они очень храбро сражались, а атакующие столь же храбро нападали на них, как на учениях. Позади упомянутой атакующей кавалерии стояли в качестве резерва баварцы и саксонцы».<sup>55</sup> Под последними следует понимать три шволежерских полка 17-й бригады лёгкой кавалерии.





**Шволежер 1-го полка (Вюртемберг), 1811 г.**

Между тем, канонада, происходившая при взятии Красного, была услышана на другом берегу Днепра. Есаул Краснощеков с полком Мельникова 4-го отступал по северному берегу Днепра в соответствии с движениями Неверовского на соединение с 6-м егерским полком полковника Грекова. Последний сообщил генералу Сен-При из Катыни: «С 12-ти часов утра отряд господина генерал-майора Неверовского находится до сих пор в сражении против неприятеля; частые пушечные выстрелы мне слышны». Накануне корпус Раевского, которому было приказано выступить из города последнему, вслед за 2-й гренадерской дивизией, выступил тремя часами позже надлежащего, поскольку эта дивизия не трогалась с места. Ермолов пояснил, что командовавший этой дивизией принц Карл Мекленбургский, «проведя вечер с приятелями, был пьян, проспался на другой день очень поздно и тогда только мог дать приказ о выступлении. Промедление сие было впоследствии важнейшею пользою, ибо генералу Раевскому предстояло совсем другое назначение».

Сам Раевский писал, что 7-й корпус выступил не ранее 7 часов вечера, и едва проделал 7 вёрст, как послышалась канонада со стороны Красного. По словам дежурного штаб-офицера корпуса

майора В.Г. Пяткина, вскоре «адъютант Неверовского, ехавший с рапортом к главнокомандующему, известил генерала Раевского, что неприятель с большими силами напирает на отряд Неверовского». Так объяснилась причина услышанной канонады; пройдя 12 верст, Раевский остановился для отдыха. «Через час получено было от князя Багратиона предписание, чтобы генерал Раевский возвратился и следовал... к г. Красному и, заняв на половине дороги позицию, принял бы к себе отряд Неверовского». Командир корпуса приказал генерал-майору И.Ф. Паскевичу поспешить назад. «Раевский приказал мне, - вспоминал Паскевич, - взять восемь батальонов 26-й дивизии и, составив его авангард, идти вперед даже до Красного. Пройдя Смоленск, я встретил несколько трубачей и капельмейстера Харьковского драгунского полка, который сказывал мне, что под Красным было сражение, что 27-я дивизия храбро держалась, но была совершенно разбита, так что только с несколькими трубачами едва мог уйти».<sup>56</sup> Заметим, что ни Багратион, ни Раевский ещё не представляли себе реальной численности противника, напавшего на Неверовского, возможно, из-за неясного сообщения последнего.

Паскевич со слов Неверовского пишет, что «на пятой версте отступления был самый большой натиск французов, но деревья и рвы дороги мешали им врезаться в наши колонны. Стойкость нашей пехоты уничтожила пылкость их натиска. Неприятель беспрестанно вводил новые полки в дело, и все они были отбиты. Наши, без различия полков, смешались в одну колонну и отступали, отстреливаясь и отражая атаки неприятельской кавалерии. Таким образом, Неверовский отошел еще семь верст». Душенкевич также отметил, что французы «должны были не далее пятой версты от Красного положить всех нас непременно». Капитан М.Э. Бодю писал, что Неверовский «использовал для прикрытия себя на этой обширной равнине деревья, которые окаймляли дорогу и дощатые ограды, которыми были окружены некоторые поля».<sup>57</sup>

В том месте, где прерывались на некоторое расстояние берёзовые аллеи и рвы вдоль дороги, обнесённая плетнями деревня (возможно, д. Стена) едва не расстроила его ретираду. «Чтобы не быть совершенно уничтоженным, Неверовский принужден был оставить тут часть войска, которая и была отрезана». Душенкевич вспоминал, что «копны с плетёным забором, встреченные нами, и плотина, коих обойти невозможно было, причинили неизбежную, но незначительную потерю в людях, которые без тех препятствий остались бы во фронте». Неприятель захватил тыл русской колонны. Возможно, к этому времени следует отнести рассказ Гаевского. «Несмотря на изгнание неприятеля с позиции и захвата нескольких тысяч пленных, он отступал с грозным видом и не обнаруживал никакой деморализации; очевидно было, что он отступал в результате получаемых приказаний, несколько не подавленный. Увидев наступление конницы, несколько батальонов



российской пехоты упали на землю, совсем не защищаясь. Кавалерия, считая, что они сдались, миновала их и направилась к другому войску, в то время как те поднялись и дали залп с тылу по нашим солдатам. Возник беспорядок в полку гусаров, попавших между двух огней, но в этот самый час на поле боя прибыла бригада конных егерей, напала на хитрых и вероломных москалей и всех до единого переколола». <sup>58</sup>

Похоже, что именно в это время Мюрат вновь бросил в атаку вюртембергскую кавалерию. «Полковнику графу фон Норманну удалось, - гласит рапорт 2-го швележерского Лейб-полка, - во главе лейб-эскадрона своего полка, достигнуть хвоста неприятельской колонны; но задержанный плетнями, он вынужден был отказаться от атаки. 1-я конная батарея, прибыв наконец, хотя и потрепала сильно неприятельскую массу, но не смогла её сокрушить». Лейтенант этой батареи Фляйшман вспоминал: «Мы напрягали последние силы лошадей и достигли, наконец, русскую пехоту, которая образовала кучу (Клитрен). Всего в ста шагах от неё мы сняли орудия с передков и стали стрелять картечью. Это произвело ужасное действие на сомкнутую массу людей. В этот момент оба наших швележерских полка, наш конноегерский полк, 4-й конноегерский и 6-й уланский полки атаковали один за другим, но все были отбиты с большими или меньшими потерями. Русские открыли столь сильный огонь, что колонна стала подобна кратеру, непрерывно извергающему огонь. С необъяснимой горячностью король постоянно вновь подгонял туда полки, когда они, будучи отброшены, едва только собирались. Таким образом, они скакали вперемежку впереди и вокруг нас и мешали свободному и эффективному употреблению орудий. Крик и беспорядок продолжались; с невозмутимым хладнокровием русская пехота отбивала повторявшиеся атаки кавалерии».

Другой вюртембергский артиллерист, лейтенант Ф. Кауслер пишет: «Как только наша 2-я вюртембергская батарея приблизится на близкий картечный выстрел и приступит к расчищению бреши в этой компактной живой стене русской пехоты, так необдуманно горячий Мюрат сейчас же и закроет дула наших орудий полками своей кавалерии, которую полк за полком бросает в атаку, обрекая нашу батарею на невольное бездействие, и безуспешно пытается врубиться в русскую пехоту». По словам Солтыка, вюртембергская батарея прибыла в конце дня и, «ведя обстрел, произвела большие опустошения в неприятельских рядах; в одну из колонн врубился 9-й польский уланский». Рапорт вюртембергской артиллерии гласит, что бой длился 4 часа. <sup>59</sup>

Бисмарк отмечал, что все успешные и «неправильно направленные атаки не имели другого следствия, кроме уничтожения даже эскадронной связи и приведения всей конницы в состояние неслыханного беспорядка... Тицетно пытались вышшие офицеры собрать эскадроны и полки: никто не понимал друг друга, никто не слушал, никто

не слушался. Дисциплина и тактика потеряли здесь своё значение. Всё пришло в совершенный хаос. Между тем, собралось восемь батарей конных рот; они следовали в тесной связи и в примерном порядке. Храбрые командиры этих рот умоляли уступить им места, хотя бы столько, чтобы можно было дать по одному залпу; напрасно! Никто не внимал им.

Маршал Ней прискакал к королю, стараясь успокоить его и убедить принять тактические построения. Тицетно; нетерпение увлекало короля. Отвергая любой совет и слушаясь только своей пылкой храбрости, он беспрестанно передавал громкое и гибельное «chargez ferme!» - в среду нестройной массы, уничтожая тем все усилия полковых и эскадронных командиров к восстановлению порядка. Король опасался, чтобы пехотная дивизия не ускользнула, опасался потерять лишнее время тактическими распоряжениями; считал короче и естественнее броситься безо всяких соображений на неприятеля. Его необузданная храбрость служила примером для всех; он бросался лично туда, где видел опасность.

Но при самом беспорядочном нападении необходимо некоторое устройство, которым можно было бы руководствоваться для нанесения общего удара. Адъютанты же короля и его многочисленные ординарцы летали по всем направлениям, повторяя всем и каждому роковые слова «chargez ferme!». От этого-то и произошло, что атаковали на одном пункте, когда на другом нападение ослабевало; недоставало единства распоряжений, как недоставало согласия в натиске. Наконец, все полки, перемешавшись между собою, представили безобразную картину иррегулярной конницы, сбросившей с себя все законы порядка и дисциплины». <sup>60</sup>

По словам Паскевича, Неверовский с самого начала боя «заслонился деревьями, которыми обсажена дорога», а на пятой версте отступления, когда был самый сильный натиск французов, «деревья и рвы дороги помешали им врезаться в наши колонны». Андреев писал иначе о начале боя: «Поле было широко и ровно; было где разгуляться. Одна наша беда была, что неприятель не допускал нас выйти на дорогу, которая... обсажена в два ряда по сторонам густо березами, что мешало бы более кавалерии близко к нам доезжать». Это противоречие, как кажется, помогает разрешить сообщение Душенкевича. Призывая в свидетели участников боя П.С. Лошкарева и А.А. Унгебаура (дивизионного адъютанта), он уверял: «Мы вышли на большую дорогу, деревьями усаженную, но уже после встречи препятствий (копен и плетня). И именно после этого «французы, пользуясь гладкою, как платформа, дорогою, тотчас начали подчинять нашими же картечами, как бы в досаде подгоняя шибче отступать; но мы продолжали следование свое в строгом порядке и под сопровождением картечным. Французы же и тем ничего не выиграли». <sup>61</sup>

Между тем Лесли со взводом харьковских драгун, собрав необходимые сведения, «возвращался к своему отряду; но сверх всякого ожидания,





Х. Фабер дю Фор. **Рядом с Бешенковичами, 29 июля 1812 г. (фрагмент)**. На иллюстрации изображены вюртембергские конные артиллеристы в русском походе

встретил отряд неприятельских гусар при деревне Лучках [Лучково]. Не видя другого средства проложить себе дорогу как пойти в атаку, он не задумался, пошел, разбил неприятеля и очистил путь, при этом взято им в плен 9 человек с лошадьми; но чтобы присоединиться к своему войску он должен был проходить деревни, занятые французскими мародерами; увидев пленных своих соотечественников, французы открыли сильную стрельбу, к счастью не причинившую ему никакого вреда, и в продолжении пути несколько раз неприятельские отряды гнались за ним, желая отбить своих пленных. Не доезжая 3 верст до г. Красный, он увидел себя отрезанным и окруженным неприятелем; оставалось одно средство к спасению - броситься в лес - и он скрылся там с пленными; неприятель далее не смел преследовать его. В лесу П.Д. Лесли нашел многих жителей г. Красный, сообщивших ему, что их город несколько часов как занят французами. С проводником, окольными дорогами, он возвратился к нашим войскам. Генерал Оленин удивился, увидя Лесли и взвод драгун целыми и невредимыми; он считал их погибшими». Согласно наградному документу, поручик Харьковского полка Спановский, «быв на обсервационном посту у берега Днепра при Лучках с 25 драгунами, удержал пост до двух часов пополудни, был уже отрезан, но по отличной способности замечал местоположение, успел соединиться с отрядом».<sup>62</sup>

После неудачной атаки вюртембергских кавалеристов пехотинцы Неверовского продолжили отступление, направляясь к дефиле. Груши собирался воспрепятствовать этому движению, но

Мюрат, обманутый ложным донесением, отклонил большую часть его кавалерии в сторону, оставив ему лишь около 600 коней 11-й бригады. Груши направил 8-й конно-егерский полк, чтобы овладеть дефиле, но он был слишком слаб, чтобы остановить Неверовского. 6-й гусарский полк атаковал колонну слева, но также неудачно. Неверовский писал, что его пехота, «окруженная многочисленной неприятельской конницей и поражаемая картечными выстрелами, но не взирая ни на силу неприятеля, ни на опасности, она ружейным огнем и штыками прокладывала себе дорогу. Неустрашимость и храбрость русского солдата явились во всем своем блеске. Должно сказать, что одна твердость и мужество могли преодолеть те препятствия, которые на каждом шагу встречали егерские и пехотные полки при отступлении от реки Лоствины до селения Мерлина, в 5 верстах от той реки отстоящего».<sup>63</sup>

По словам Фельдера, Груши получил приказ опередить противника, спешившего к теснине, но опоздал. За версту до речки Неверовский встретил высланный ранее отряд Назимова, который устроил по обе стороны дороги укрепления, а орудия разместил на возвышенности. Неверовский сообщил в реляции: «Батальон 50-го егерского полка, посланный для очищения тылу наших позиций, был мною здесь остановлен и поставлен на высоте близ Мерлино («для прикрытия дефиле», сказано в наградном документе); Донская артиллерия присоединилась к оному, а батарейная рота и конница пронеслись мимо, ничему не внимая (и «пронеслась к самому Смоленску»). Харьковский полк один, после справясь, прикрывал ретираду.





Х. Фабер дю Фор. **Славково, 27 августа 1812 г.** На иллюстрации изображены гренадеры Старой гвардии во время русского похода

Сильный батальный огонь и действие двух донских орудий остановили стремление неприятельской конницы, которая и принужденною нашлась оставить тщетные усилия на нашу пехоту, ретировавшуюся под прикрытием помянутого батальона, который, наконец, бросился в штыки и тем совершенно изумил неприятеля. После сих действий отступил я к Корытне». Майоры Тихановский и И.Е. Бурман, капитан Дейч, поручики Лисовский и Войнич, подпоручик Осипов «у перехода через мост при селе Мерлине встретили неприятеля с отменною храбростию и, остановя его в сем месте, доставили время отряду перейти через мост и, устроясь, отойти в безопасности далее».<sup>64</sup> По словам Андреева, в 8-м часу вечера «показался вдали лес, а перед ним высокая и длинная гора, параллельно протянута пред нами, на которой наш дивизионный начальник резерв свой, бывший из одного батальона нашего полка, выстроил в одну шеренгу егерей и остановленных ими драгун и казаков с донскими двумя орудиями, кои с высоты по неприятелю сделали несколько выстрелов. Французы, полагая, что резерв велик, пехота и артиллерия, и видя сзади лес и уже близко вечер, остановились, и мы, пробежав мимо своих, начали выстраиваться по полкам, пришли в порядок». Неверовский признавался: «Меня спасло, что я послал один батальон, две пушки и казачий полк занять дефилею... Далее неприятель не смел меня преследовать». Мюрат

писал, что неприятель вынужден был «искать спасение за последним оврагом, который защищался артиллерией и двумя резервными батальонами, которые прикрывали его прохождение, и ночь положила конец этому яростному сражению. Вся моя кавалерия заняла позицию на поле боя; III-й корпус - позади, соприкасаясь с моей кавалерией». Лёгкая кавалерия 3-го корпуса расположилась биваками на поле боя. 24-й полк лёгкой пехоты «присоединился к кавалерии, которая отбросила неприятеля до Корытни и остановился с ней впереди этой деревни».

Андреев пишет: «Мы были на бегу и в сражении от 10 часов утра до 8 полудня, пробежали 25 верст и каждый шаг вперед оспаривали дракой». По свидетельству Душенкевича, бой длился «с двух пополудни до 7-ми час. вечера», а по словам вюртембержцев, он длился 4 часа и завершился в 20 час.<sup>65</sup> «На закате,- вспоминал Гриуа,- мы заняли позицию и расположились биваками на местности, которою мы овладели. Я там нашёл четырёх русских солдат, которых моя артиллерия вывела из строя; у всех были оторваны руки или ноги, но они были ещё живы и не стонали и не зывали о помощи, напротив, они её отклоняли и проявляли склонность умереть там, где находились. Я не мог понять этого рода пассивного мужества». Лишь позднее полковник стал замечать, что русские солдаты, «по своему невежеству и легковерному суеверию», умирали, обнимая образ святого





**Дивизионный генерал  
Э.-М.-А.Ш. Нансуги (1768-1815)**

Николая, который они постоянно носили с собой, полагая попасть прямиком на небо и почти благоговая удар, который их туда направлял.<sup>66</sup>

Между тем Паскевич, выступив из Смоленска, «встретил в 3 верстах адъютанта генерала Неверовского и пять батарейных орудий, спасшихся от неприятельской кавалерии. От адъютанта узнал я, что Неверовский действительно потерял половину людей, но отступил в порядке и находится в 6 верстах».<sup>67</sup>

Перейдя через речку у Мерлино, русские держались здесь до наступления ночи. Фляйшман с горечью констатировал: «К стыду нашего командира и к высшей славе неприятеля, ускользнул, в конце концов, с помощью наступившей ночи, остаток русской пехотной колонны почти в 3000 человек, из которых, строго говоря, ни один не должен был ускользнуть, если бы атаки осуществлялись с благоразумием и рассудительностью». Очевидно, ещё до полуночи Неверовский написал Багратиону из Корытни: «Я с отрядом моим отступил к станции Корытно». Тогда же Глебов получил известие Неверовского о том, что он «отступил от Красного до Корытна». На другой день, 3/15 августа Глебов донёс Багратиону из Катыни, что «Неверовский с отрядом от Красного отступил вчера к вечеру в Корытну, а сегодня из Корытной по утру к Смоленску». Таким образом,

за ночь Неверовский отошёл ещё на 19 вёрст до оврага, находившегося у речки Ясенной. Утром Неверовский сообщил: «Отступил я к Корытне и сего числа пришел в селение Ясенное, оставив в Корытне для наблюдения казачьи полки. В Ясенной получил первое известие от господина ген[ерал]-лейт[енанта] Раевского, что он с корпусом своим... идет на подкрепление вверенного мне отряда».

На рассвете майор Пяткин был послан Раевским в Смоленск, где «узнал от казаков, прибывших туда с вьюками, что отряд Неверовского, будучи окружен огромными массами неприятельской кавалерии, подвергся совершенному истреблению». С этим неприятным известием Пяткин возвратился к генералу. Сам Раевский пишет, что направил адъютанта, чтобы получить информацию, но затем явился кто-то, ни имени, ни звания которого он не запомнил, и сообщил, что «Неверовский со своей дивизией истреблен (*était exterminé*)». Раевский не поверил этому сообщению и поехал спросить совета у генерала А. Беннигсена, находившегося в Смоленске. Тот подтвердил ему ложность этого известия, но указал на опасность его положения и рекомендовал оставить артиллерию на северном берегу Днепр. Не послушавшись этого совета, Раевский прошёл через Смоленск и расположился в 1-2 верстах перед городом.

Паскевич вспоминал: «В семь часов утра я соединился с Неверовским и сообщил ему приказание корпусного командира передать мне командование авангардом, а ему присоединиться к корпусу. Войска мои заняли позицию за оврагом». Михайловскому-Данилевскому Паскевич сообщил: «Совершив подвиг и соединясь со мною, Неверовский предавался совершенному отчаянию. Он думал только о понесенных потерях, и я не мог утешить его, сколько ни повторял ему, что его отступление было не поражение, но торжество, соображая несоразмерность сил его с силами Мюрата».<sup>68</sup>

В 7 часов утра 15 августа с бивака у Мерлино Мюрат написал: «Неприятель ночью продолжил своё отступление. Рекогносцировки ничего не обнаружили. Я двинусь маршем в восемь часов утра. Необходимо дать это время войскам, которые всю ночь с 13 на 14 прошли на конях и которые сражались вчера до девяти часов вечера». Между тем Наполеон утром выехал из Россасно в Красный, куда было приказано выступить и гвардии. «По пути,- вспоминал Коленкур,- он получил сведения, что завязался бой между кавалерией и русской дивизией, которой... было поручено прикрывать Красный. Он помчался туда галопом, но вскоре узнал, что бой уже кончен, и встретил неприятельские орудия, отбитые нашими войсками и сопровождаемые храбрецами, захватившими их. Каждый из них получил значительную денежную награду, а орудия были переданы гвардии, которой было поручено хранить эти первые трофеи кампании. Согласно донесениям, полученным императором, русская дивизия... держалась хорошо, образовала несколько каре и доблестно защищала свои орудия и свои





**Бригадный генерал Э. Бордессуль (1771-1837)**

позиции. Прорвать каре не удалось..., при отступлении дивизия потеряла семь орудий. Выдержка ее была такова, что она дождалась вечера и воспользовалась дефиле, которые и спасли ее от полного разгрома... Сведения, полученные от нескольких раненых русских, взятых в плен, положили конец всяким сомнениям императора и подтвердили ему факт передвижений генерала Баркляя де Толли на правом берегу... Всем корпусам было приказано ускорить свое движение на Смоленск.<sup>69</sup>

Фляйшман вспоминал, как утром 15 августа им сообщили, что Наполеон произведёт смотр войскам, а вюртембергская батарея должна будет при его появлении произвести 12 выстрелов. «Мы были готовы, когда в 9 часов император появился на возвышенности. Мы начали стрелять, но в тот же момент к нам подскакали несколько офицеров из свиты императора и прокричали: «Не стрелять, император это запретил!». Мы прекратили. Когда он проезжал мимо нас, то остановился и спросил маршала: «Это батарея генерала Бёрманна?». «Да, Сир», - ответил герцог. Он поскакал далее и ещё некоторое время говорил с ним. Вскоре после этого маршал возвратился к нам, встал перед фронтом и сказал: «Император поручил мне передать вам своё удовлетворение; он надеется, что вы и впредь сохраните и увеличите славу, которую вы приобрели своим прежним поведением». Кёних также пишет, что «в свой день рождения Наполеон проскакал через поле боя и ве-



**Бригадный генерал Ж.-С. Домон (1774-1830)**

лел, в частности, через маршала Нея, от которого я держался на некотором удалении, похвалить командира нашей конной батареи капитана Брайтхаупта, который, если я правильно помню, получил офицерский крест [ордена] Почётного легиона». Майор гвардейской артиллерии Ж.Ф. Булар, канонирам которого было поручено отвезти захваченные у русских орудия, вспоминал: «Были слышны полковые оркестры и 100-орудийный салют вдоль линии. Наполеон заметил, что они не могут позволить себе так растрачивать порох, но улыбнулся, когда Мюрат ответил, что он был взят у русских».

Капитан А. Бялковский видел французских драгун, сопровождавших взятые орудия и русских пленных. Гвардия в тот день подходила к Красному. Капитан Л.Ф. Фантэн дез Одоар записал в дневнике: «Вчера это место было театром довольно кровопролитного боя, судя по трупам, разбросанным по улицам и по дорогам. По этому случаю Красный был разорён. Две его греческие церкви также разграблены, но к счастью ещё стоят, будучи загромождены мёртвыми и ранеными русскими и французами, нагромождёнными вперемешку. Я нашёл хоры одной из них занятыми кучей русских музыкантов, изрубленных накануне в центре одного из их разбитых каре. В момент катастрофы эти несчастные напрасно позаботились поднять в воздух свои инструменты, чтобы засвидетельствовать своё безобидное предназначение; сабли наших безжалостных кирасир тем не менее опу-



мились на них, и все они были более или менее покалечены». Главный хирург армии Д.Ж. Ларрэ также упоминает брошенных в Красном русских раненых. «С нашей стороны,- пишет он,- мы имели пятьсот, почти все поражённые ударами холодного оружия. Я оставил в этом городе много санитарных офицеров, чтобы обслуживать госпиталь, который был учреждён там».<sup>70</sup>

В 14 часов Неверовский явился к Раевскому. Последний вспоминал: «Он сообщил мне, что прибыл со своей пехотой, потеряв несколько орудий, что он оставил своих казаков на аванпосту в семи-восьми верстах от города, что противник остановился, чтобы переночевать, и что он имеет большие силы». По словам Паскевича, «в 4 часа пополудни показались неприятельские фланкеры, а потом его авангард». В 17 часов Раевский услышал выстрел из пушки, и вскоре к нему явился казачий офицер с сообщением, что противник идёт на Смоленск и аванпост отступает перед ним. Вечером огромные массы кавалерии Мюрата развернулись перед корпусом Раевского и расположились на ночёвку.<sup>71</sup>

Подводя итог боя, Мюрат написал императору: «Более 30 атак были предприняты против каре; все кавалерийские полки атаковали поочерёдно и несколько раз вместе; три раза наша кавалерия врывалась в каре во главе с генералами Бельяром, Дери, Орнано и Бордесулем. Если со стороны кавалерии я никогда не видел столько отваги, то следует признать, что я никогда не видел более неустранимости со стороны неприятеля, ибо это огромное каре, постоянно окружённое, атакованное с флангов и с тыла, было вынуждено прокладывать путь штыками против нашей кавалерии, которая постоянно перерезала ему путь отступления». По его словам, было захвачено 1500 пленных, 8 орудий и, по меньшей мере, 1500 русских было убито; они должны иметь значительное число раненых. По свидетельству Фляйшмана, «среди множества пленных, которых доставляли к нам во время и после боя, лишь немногие были не ранены».

В свою очередь Ней доложил маршалу Л. Бертье, что кавалерия произвела более 40 атак. «Русских преследовали до высоты дефили у Корытни,- пишет он.- У них взято 8 орудий, пленено около 800 человек и убито по меньшей мере 1000. Следовательно, эта дивизия, которая являлась 27-й, состоявшей из четырех полков мушкетёров, двух - егерей, под командой генерала Неверовского, должна была потерять убитыми, ранеными и пленными половину своего состава... Потери армейского корпуса составили около 200 человек убитых и раненых». Оба маршала сообщили, что, согласно показаниям пленных, в Смоленске войск мало, а русские армии двинулась на Поречье и находится в 4-5 днях пути от города. Явно обрадованный Бертье в 23 часа написал Б.Г. Марэ: «Этим вечером мы имели прекрасное (belle) авангардное дело. Противник имел в Красном целую дивизию; эта дивизия была опрокинута. Мы взяли восемь пушек, двенадцать зарядных ящиков,

1200-1400 пленных, а остальные убиты или зарублены. Завтра армия продолжит своё движение к Смоленску».

Мюрат перечислил отличившихся в этом бою: «Генерал Бельяр, который постоянно был во главе всех атак, генералы Дери, Орнано, Бордесуль, Пиньятелли, Бёрманн, Домон, под которым была убита лошадь, князь Кариати, мой офицер-ординарец и мой италмейстер Карафа, под которым была ранена лошадь. Отличился весь штаб герцога Эльхингенского, но особенно шеф эскадрона Лабуассьер и капитан Дюбрёй, адъютанты герцога. Все мои адъютанты вели себя с привычной храбростью. Полковники Борелли и Гобер и шеф эскадрона Робер, под которым убита лошадь, и господа Беранже и Сен-Женье, офицеры штаба, также отличились». Ней испрашивал звание полковника для Ф.Ж. Лабуассьера и крест Почётного легиона для помощника начальника штаба Дюбрёя. В 13 бюллетене «Великой армии» особо отличившимися названы генерал Бордесуль и 3-й конно-егерский полк и сказано, что захвачены 8 пушек, из которых одна 12-фунтовая и 2 единорога, а также 14 запряжённых зарядных ящиков и 1500 пленных; на поле боя осталось более тысячи русских трупов, так что русская дивизия из 5 тыс. чел. потеряла половину своих людей. Правда, секретарь-переводчик Наполеона Э.Л. Леронь д'Идевилль написал Марэ, что «перед императором продефилировали 5 пушек и около 600 пленных».<sup>72</sup>

Неверовский сообщил, что его урон «простирается до 1500 человек убитых, раненых и безывестно пропавших. Точного же исчисления потери по краткости времени, я до сих пор сделать не мог». Позднее он уточнил: «Потеря была у меня велика: 1200 рядовых убитыми и ранеными, 20 штаб и обер-офицеров, и адъютант мой, Евсюков, подле меня смертельно ранен, и умер тут же».<sup>73</sup> В.И. Вяликов подсчитал русские потери на основании полковых ведомостей - убито 346 (25 офицеров, 321 солдат), ранено 285 (27 офицеров, 258 солдат), пропало без вести 647 (20 офицеров, 627 солдат), всего 1278 чел. Впрочем, реальная цифра была несколько выше, поскольку Вяликов учёл не все потери. К тому же, реальное число раненых было большим, поскольку почти все без вести пропавшие попали в плен, и среди них было множество раненых.<sup>74</sup>

«В ожидании верного известия от Неверовского,- вспоминал Пяткин,- генерал Раевский остановился с корпусом в 4 верстах от г. Смоленска. Вскоре после сего представил я Раевскому взятого казаками в плен французского офицера, назвавшегося адъютантом Мюрата. Раевский принял его ласково» и пленный рассказал, что «перед нами стоит Наполеон с главными силами и что завтра, то есть 4 августа атакует нас всеми силами в честь дня своего рождения. Спустя несколько времени прибыл и генерал Неверовский с остатками его пехоты. Он донес генералу Раевскому, что французы отбили у него несколько орудий, и что потеря в людях довольно ощутительна, что неприятель остановился на ночлег верстах





**Рядовой мушкетерских полков, 1809-1812 гг.**

из "Историческое описание одежды и вооружения..."

в 8 от Смоленска, что войска, поражавшие его, весьма многочисленны, и что казаков оставил он на аванпостах. Генерал Раевский донёс обо всем» Багратиону, который сообщил, что «Раевский, удвоив марш прошед без привалу 40 в.», соединился с Неверовским в 6 верстах от Смоленска.<sup>75</sup>

Утром 3/15 августа Багратион сообщил Барклаю из Надвы, что «вчера с нашим обсервационным корпусом сражался корпус Нея, что он направил генерала Карпова с 3 казачьими полками с приказом переправиться через Днепр, чтобы открыть неприятеля». Багратион получил донесение Смоленского губернатора К.И. Аша от 2-го числа: «Дворянин Красненского уезда князь Друцкой-Соколинский... объяснит вашему сиятельству сражение сего дня, в Красном происходившее, и последствия оно», однако сам вестник ещё не прибыл из-за усталости лошадей. Багратион двинулся было сам перейти на левый берег, чтобы потеснить противника, если этого ещё не сделал Раевский, но на марше к Катыни получил новые сведения. Сначала Карпов донёс, что Неверовский отступил в Корытно и потому есаул Краснощек с полком Мельникова 4-го, «смотря по отступлению его, следует к селению Катыни для соединения с 6-м егерским полком... Партия, посланная к селению Кузину, сию минуту донесла мне, что неприятель из города Красного имеет движение по большой дороге к городу Смоленску».



**Рядовой мушкетерских полков, 1812-1817 гг.**

из "Историческое описание одежды и вооружения..."

Прибыв затем в селение Башутку, Карпов и там не смог «переправиться на левый берег потому, что неприятель по дороге..., начиная от Красного до Корытна, тянется частями и сегодня пушечная стрельба, по объявлению здешних жителей, действительно была в Корытно». Поскольку бродов поблизости не оказалось, Карпов направился в Катынь, но «несколько партий переправил вплавь через Днепр, чтобы они открыли неприятеля». Спустя какое-то время, взятые этими партиями 20 пленных показали, что на левом берегу находится всё французская армия! Только теперь Багратион понял, что Раевский не сможет противостоять таким силам, и поспешил в Смоленск, куда призвал и Барклая. Получив вскоре рапорт Неверовского, он тут же переслал его Барклаю, прибавив: «Надеяться нельзя, чтоб он мог долго защищаться, и мне ничего не остается, как идти скорее в Смоленск, дабы соединиться с ним на правом берегу Днепра».<sup>76</sup> То есть Багратион уже не надеялся на то, что Смоленск удастся удержать.

\*\*\*

Как же оценивали участники боя и современники его результаты и значение. Андреев с гордостью писал: «Сражение наше есть необыкновенное:

Стр. 86-87. А. Ежов. **Атака 2-го вюртембергского шволежерского полка при Красном** ►









Р. Кнетель. Адьютанты Неаполитанского короля

без привалов и порядка, не слушаясь начальников (да и кого же слушать?), толпа наша была смешана из разных полков, и сами без команды отбивались и бежали. Всего нас было 9 баталионов, а их, ужас! 38 полков отличной кавалерии и начальник их Мюрат... Ура! 27-я дивизия не поддавалась. Голубчики не струсили; не дали неприятелю торжествовать... Первое сражение, дивизия молодая, рекруты, но отделались. Хвала и Неверовскому: он остановил стремление неприятеля и обессмертил свое имя сим сражением, выведя свою дивизию, можно сказать, невредимою». Неверовский в донесении от 16 августа писал, что он «при этом отступлении увидел, до чего может возвыситься мужество и неустрашимость русского солдата, преодолевая все препятствия, неприятелем на пути ежеминутно полагаемые», и без ложной скромности признавался родственникам: «Дело сие бессмертную мне славу делает; ибо последствие то, что неприятель был задержан два дни, и наши армии успели возвратиться в Смоленск, куда я привел неприятеля на плечах своего отряда». Гордостью наполнены и слова Душенкевича: «Вот первая встреча новоформированных воинов России числом 5 тыс. против 25-ти тыс. тщеславной кавалерии под предводительством громких маршалов Франции... Они же получили урок, весьма не новый, оторопивший всех - от первого маршала до последнего солдата, то есть «качество войска преимущественнее количества»... и мы взаимно оправдали оный во всей силе».

В донесении императору от 5/17 августа Багратион написал, что неприятель, «атаковал всеми силами слабый наш наблюдательный корпус. Г.-м. Неверовский, командовавший оным, держался 10 часов против всей конницы маршала Ней, где было более 18 полков кавалерии с пехотою..., был в верст сряду окруженным всею неприятельскою силою и хотя урон у него значущий, но нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какою дивизия его, совершенно новая, дралась противу чрезмерно превосходных сил неприятельских, можно даже сказать, что примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя». Ф.В. Ростопчину Багратион написал 16 августа: «Дивизия новая 27-я Неверовского так храбро дралась, что и не слыхано». Сен-При также привёл Александру «прекрасный пример в отступлении, которое осуществил генерал Неверовский от Красного до Смоленска с войсками, совсем новыми, который, постоянно окружённый более чем 50 эскадронами, ни разу не позволил себя отрезать, бился в рукопашной схватке с неприятельской пехотой; это самое максимальное, что можно было бы ожидать от солдат более обстрелянных». К.Ф. Толь позднее писал о Неверовском: «Збегать часов времени держался он на пространстве 45-ти верст, и наконец, потеряв до 1500 человек и пять орудий, 4-го числа к вечеру отступил к городу Смоленску». По мнению Д.П. Бутурлина, Неверовский, несмотря на большие потери, «успел сохранить большую часть войск своих, среди столь великой опасности, что генерал, менее его твердый духом, не преминул бы положить ружье».<sup>77</sup>

Как видим, уже изначально русские участники войны делали акцент на значительное численное превосходство неприятеля и на то обстоятельство, что ему противостояли молодые, необстрелянные войска, в пылу восторга «забывая» о том, что рекруты составляли лишь половину отряда Неверовского. Кроме того, явно завывшалась продолжительность боя.

Впрочем, не только русские воины осознавали величие своего подвига. Заслуги российской пехоты признавали и все участники боя с неприятельской стороны. Так, лейтенант Ведель писал: «Мы произвели бесчисленные кавалерийские атаки на спешно отступающего противника, однако не удалось привести его в расстройство. Спокойствие и хладнокровие русской пехоты, которую мы постоянно преследовали вплоть до темноты, достойны восхищения, она одна спасла отряд». Мюрат признался императору, что «никогда ещё не видел больше отваги со стороны неприятеля». Ней писал, что русские отступали «в хорошем порядке» и «с проворством». Гриуа засвидетельствовал, что русские «совершили прекрасное отступление (*une belle retraite*)..., они держались непоколебимо и оставили поле боя только после упорного и смертоносного боя». По словам Ф. Сегюра, «честь этого дня принадлежит французской кавалерии. Атака была настолько же ожесточённая, насколько была упорна защита. На стороне последней имелось больше заслуг, так как она



могла употреблять только одно железо, против огня и железа». Ж. Шамбрэ отметил, что «дело под Красным являет достопамятный пример превосходства хорошо обученной и хорошо предводимой пехоты над конницей». <sup>78</sup>

Паскевич заявил: «Немного чести их кавалерии, что 15 тыс. в сорок атак не могли истребить 6 тыс. нашей пехоты». Душенкевич, Ермолов, Данилевский и многие историки специально подчёркивали низкое качество французской кавалерии, поскольку она не смогла управиться с «горсткой» молодых русских рекрутов. Подобные заявления требуют корректировки. Во-первых, отнюдь не вся дивизия состояла из рекрутов: из пяти пехотных полков, два (Полтавский и 41-й егерский) были составлены из обстрелянных солдат. Во-вторых, некорректно именовать наблюдательный корпус «горсткой» солдат, даже на фоне значительно превосходящего неприятеля. Отряд Неверовского насчитывал около 7200 чел. при 14 орудиях. В-третьих, неприятельская кавалерия атаковала не вся сразу, «скопом», а побригадно, чаще полками, а те, в свою очередь, поэскадронно и даже повзводно.

Участник боя Бисмарк вспоминал, что для всех инструкций Мюрат довольствовался приказанием эскадронам, указывая им на неприятеля: «Вот неприятель, атакуйте решительно!». Ни один командир эскадрона не мог позволить себе ждать повторения такого призыва командующего всей кавалерией, каждый полагал себя освобождённым от приказов своего полковника. Каждый шеф эскадрона командовал, не заботясь о целом: «Вперёд марш!» и в карьер устремлялся на неприятеля. Командующий артиллерией корпуса Груши свидетельствует: «Наш корпус не вступал целиком (en entier) в это дело..., но весь день сражался частями (partiellement)». Так что в каждый отдельный момент боя реальное соотношение сил было совсем иным, чем при подсчёте общего количества войск на поле боя с той и с другой стороны. В этой связи следует привести слова Нея: «Многие эскадроны проникали в каре и отрезали батальоны, но неприятель избежал всеобщей гибели благодаря силе инерции, каковою его масса противодействовала намного больше, чем эффективностью своего огня, который производил более шума, нежели вреда». А. Фэн также признавал, что «самая блистательная храбрость наших солдат истощается: ударяя в густую колонну, они рубят её, но не могут сломить». <sup>79</sup>

Что же касается качества кавалерии, то в этом роде войск нужно учитывать два элемента: личный и конский состав. Нет никакого сомнения в высокой боеспособности и боевом духе неприятельских кавалеристов. Другое дело - конский состав, он, действительно, к тому времени был уже сильно ослаблен, измотан длинными переходами и, главное, плохим питанием; это было известно и русским. <sup>80</sup>

При таких уточнениях становится ясно, что не в качестве неприятельских войск как таковом заключалась причина слабой результативности

действий противника, а в плохом тактическом руководстве этими войсками. Мюрат не сумел реализовать своё численное преимущество, расплыл свои силы и бил «не кулаком, а растопыренными пальцами». По мнению Бисмарка, «это сражение представляет неоспоримое доказательство и яркий пример того, что самая храбрая и многочисленная кавалерия, когда плохо управление ею, превращается в совершенное ничтожество. Это сражение нанесло французской кавалерии первый жестокий удар; оно причинило более вреда, чем понесённые ею до того времени потери от недостатка в продовольствии и излишних усилий и трудов. Другой результат ожидал бы Мюрата, если бы он действовал правильно, избрав из тактических соображений самое соответствующее место и обстоятельствам; если бы он провожал Неверовского с обеих сторон дороги разомкнутыми эскадронными или взводными колоннами; если бы, утомляя и расстраивая его непрерывной картечью из многочисленных батарей, он воспользовался бы моментом и удобной местностью и скоординировал вовремя: «Эскадроны стой, направо и налево заезжай: марш-марш!». В таком случае храбрый Неверовский и его отличная молодая дивизия, вопреки всем человеческим усилиям, не смогли бы сдержать натиск». Ф. Рёдер считал, что этот бой был «прекрасным примером стойкого поведения пехоты против кавалерии» и справедливым наказанием вождю кавалерии, который самонадеянно решил, что непременно сомнёт пехоту лошадьми, и не пожелал применить конную артиллерию.

Историк кавалерии Л. Пикар писал: «Для того, чтобы оправдать Мюрата, атаковавшего не дожидаясь своей артиллерии, следует сказать, и это правда, что она была остановлена из-за разломанного моста, который следовало исправить; но очевидно трудно согласиться с тем, что с 6 дивизиями кавалерии невозможно было бы окружить русскую колонну и удержать её до прибытия артиллерии и лёгкой пехоты Нея; эта пехота следовала рядом с Нансути и Монбрёном, и только несколько рот смогли принять участие в овладении городом Красный». «Надо сознаться, - подчеркнул Вороновский, - что необузданная пылкость Мюрата не мало облегчила крайне трудную и сложную задачу Неверовского». Повинуясь приказам начальника, кавалерийские командиры «поочередно бросали свои эскадроны на русский отряд; все смешалось в общей свалке и хорошо обученная кавалерия действовала как беспорядочная иррегулярная конница». Мюрат не прислушался к резонным предложениям Нея, предлагавшего силами кавалерии отрезать русским путь отступления, подтянуть артиллерию и уничтожить неприятеля. <sup>81</sup> Не ясно также, почему французская пехота осталась в Красном и не приняла участия в преследовании. Даже сами русские признавали, что при таких действиях противника ничто не могло бы спасти их от гибели. Выражаясь по-солдатски, королю Неаполитанскому «вожжа под хвост попала» - он решил разбить противника си-





**Маршал М. Ней (1769-1815).** Гравюра Г. Паркера по оригиналу Ф. Жерара. 1833 г.



**Маршал Й. Мюрат (1767-1815)**  
Акварель н.х. 1-я четверть XIX в.

лами исключительно того рода войск, каковым он командовал в «Великой армии». Мюрат не захотел разделить лавры лёгкой, как ему казалось, победы с артиллерией и пехотой, слава нужна была ему одному. Видимо, он хотел преподнести личный подарок императору ко дню его рождения.

Действиями Мюрата остались недовольны буквально все в «Великой армии». Ней, всё время находившийся со своим штабом рядом с королём, был очень недоволен тем, как тот руководил боем. Известны также его высказывания перед своими офицерами. «Маршал Ней, который получил своё воспитание в кавалерии, объехав линии, собрал вечером двух генералов, шестерых полковников и всех командиров эскадронов двух своих бригад. Чтобы снова воодушевить своих, глубоко подавленных, офицеров, он без обиняков указал им на ошибки короля и выразил им свои сожаления, что в тот день кавалерия его армейского корпуса была поручена королю». Выражением этой досады Ней явилось и его предложение, которое маршал на следующий день сделал императору; он просил составить авангард из трёх пехотных дивизий.<sup>82</sup>

Капитан Ю.Ф. Био писал: «Этот бой не дал результатов, которых от него с правом следовало ожидать. Неприятель построился в каре, наша кавалерия атаковала частями, по полкам, из которых каждый поочерёдно был отбит. Эти неприятельские войска..., без сомнения, понесли большие потери, но они ещё существовали, в то время как они должны были быть уничтожены». Брандт, проезжавший через поле боя 15 августа,

вспоминал: «Я полагаю, что во всей военной истории это едва ли не единственный пример столь плохого применения кавалерии и такого небрежного и безрассудного использования этого рода войск. Во всей армии тогда также господствовало только настроение возмущения этим... Говорят, что депутация от кавалерии привезла императору орудия, в качестве подарка на день рождения, высказывая при этом сожаление, что бегство русских лишило её возможности ещё более отличиться. Но в лагере также говорили, что император остался очень недоволен всем этим делом, и солдатская острота вложила ему в уста следующие слова: «Мюрат действовал как ученик Сен-Сира» [кавалерийской школы].<sup>83</sup>

Подобная точка зрения на бой при Красном стала общепринятой в западной историографии. Только К. Блейбтрой был с ней не согласен. «Весь этот школьный пример неполноценности кавалерии является от А до Я фальшивым, - считал он. - Во-первых, Неверовский имел 7000, из которых 1500 кавалеристов, и 15 орудий. Следовательно, отпадает представление о пехоте, предоставленной только самой себе; она потеряла, по собственным русским данным 1500 чел., из которых половину пленными, или даже 2500 и 7 орудий; она состояла не из одних рекрутов. 24-й лёгкий полк потерял 5 офицеров, «относительно ещё меньше, чем присутствовавшие кавалерийские полки (21 офицер = 200-250 чел.). Следовательно, потери нападавших составили едва пятую часть от потерь столь восхваляемых оборонявшихся!».



Мюрату не было нужды дожидаться артиллерии, так как её не было в тот день на месте. «Вообще лишь 2 полка Монбрёна прибыли слишком поздно, а сражалась только кавалерия Нея, чья конная вюртембергская батарея тотчас открыла сильную стрельбу! Далее содействовал в преследовании 3-й конно-егерский полк... В целом, серьёзно атаковать могли, самое большее, 20 эскадронов (тогда самое большее 1500 лошадей) и результат был не меньше, чем достаточный. При этом атака проведена столь энергично, что два полковника пали перед самыми штыками. Всадники наверняка много раз проникали в каре, которое, впрочем, потеряло не столь много пленных и орудий».<sup>84</sup> Конечно, рассуждения Бляйбтроя также грешат передержками, порождёнными тем обстоятельством, что он пользовался ограниченным кругом источников, опубликованных к концу 19 в.

С годами слава дивизии Неверовского всё более возрастала в памяти российских ветеранов. «Подвиг Неверовского всеми военными писателями, как нашими, так и иностранными, ставится как блистательный и достопамятный пример превосходства хорошо обученной пехоты, предводимой искусным начальником,» писал А.С. Норов. «Я помню, с каким энтузиазмом мы смотрели на Неверовского и на остаток его молодецкой дивизии, присоединившейся к армии». По мнению И.П. Аипранди, «Неверовским совершен был подвиг с нашей пехотой, не имевший ни прежде, ни после подобного». А через сто лет после войны историк написал: «Имя генерала Неверовского блистает звездою первой величины в общей плеяде героев 1812 года. Бессмертный подвиг его молодой 27-й дивизии под Красным в наш век уже приобрёл почти былинную славу богатырей».<sup>85</sup>

В.И. Вяликов, единственный из советских авторов, кто подробно, но только по русским источникам описал «львиное отступление», обрушился с критикой на своих предшественников. По его мнению, историки «неправильно изображали характер этого боя. Михайловский-Данилевский, Богданович и Божерянов объясняют успех Неверовского ошибками, которые якобы допустил Мюрата. Скугаревский ошибочно полагает, что Неверовский не задержал неприятеля, и объясняет это неподготовленностью позиции под Красным. Васенко также искажает действительность, утверждая, что отряд был выведен Неверовским из города при приближении неприятеля». Вяликов обвинил предшественников в том, что они не использовали рапорты Неверовского, что «Бутурлин уменьшает продолжительность сражения в городе до 2-х часов».<sup>86</sup> Однако сам Вяликов не знал иностранных источников, и все его обвинения совершенно бесосновательны.

Позднее все без исключения советские авторы, не ведая иностранных источников, безмерно преувеличивали значение боя при Красном. Н.Ф. Гарнич писал, что «отряд генерала Неверовского преградил дорогу всей армии врага... В этот день 7 тысяч русских задержали наступление 190 тысяч отборных войск!» По словам П.Г. Андреева, ди-

визия Неверовского «приняла на себя удар главных сил Наполеона. Целый день... дивизия с боем отступала..., отбила 45 атак отборной французской конницы Мюрата и последующие атаки многочисленной неприятельской пехоты. Семь тысяч русских патриотов задержали на сутки наступление армии Наполеона». А.Г. Бескровный писал, что Неверовский «задержал продвижение французских войск на целые сутки», Н.А. Троицкий - что «дивизия Неверовского не позволила армии Наполеона пройти к Смоленску и взять его с ходу». Другой автор пишет, что «дивизия Неверовского отбила более 40 атак пехотных корпусов и конницы Мюрата, задержав на сутки продвижение всей армии Наполеона» и «молниеносный бросок на Смоленск был сорван». Третий сочинитель пишет: «С неслыханным героизмом солдаты-новобранцы Неверовского в течение дня отражали атаки французских войск. Три корпуса французской кавалерии не могли сломить сопротивление молодых солдат. Отряд Неверовского отбил больше сорока атак неприятельской конницы. 7 тыс. русских задержали около 190 тыс. отборных войск наполеоновской армии, прекратили путь полчищам захватчиков, сорвали план Наполеона внезапно захватить Смоленск».<sup>87</sup>

Все эти высказывания грешат беспардонными преувеличениями, свидетельствуя о неосведомлённости их авторов. Для того, чтобы окончательно их развенчать, поясним, как проходило передвижение войск «Великой армии» в день знаменитого боя. 1-й корпус двинулся из Россасны к Красному по пятам наступающего авангарда (резервной кавалерии и 3-го корпуса). На одной высоте с 1-м корпусом, но справа от большой дороги шёл 8-й корпус, который продвинулся от Романова до Бавево. 4-й корпус из Любавичей дошёл до берегов Днепра. Начальник Главного штаба армии Бертье к вечеру уже прибыл в Синяки и приказал генерал-интенданту перевести в Красный Главную квартиру и «немедленно учредить госпиталь для наших раненых». Генералу Ф.Г. Байи де Монтиону велено прибыть в Красный со всеми офицерами штаба.<sup>88</sup>

Таким образом, наступление армии Наполеона вовсе не приостанавливалось из-за боя под Красным, не останавливался надолго даже её авангард! Он задержался лишь для того, чтобы дожидаться подхода пехоты для штурма города, который был взят относительно быстро. После этого неприятельский авангард продвигался на восток с такой же скоростью, с какой отступали войска Неверовского, а они, по признанию Андреева, «были на бегу и в сражении от 10 часов утра до 8 полудня, пробежали 25 верст и каждый шаг вперёд оспаривали дракой». Бой - оборона Красного и отражение пехотой кавалерийских атак - длился вовсе не сутки, а лишь вторую половину дня, с 14-15 до 19-20 час. Сам Неверовский писал: «Я должен был 5 часов пробиться штыками и отстреливаться пулями».<sup>89</sup> С утра и до 14 час. кавалерия неприятеля прошла 20-35 км, на протяжении 14 вёрст преследуя казаков. Отряд егерей, оборонявших Красный, затем поспешно отступил





Х. Фабер дю Фор. **Наполеон под Смоленском, 16 августа 1812 г.**

к р. Лосвинке на 3 версты. Только здесь начались кавалерийские атаки на пехоту Неверовского, продолжавшиеся до Мерлино на расстоянии 5 вёрст.

Таким образом, в течение 14 августа неприятельский авангард проделал более 40 км, а пехота Неверовского отступила от р. Мерейки до оврага р. Аоствины около 2,3 км, отсюда до Мерлино – 7,2 км, а всего 9 ½ км. Но отступление отряда Неверовского на этом не прекратилось, к полуночи он достиг Корытни в 23 верстах от Красного, уже не преследуемый противником, а к утру преодолел ещё 19 вёрст. Таким образом, «за один приём» Неверовский отступил на 41 км, а если считать от Ляд, то на 55. Уяснив себе в эти цифры, следует раз и навсегда отказаться от мифа о том, будто корпус Неверовского задержал наступление всей армии Наполеона! Даже если бы французский авангард не встретил Неверовского у Красного, то и тогда он физически не смог бы достичь Смоленска в тот же день! Капитан Бонне пишет, что 15 августа пехота Нея вышла из Красного в 11 час. и шла до 17 час., проделав 8 льё, и лишь в 7 час. 16-го подошла к Смоленску.<sup>90</sup> Другое дело, что упорное сопротивление отряда Неверовского и услышанная на другом берегу Днепра канонада дали время Багратиону вернуть в Смоленск корпус Раевского. К тому же, Раевский не успел отойти далеко от города лишь по нелепой и, как оказалось, счастливой случайности.

По мнению Ж. Фабри, поведение Неверовского было весьма странным. Будучи полностью изолированным и отделённым от Смоленска расстоянием в 50 км, он рискнул дожидаться противника и оборонять Красный. Отважиться на это можно было лишь при условии неосведомлённости о силах неприятеля. Спрашивается тогда, какие све-

дения о противнике сообщили ему накануне казаки, обнаружившие, что он наводит мосты у Хомино? Сведения о приближении значительных сил противника Неверовский получил в 9 часов утра. Судя по словам Андреева, поначалу считали, что казаки преувеличили силы французов. По мнению Вороновского, «Неверовский с достаточной вероятностью мог полагать, что неприятель наступает не всей массой, а отдельным отрядом».<sup>91</sup>

Объяснение такого поведения Неверовского может быть следующим. Во-первых, неприятельские партии, главным образом из лёгкой кавалерии, появлялись на левом берегу Днепра давно и неоднократно, но решительных действий за этим не следовало; казаки уже десятки раз прогоняли эти партии за Днепр. Видимо, это несколько притупило у русских чувство опасности. Во-вторых, согласно диспозиции Баркляя, корпус Неверовского должен был занять Ляды и Красный, «дабы обратить внимание неприятеля с сей стороны», чтобы «по мере движения армий наших к Рудне, всячески беспокоить неприятеля к стороне Орши». К тому же, по приказу Багратиона «обсервационный корпус» должен был оставаться «в Красном, пока неприятель его оттуда не вытеснит». Исполняя эти приказы, Неверовский попытался сыграть эту отвлекающую роль, пока не понял, что имеет дело с главными силами неприятеля. Русская разведка вообще не сумела своевременно обнаружить перемещение основных сил «Великой армии» от Витебска к Днепру, так что в неведении об этом находился не только Неверовский, но и оба командующих армиями.

По словам Паскевича, «Неверовский сознавался, что если бы он поставил батарею между пехотными колоннами, то не произошло бы тех несчастий, которые его постигли», ибо харьковские



драгуны в одиночку не могли защитить орудий. Не все в русской армии разделяли восторженный взгляд на поведение Неверовского. Находились и «такие, которые не только относились к подвигу с холодностью, но даже находили, что он заслуживал за свою нераспорядительность при отступлении некоторого взыскания». А.П. Ермолов, например, считал, что Неверовский был «отлично храбрый офицер и охотно вызывавшийся на все опасности, не имел однако-ж способностей и еще менее знания. Кто хоть немного знает французскую конницу, тот поверит, что есть некоторая возможность удержать ее шестью тысячами человек пехоты, когда при ней батарейная рота и особливо когда пехота отступает дорогою, в четыре ряда деревьями обсаженною, по местоположению неровному, для кавалерии затруднительному и значительно замедляющему ее в маневрах... Отступление сие во всяком другом войске подвергло бы генерал-майора Неверовского весьма невыгодному для него исследованию; у нас же отнесли его к его чести». Язвительный Ермолов полагал, что если бы «Неверовский к знаниям своим военного ремесла присоединил искусство построения каре, прославившее многих в войнах против турок, оно... не допустило бы до бегства, и ты, Апушкин, батарейную роту свою не исчислял бы дробями».

Весьма критически отозвался о поведении Неверовского и полковник С.Н. Марин, исправлявший должность дежурного генерала 2-й армии. В письме к М.С. Воронцову он возмущался награждением генерала: «За Краснинскую ретираду не стоит он ничего, ибо тут всякий солдат делал то же, что и он, - не сдавался неприятлю; а это между русскими не мудрено». <sup>92</sup> Безымянный гвардейский офицер критиковал Неверовского за то, что, несмотря на благоприятные условия местности, «он потерял до 1500 человек выбывших из строю и 5 пушек, которые не должны бы были быть потеряны, если бы он не отправил несколько орудий назад, тогда как он видеть мог ясно, что по количеству неприятельской кавалерии тыл его не был безопасен, и вместе с тем оным поверг и Харьковский Драгунской полк тоже равномерно большому урону, ибо мог ли один полк противудействовать такой громаде кавалерии, и после понесенной им напрасной потери он принял его в середину своих пехотных карей, что должен он был сделать при самом начале своего отступления (и артиллерию он потерял свою не в действии но на походе). Конечно, ошибка таковая не может иметь извинения; и не смотря на всю известную храбрость Г. Неверовского, за сие дело он заслуживает большого упрека». <sup>93</sup> Столь суровая оценка проистекает из неточного знания автором обстоятельств дела. Часть артиллерии была захвачена в момент боя, а отправленные заранее в тыл 2 орудия как раз помогли Неверовскому окончательно отбиться от противника. Принять драгун внутрь пехоты не было возможности, ибо она отступала не в правильных каре, а огромной толпою. При всём том, даже сам Неверовский

признавал, что он допустил некоторые ошибки. Но этот критический взгляд не смог повлиять на общую оценку поведения Неверовского – он остался всеми признанным «безгрешным» героем. В очередной раз героическая легенда взяла верх над объективной оценкой произошедшего. Но если в ходе войны такое вполне допустимо, ибо делается для повышения боевого духа воинства, то по прошествии почти двухсот лет следует объективно оценить значение этого знаменитого боя.

Количество кавалерии, принимавшей участие в атаках, современники и историки оценивали по-разному: от 50 до 160 эскадронов, от 14 до 38 полков, от 15 до 25 тыс. чел., и даже 3 кавалерийских корпуса с несколькими полками пехоты. Сам Неверовский говорил, что он «был атакован 40 полками кавалерии и 7-ю пехоты под предводительством двух королей». <sup>94</sup> Н.А. Троицкий даже пишет, будто к кавалерии Мюрата «присоединились пехотные полки из корпусов М. Нея и Е. Богарне». <sup>95</sup> Действительно, у французов была одна дивизия пехоты, однако её участие в деле ограничилось взятием Красного силами одного полка. Между тем А. Шюке правильно заметил, что сложно определить общую силу французов, участвовавших в бою, и что по непонятным причинам их пехота в преследовании участия не принимала.

Попробуем восстановить это число, опираясь на достоверные сведения. Ещё Бляйбтрой пытался решить этот вопрос, опираясь на сведения об офицерских потерях отдельных полков, приведённые А. Мартиньеном. По его подсчётам, общие потери французов могли составить около 100 пехотинцев и 250 кавалеристов. А. Тьер оценил потери в 500 чел. <sup>96</sup> Следовательно, потери французов были вовсе не такими большими, как это представляли себе иные отечественные сочинители.

Мюрат писал, что вместе с ним переправились 1-й и 2-й корпуса резервной кавалерии и дивизия лёгкой кавалерии 3-го армейского корпуса, отдельно перешёл Днепр 3-й корпус резервной кавалерии. Отсюда, однако, не следует, что все эти войска принимали участие в атаках. Лейтенант прусского гусарского полка Й.Х. Калкройт из 1-го кавалерийского корпуса пишет, что его полк не принял участия в бою при Красном и прибыл на поле боя поздно вечером; ни словом не упомянули об этом деле мемуаристы из этого корпуса М.Р. Фор, Б.Т. Дюверже. 2-я дивизия лёгкой кавалерии была оставлена на правом берегу и в тот день пришла в Аюбавичи. <sup>97</sup> Из рассказа Ляйссниха можно заключить, что из дивизии Шателя в атаках участвовали только 10-я и 11-я бригады, а 17-я оставалась в резерве. По словам вахмистра 6-го конно-егерского полка Ж.А. Хенкенса, в рапорте Груши были удостоены похвалы генералы Л. Шатель, Ла Уссэ, Ф. Жерар и П. Готрен; в конце дня он встретил командира баварских шволежеров, сабля которого была в крови. <sup>98</sup> Но драгунская дивизия в атаках не участвовала. Лейтенанты 23-го драгунского полка Оврэ и Константэн писали, что корпус Груши отличился в тот день, но об участии в атаках именно драгун не сказали ни



слова, как и адъютант командира драгунской дивизии капитан Шерон. Последний написал кратко: «Было проведено много прекрасных кавалерийских атак. Мы отправились занять позицию в двух льё впереди города». Правда, об участии в бою драгунской дивизии упомянул Гаевский, но сам он находился при дивизии Шателя. В то же время Мюрат упоминает генерала Бордесуля и 9-й

польский уланский полк, а значит, в атаках участвовала лёгкая кавалерия 1-го армейского корпуса. Генерал Шелер сообщил вюртембергскому королю, что «кавалерийские полки № 1, 2 и 4 рубили саблями русскую пехоту и весьма повысили свою репутацию».<sup>99</sup> Итак, достоверно доказанным следует считать участие в бою следующих подразделений:

#### **Лёгкая кавалерия 1-го армейского корпуса - 2400 чел.**

1-я бригада лёгкой кавалерии: полковник барон Ж.М. Мати.<sup>100</sup>

2-й конно-егерский полк: полковник Мати - 4 эск. (ранены 2 офицера).<sup>101</sup>

9-й польский уланский полк: майор К. Кжицкий - 4 эск.

2-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Э. Бордесуль

1-й конно-егерский полк: полковник барон А.Ш. Меда - 4 эск.

3-й конно-егерский полк: шеф эскадрона Дежан - 3 эск. (ранены 2 офицера)

#### **Лёгкая кавалерия 3-го армейского корпуса - 3600 чел.**

9-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон П. Мурье

6-й шволежерский полк: полковник барон Л.Ф. де Марбёф - 3 эск. (ранены полковник и 4 офицера)

11-й гусарский (голландский) полк: полковник барон М.Ж. де Коллаэрт - 4 эск.<sup>102</sup>

вюртембергский конно-егерский полк № 4 «Король»: подполковник барон фон З.В. Келлер фон Мюнхинген - 4 эск. (ранены капитан фон Вёльварт, лейтенант Вёльдер и 14 солдат)

14-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Ф. Бёрманн

4-й конно-егерский полк: полковник шеваляе Л.Ж. Бульнуа - 4 эск. (убиты 2 офицера, ранены полковник и 2 офицера)

вюртембергский шволежерский вакантный полк № 1: подполковник барон Э.Й. фон Пальм - 4 эск. (убиты 2 солдата, ранены лейтенант Шлайх и 9 солдат)

вюртембергский шволежерский Аейб-полк № 2: полковник граф К.Ф. фон Норманн - 4 эск. (убиты лейтенант Спиттлер и 2 солдата, ранены 9 солдат)

вюртембергская конная батарея № 1: капитан фон Брайтхаупт: 4 шестифунтовых пушки и 2 семифунтовых гаубицы (ранен 1 солдат).<sup>103</sup>

#### **3-й корпус кавалерийского резерва: дивизионный генерал граф Э. Груши**

##### **3-я дивизия лёгкой кавалерии: дивизионный генерал барон А.П. Шатель - 3100 чел.**

10-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Ф.Ж. Жерар

6-й конно-егерский полк: полковник барон Ф. Ле Дар - 3 эск.

25-й конно-егерский полк: полковник барон Н.Ф. Кристоф - 3 эск. (ранен 1 офицер)

11-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон П. Готрэн

6-й гусарский полк: полковник барон Л. Валлэн - 3 эск.

8-й конно-егерский полк: полковник граф Э.А. Талейран-Перигор - 4 эск.

17-я бригада лёгкой кавалерии: бригадный генерал барон Ж.Б. Домманже

1-й баварский шволежерский вакантный полк: полковник граф К.Х. фон Зайн-Витгенштайн - 4 эск.

2-й баварский шволежерский полк «Таксис»: полковник барон Л. фон Боуршайдт - 4 эск.

саксонский шволежерский полк «Принц Альбрехт»: полковник фон Аессинг - 3 эск.

24-й полк лёгкой пехоты: полковник шеваляе Л.А. Жюльенн де Беллэр - 4 бат., 2328 чел. (3 офицера убиты, 2 ранены).<sup>104</sup>

**Итого:** 9100 чел. лёгкой кавалерии, 2328 пехотинцев, всего: 11500 чел., 6 орудий.

В меньшей степени, но всё же запутан вопрос о составе и численности русского отряда, поэтому

#### **«Левый боковой наблюдательный корпус»: генерал-майор Д.П. Неверовский**

Авангард: генерал-майор Е.И. Оленин 1-й

донской казачий полковника А.И. Быхалова 1-го

донской казачий войскового старшины И.В. Грекова 21-го

донской казачий войскового старшины Д.Д. Комиссарова 1-го

конная сотня Смоленского ополчения: поручик Лесли

27-я пехотная дивизия: генерал Неверовский

2-я бригада: командир полковник А.Я. Княжнин 1-й

Симбирский пехотный полк: шеф полковник П.С. Аошкарев, командир подполковник Ф.К. Рындин (5 штаб-, 24 обер-, 61 унтер-офицеров, 964 рядовых), потери - 210 чел.

Полтавский пехотный полк 26-й дивизии: командующий подполковник Н.Ф. Бобоедов 1-й

3-я бригада: командир флигель-адъютант полковник А.В. Воейков

49-й егерский полк: шеф полковник А.С. Кологривов (4 штаб-, 26 обер-, 42 унтер-офицеров, 814 рядовых), из 886 нижних чинов потерял 370 чел.



50-й егерский полк: шеф полковник Н.Г. Назимов (6 штаб-, 24 обер-, 52 унтер-офицеров, 890 рядовых), из 970 нижних чинов потерял 200 чел.<sup>105</sup>

41-й егерский полк 12-й дивизии: шеф генерал-майор И.И. Палицын, командующий подполковник П.С. Шеин 1-й

31-я батарея рота: подполковник П.В. Апушкин - 12 орудий

Харьковский драгунский полк: шеф полковник Д.М. Юзефович (3 штаб-, 24 обер-, 44 унтер-офицера, 12 трубачей, 438 рядовых).<sup>106</sup>

2 орудия 1-й донской конно-артиллерийской роты: хорунжий Калашников.

**Всего:** 5 пехотных, 1 драгунский, 3 казачьих полка, 7200 чел., 14 орудий

Очевидно, что соотношение 11,5 тыс. против 7,2 тыс. чел. нельзя назвать не то что абсолютным или многократным, но даже значительным превосходством. Впрочем, нужно учитывать следующие обстоятельства. Присутствие на «заднем плане» ещё нескольких тысяч кавалеристов придавало уверенность атакующей стороне и вселяло беспокойство в ряды обороняющихся. Артиллерия с обеих сторон действовала кратковременно и большой роли в бою не сыграла. Французская пехота участвовала только в штурме города, преследование вела только лёгкая кавалерия, но зато русская конница вскоре была обращена в бегство, и Неверовский остался с одной пехотой. Итак, на заключительном, самом знаменитом этапе боя, с 16 до 20 часов, более 9 тыс. неприятельских кавалеристов (58 эскадронов, 17 полков) атаковали сбившихся в большую «толпу» 5 тыс. русских пехотинцев (9 батальонов, из которых 5 были укомплектованы необстрелянными рекрутами). Теперь превосходство неприятеля стало гораздо более ощутимым. Но атаки велись разрозненно, поэскадронно и даже повзводно, что ослабляло их силу и не позволяло прорвать каре. Виноват в этом, безусловно,

маршал Мюрат. С другой стороны, русские солдаты проявили характерные для них храбрость и упорство, а Неверовский умело использовал условия местности.

Слава этого дня, безусловно, принадлежит русской пехоте, но значение этого боя не следует преувеличивать. Отряд Неверовского никоим образом не остановил продвижение наполеоновской армии к Смоленску, но своим упорным сопротивлением дал знать Багратиону о появлении здесь противника, что заставило его перебросить на левый берег корпус Раевского. Только благодаря сведениям, полученным от пленных, захваченных солдатами Неверовского, российское командование наконец-то узнало о том, что главные силы Наполеона переправились на другой берег Днепра. Сам этот бой стал итогом плохой работы русской разведки и умелой маскировки неприятелем своих передвижений. Если бы разведка вовремя обнаружила перемещение неприятельских корпусов к Днепру, этого боя и сопряжённых с ним больших потерь можно было избежать. Иными словами, получить информацию о противнике можно было бы гораздо меньшей ценой, но, как говорится, *à la guerre comme à la guerre...*

### Примечания

<sup>1</sup> Поликарпов Н.И. Боевой календарь-ежедневник. Ч. 1. Перечень боевых столкновений русской армии с 4 июня по 31 августа 1812 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества. Т. IV. Ч. 1. М., 1913. С. 269-81 (далее: Поликарпов. Календарь).

<sup>2</sup> Сражение при Красном // Русский инвалид. 1833. № 206; Михайловский-Данилевский. 2. 88-96; его же. Император Александр I и его сподвижники... Т. 1. СПб., 1845; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 242-45; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 13-14. С. 442; Жизнь и подвиги генерал-лейтенанта Д.П. Неверовского. М., 1912. С. 14-21; Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 94; Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1956. С. 84-86; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 309-10; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С.108-09.

<sup>3</sup> Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 91-98; Тикыч В. Д.П. Неверовский // Герои 1812 г. М., 1987. С. 355-64.

<sup>4</sup>. Валькович А.М. Потерянный корпус // Цейхгауз. 2002. № 19. С. 17; Елисеев А. Потерянный кор-

пус... // Цейхгауз. 2002. № 20. С. 14-15; Аашук А. Наполеон. Походы и битвы. 1796-1815. М., 2004. С. 504-07 (автор данного текста А.А. Васильев).

<sup>5</sup> Обзор некоторых источников по теме см.: Вяликов В.И. Документы Центрального Государственного Военно-исторического архива о первой Смоленской операции русских войск в 1812 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. V. М., 1954. С. 133-38.

<sup>6</sup> Паскевич И.Ф. Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 91-93; Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний... // Там же. С. 110-12; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. 2. СПб., 1839. С. 90; Записка генерала Неверовского о службе своей в 1812 г. // ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Из воспоминаний Н.И. Андреева // РА. 1879. № 10.

<sup>7</sup> Brandt H. Aus dem Leben... Th. I. Berlin, 1870; Solytk R. Napoleon en 1812. Paris. 1836; Fleischmann Ch.W. Denkwurdigkeiten. Berlin, 1892.

<sup>8</sup> Pamiętniki Franciszka z blociszewa Gajewskiego pułkownika Wojsk Polskich (1802-1831). Т. 1. Poznań, 1915 (далее: Gajewski). Гаевский уверял, что под Красным французам противостоял Багра-



тион с 60 тыс. чел., что атаку на город вела дивизия генерала Моро (?) из корпуса Даву. Он привёл фантастический состав корпуса Груши, в котором служил и который упорно называл 4-м кавалерийским (Gajewski. 220, 233). В то же время, некоторые детали его описания выглядят вполне реалистичными и соотносятся с показаниями других источников.

<sup>9</sup> Bismark F.W. *Taktik der Reuterey*. Carlsruhe, 1829. S. 258-302; Сражение при Красном в 1812-м году (Из Бисмарка) // *Русский инвалид*. 1833. № 206. С. 814-16.

<sup>10</sup> Fabry G. *Campagne de Russie*. 1812: *Operations militaires*. Т. I-V. Paris, 1900-03 (далее: Fabry. I-V).

<sup>11</sup> 9 запасных батальонов должны были собраться в Смоленске к 11/23 июля. 8/20 июля Александр I приказал Барклаю назначить “здесь командира над собранными и прибыть скоро имеющими войсками”. На эту должность был назначен генерал-адъютант Винцингероде. Вечером 14/26 июля генерал прибыл в Смоленск и сообщил царю: “Я экипировал 80 драгун, которые составят часть авангарда, который я доверил генералу Оленину и который занимает Красный и Ляды и наблюдает дорогу на Оршу” (ВУА. XIV. 46, 55, 57, 74, 131).

<sup>12</sup> Состав: четвёртые резервные (рекрутские) батальоны Екатирибургского, Кексгольмского, Перновского, Ревельского пехотных, 1-го и 33-го егерского полков; резервные (рекрутские) эскадроны Иркутского, Курляндского, Оренбургского, Сибирского драгунских, Мариупольского и Сумского гусарских полков, 6 орудий 20-й конно-артиллерийской роты (Поликарпов. Календарь. 180).

<sup>13</sup> ВУА. XIV. 133, 140-41, 148, 155; XVII. 148, 149, 151-53; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 5. С. 171. Об отряде братьев Лесли см.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 11. А. 440-42; Эпизод из войны 1812 г. // *Смоленские губернские ведомости*. 1857. № 9. Прил. С. 45; *Исторический вестник*. 1903. № 12. С. 832-33; ВУА. XIV. 61-62, 148; *Смоленская старина*. Вып. 2. Смоленск, 1912. С. 323-24, 342, 374.

<sup>14</sup> 1812-1814. М., 1992. С. 117, 119; ВУА. XIV. 158, 166, 167, 170, 171, 182, 205-06; Fabry. II. 377; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11-12. С. 395; Поликарпов. Календарь. 202-04; *Донские казаки в 1812 г.* Сб. Док. Ростов на Дону, 1954. С. 134, 136; 1812-1814. М., 1992. С. 120-21.

<sup>15</sup> Оленин написал 22 июля из Корытни, что «отчислил из вверенного мне отряда полуроты артиллерии № 20, сводные драгунские и гусарские эскадроны, резервные батальоны полков: Рыльского пехотного, Екатеринбургского, Перновского и 1-го Егерского, кои завтрашнего числа отсюда и выступают в город Смоленск, взамен коих поступили в мой отряд 36-го Егерского два батальона, конно-гвардейской артиллерии два орудия и часть 1-го Тептярского полка».

<sup>16</sup> Fabry. III. 63-66, 110, 156, 231; 1812-1814. М., 1992. С. 120-21; ВУА. XIV. 200-02, 212-14, 219, 221; XVII. 154, 156-58; Поликарпов. Календарь. 216; Поликарпов Н. Партизан поручик Соколов // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17-24.

С. 140-41; *Донские казаки*. 137, 141; Михайловский-Данилевский. II. 70; *Смоленские губернские ведомости*. 1857. № 9. Прил.; Вороновский. 69, 79, 81-82, 92; Fabry. III. 449-50, 514; V. 259-62.

<sup>17</sup> ВУА. XVII. 278-79; XVIII. 218.

<sup>18</sup> Андреев. 182; Душенкевич. 110; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 157; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Михайловский-Данилевский. II. 69, 88; Богданович. I. 219, 229; Вороновский. 82, 91, 92 (оба пишут, будто дивизии была придана бригада Либгардта); *Жизнь и подвиги*. 14; Гарнич. 84; Тикыч. 355-56; Елисеев. 14; Лашук. 504.

<sup>19</sup> Поликарпов подчеркнул, что Виленский полк не принимал участия в бою, так как Неверовский о нём не упоминает, полк не имел потерь, никто из его офицеров не был представлен к награде за этот бой, в формулярных списках офицеров и унтер-офицеров полка нет записей об участии их в этом бою. В западной литературе также пишут о 27-й дивизии, составленной из рекрутов, и добавляют Неверовскому ещё Польский уланский полк, в результате число кавалерии возрастает до 1500 чел. (Поликарпов. Календарь. 270. Прим. 2; Nafziger G. *Napoleon's Invasion of Russia*. Novato, 1988. P. 183).

<sup>20</sup> *Дневник Сен-При* // Харкевич. I. 146; ВУА. XVI. 43; XVIII. 218; Fabry. IV. 395.

<sup>21</sup> ВУА. XIV. 250, 251, 255-59, 270; Fabry. III. 277, 373, 447-49, 578; Поликарпов. Календарь. 223; Гарин Ф.А. *Изгнание Наполеона*. М., 1948. С. 150-54. Из 2-й армии продолжали бежать дезертиры, от которых противник узнал состав и численность полков 7-го и 8-го корпусов, а также 27-й дивизии: Виленский, Симбирский, Тарнопольский, 49-й егерский (Fabry. III. 446).

<sup>22</sup> ВУА. XIV. 264-65, 281; XVI. 1-3, 860; Fabry. III. 516, 578; IV. 350; V. 293-96.

<sup>23</sup> Лейтенант В.Л. Ляйсних вспоминал, что бригада Домманже располагалась на биваке рядом с французскими конными егерями и гусарами, а иногда к ним подходили драгуны (Leissnig W.L. *Märche, Kriegs-ereignisse...* Th. I. Budissin, 1828. S. 250-51).

<sup>24</sup> Кёних из бригады Бёрманна вспоминал: «После того как мы весь день 13 августа маршировали, и я, прибыв на бивак, отдохнул всего несколько часов, генерал послал меня в Главную квартиру маршала Нея, чтобы сообщить ему, где мы стоим, и испросить дальнейших указаний». Где находилась квартира маршала, было неизвестно, поэтому Кёних добрался туда лишь к полуночи. Ней дал ему только устное приказание «сказать моему генералу, что он должен выступить с бивака лишь около полудня, а не ранним утром, как было приказано раньше». Затем маршал отправил лейтенанта к начальнику своего штаба, который слишком долго «изготавливал письменный приказ на алтаре в церкви», из-за чего Кёних уже не застал своей бригады и бригады генерала Мурье (Monsier) на прежнем биваке (König. 133-34).

<sup>25</sup> Fabry. IV. 230-35, 238-41; Austin P.V. 1812: *The March on Moscow*. London. 1993. P. 170.

<sup>26</sup> Fabry. IV. 281, 286, 287; König. 135; Röder von Bomsdorf O.W. *Mittheilungen aus dem russischen*





Вид города Смоленск

Акварель су-лейтенанта Шевалье, 1812 г.

Feldzuge... Bd. 1. Leipzig, 1816. S. 144; Constantin P. Journal et lettres de campagne de 1807 à 1814 // Carnet de la Sabretache. 1925. P. 407; ВУА. XVI. 11, 13.

<sup>27</sup> Эллиот (Elliot) был ранен и позднее попал в плен (Вильсон Р. Дневник и письма. СПб., 1995. С. 76, 77, 81, 183, 184, 197).

<sup>28</sup> Griois L. Mémoires militaires. Vol. II. Paris, 1909. P. 18; Röder von Bomsdorf. 144; Fleischmann. Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892. S. 19; Henkens J.L. Memoires... La Haye, 1930. P. 120; Auvray P. Souvenirs militaires // Carnet de la Sabretache. 1919. P. 297; Wedel C. Geschichte eines Offiziers... Berlin, 1897. S. 64; Gajewski. 220; Вяликов. 134. Многие мемуаристы пишут, что в Лядах находились 2 казачьих полка, и что корпус Груши соединился там с корпусом Э.М. Нансути (Fabry. IV. 506; Chambray G. Histoire de l'Expedition de Russie. T. 1. Paris, 1823. P. 164; De Baudus M. Etudes sur Napoléon. T. 2. Paris, 1841. P. 12).

<sup>29</sup> Смоленские губернские ведомости. 1857. № 9. Прил. С. 46; Смоленская старина. 2. 324, 325; Поликарпов. Календарь. 271, 274; Вяликов. 134; Austin. 171; Labaume E. La campagne de Russie. Le récit d'un officier de la Grande Armée. Paris, 2001. P. 77.

<sup>30</sup> Андреев. 182-83; Душенкевич. 110; Поликарпов. Календарь. 271; Вороновский. 92.

<sup>31</sup> Андреев. 183; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; ВУА. XVI. 19; Паскевич. 91-92; Душенкевич. 110; Поликарпов. Календарь. 271, 278; Ложье. 96; Смоленская старина. 2. 324; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 106. Л. 79; Вяликов. 134; Михайловский-Данилевский. II. 88-89; Богданович. I. 242-43; Во-

роновский. 93; Жизнь и подвиги. 15-16; Brandt. 369; Лашук. 504.

<sup>32</sup> Fabry. IV. 280.

<sup>33</sup> Андреев. 183; Душенкевич. 110; Вороновский. 92-93.

<sup>34</sup> Поликарпов. Календарь. 273-77.

<sup>35</sup> Fabry. IV. 281-82, 286, 287, 519; Griois. II. 19; Wedel. 64; Fleischmann. 19; Röder von Bomsdorf. 144.

<sup>36</sup> Fabry. IV. 282, 284, 507; Griois. II. 19; Gajewski. 220-21; Historique du 24ème régiment d'infanterie légère // Vieillot R. Souvenirs. Luneray, 1996. P. 347; Brandt. 369; Auvray. 297; Röder von Bomsdorf. 144; Cheron A. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris, 2001. P. 19; Starklof R. Geschichte des königlich Württembergischen vierten Reiterregiments. Stuttgart, 1867. S. 60.

<sup>37</sup> Bonnet G. Journal // Carnet de la Sabretache. 1912. № 239. P. 653-54; Fabry. IV. 510-11; Pelet, Bonnet, Everts. Carnets et Journal sur la campagne de Russie. Paris, 1997. P. 93-94.

<sup>38</sup> Поликарпов. Календарь. 274-77; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 6. Д. 57. А. 49; Вяликов. 135.

<sup>39</sup> Вяликов. 135; Historique du 24-ème régiment d'infanterie légère... 347.

<sup>40</sup> König. 135; Gajewski. 221; Андреев. 183 (ошибочно писал, что у французов ещё не было пехоты и артиллерии, и егеря оставили город лишь под угрозой обхода); Поликарпов. Календарь. 271-72;









А. Адам. **Французская пехота перед бастионами Смоленска, 17 августа 1812 г.**

Русский инвалид. 1833. № 206. С. 814; Starklof. 60; Душенкевич. 110-11; Михайловский-Данилевский. II. 90; Богданович. I. 243; Вороновский. 93; Тикыч. 358-59.

<sup>41</sup> Constantin . 407; Picard L. La Cavalerie dans les guerres de la Révolution et de l'Empire. Т. 2. Paris, 1895. P. 98; Gajewski. 221; Fabry. IV. 282, 285, 280; Solytk R. Napoléon en 1812. Paris, 1836. P. 123-24; Auvray. 297.

<sup>42</sup> Поликарпов. Календарь. 277-78.

<sup>43</sup> Fabry. IV. 282, 285, 281; Solytk. 124-25; Аашук. 505. Деламаля (Delamalle / De la Malle) дослужился до звания маршал де кан и умер в 1863 г. Фляйшман писал, что было захвачено 9 из 12 орудий (Bleibtreu C. Geschichte der Reiterattacken. Berlin. о. J. S. 238; Fleischmann. 19). Командир 8-го гусарского полка Ж.С. Домон (Domon) за отличие при Островно был произведён 7 августа в генералы и направлен в 1-й кавалерийский корпус; но в тот момент он являлся адъютантом Мюрата, как и генералы П.С. Дери и Ф. Пиньятели. Себастьяни в то время находился без должности, видимо, как и Ф.А. Орнано.

<sup>44</sup> Он был разбит 5 казачьими полками полковника В.А. Сысоева 3-го под Могилевым 9/20 июля и потерял пленными полковника, 8 офицеров и 206 егерей. (Харкевич. Война 1812 г. Вильна, 1907. С. 223; Чистяков С. Борисовцы в Могилеве на Днепре... СПб., 1912. С. 98). Полагаем, что после таких потерь полк был сведён в 3 эскадрона.

<sup>45</sup> Отряд братьев Лесли потерял при этом несколько

человек убитыми и ранеными, весь обоз с провиантом и фуражом и 20 лошадей.

<sup>46</sup> Поликарпов. Календарь. 272-74, 273, 277-78; Паскевич. 92; Михайловский-Данилевский. II. 91; Смоленская старина. 2. 324; Богданович. I. 243; Богданович Я. Участие Харьковского драгунского полка в Отечественной войне... СПб., 1911. С. 4; Вороновский. 94; Жизнь и подвиги. 16; Тикыч. 359. Паскевич пишет, что было захвачено 5 орудий, а 7 спаслись, Данилевский - что спаслось 5 орудий из 10.

<sup>47</sup> Андреев. 183-84; Поликарпов. Календарь. 275-76; Аашук. 919. Мюрат и Ней сообщили о захвате 8 орудий, но, видимо, не пожелали упомянуть, что одно из них было отбито (Fabry. IV. 507, 720).

<sup>48</sup> Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 91; Богданович. I. 243-44; Вороновский. 94; Тикыч. 359.

<sup>49</sup> Fleischmann. 19; König. 135; Fabry. IV. 289; De Baudus. 12-13.

<sup>50</sup> Fabry. IV. 282, 284-87, 517; Röder von Bomsdorf. 144; Leissnig. 251-52; Felder R.M. Der schwarze Jäger. Th. II. Cannstatt, 1839. S. 144; Русский инвалид. 1833. № 206. С. 815. А. Елисеев верно заметил, что войска Неверовского "вряд ли построились в каре", и справедливо уточнил, что изображение русских войск внутри берёзовой аллеи на известной картине П. Хесса может быть отнесено лишь к концу боя (Валькович. 17; Елисеев. 14-15; Лашук. 505).

<sup>51</sup> Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 92; Богданович. I. 244; Вороновский. 95; Жизнь



и подвиги. 17; Тикыч. 360.

<sup>52</sup> Поликарпов. Календарь. 274-80.

<sup>53</sup> Русский инвалид. 1833. № 206. С. 814-15; Starklof. 60-61.

<sup>54</sup> Паскевич. 92; Андреев. 184; Русский инвалид. 1833. № 206. С. 816; Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 92-93; Fabry. IV. 285; Богданович. I. 244. Вороновский писал, будто отступление происходило в нескольких кареях и очень медленно. Чистой воды фантазией выглядит и уверение Гарина, будто «отход русских войск... происходил следующим образом: пехота была построена небольшими каре в две линии в шахматном порядке, причём отступление шло не одновременно, а линия через линию» (Вороновский. 94, 96; Гарин. 155).

<sup>55</sup> Fabry. IV. 286-87, 784; König. 136; Brandt. 370; Leissnig. 252; Starklof. 61.

<sup>56</sup> Fabry. IV. Ann. 69; ВУА. XVI. 13, 21; Генерал Багратион. М., 1945. С. 230; Ермолов. 160; Харкевич. 1. 113; Михайловский-Данилевский. II. 95-96; Паскевич. 91.

<sup>57</sup> Паскевич. 92; Михайловский-Данилевский. II. 93; Вороновский. 97; Душенкевич. 112. Прим.; De Vaudus. I. 13.

<sup>58</sup> Паскевич. 92; Душенкевич. 111; Михайловский-Данилевский. II. 93; Богданович. I. 244; Вороновский. 97; Gajewski. 221-22. Подобную тактику русская пехота применяла в Бородинском сражении (Попов А.И. Меж двух «вулканов»... М., 1997. С. 34-37). Майор Ю. Шимановский вспоминал, как в сражении на Березине русские начали «ретиrowаться, по меньшей мере, по видимости, и, хотя наша стрельба не была очень частой, я увидел упавшими множество солдат, как будто они были ранены или убиты. Я тотчас велел моим солдатам подбежать к людям, которые растянулись на земле, добить их ружьями или, лучше, проткнуть ударами штыков. Действительно, мой инстинкт меня не обманул; так как, едва мы углубились в лес на четверть льё, как русские повернулись против нас большими силами; в то же самое время люди, так называемые раненые или убитые, стали прицеливаться для стрельбы по нам. Мы... неожиданно очутились меж двух огней» (Szymanowski J., Turno Ch. Souvenirs de deux généraux polonais au service de la France. Paris, 2001. P. 68).

<sup>59</sup> Felder. 144; Fleischmann. 19-20; König. 136; Fabry. IV. 286, 287, 289, 519; Starklof. 61; Колюбакин Б. 25-я пехотная виртембергская дивизия... в кампанию 1812 г. СПб., 1897. С. 15; Nafziger. 184. Посвящённый этому сюжету рисунок К.В. Фабер дю Фора называется: «Перед городом Красным вечером 14 августа». Ляйссних пишет, что здесь он «имел случай увидеть батарею прежних прусских 6-фунтовых орудий с трогательными девизами Фридриха Великого: pro gloria et patria и ultima ratio regis, которые, однако, теперь двигались на новых, окрашенных в жёлтый цвет вюртембергских лафетах и обслуживались конными артиллеристами... При Йене эти стволы были отняты Наполеоном у пруссаков, подарены вюртембержцам, которые положили их на мобильные лафеты

и теперь с ними на Днепре сражались против русских» (Leissnig. 253).

<sup>60</sup> Русский инвалид. 1833. № 206. С. 815-16; Starklof. 61.

<sup>61</sup> Паскевич. 92; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 316. Л. 20; Душенкевич. 112. Прим. Автор явно ошибается, считая эти орудия русскими. Ср.: Андреев. 184.

<sup>62</sup> Смоленские губернские ведомости. 1857. № 9. Прил. С. 46; Поликарпов. 277.

<sup>63</sup> Nafziger. 184-85; Поликарпов. 272.

<sup>64</sup> Поликарпов. Календарь. 272, 276; Смоленская старина. 2. 325, 352; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 106. Л. 79 об.; Вяликов. 135. В сентябре 1911 г. Вороновский провёл подробный осмотр местности и убедился, что «Назимов, не доходя Корытни, занял позицию именно на речке Ивань, впадающей в р. Ухинью, приток Днепра. Здесь и до сего времени сохранились еще правильные старые окопы, обведенные со стороны Красного рвом 1-1,5 саж[ен] глубиной», «в этом месте дорога пролегла тогда по непроходимому болоту, которое охраняло оба фланга нашей позиции» (Вороновский. 97. Прим. 1). Однако, на современной карте р. Уфинья показана протекающей в 2 км к востоку от Корытни, что ставит под сомнение точку зрения Вороновского.

<sup>65</sup> Паскевич. 92; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Михайловский-Данилевский. II. 93; Андреев. 184; Fabry. IV. 282-83, 287, 519; König. 137; Historique du 24ème régiment d'infanterie légère... 347; Felder. 144; Душенкевич. 111; Богданович. I. 244.

<sup>66</sup> Griois. II. 19; Auvray. 297-98.

<sup>67</sup> Паскевич. 91; Вороновский. 98. Явно тенденциозный Солтык писал, что Неверовский «потерял 1500 человек и всю свою артиллерию; однако те самые солдаты, которые сражались с такой стойкостью, когда находились под присмотром своего начальника, полностью разбежались в течении ночи и в величайшем беспорядке отступали в направлении Смоленска, следуя по различным дорогам, которые туда вели, что позволило нашей кавалерии на следующий день подобрать 2.000 пленных, безо всякого сопротивления с их стороны» (Fabry. IV. 286).

<sup>68</sup> Fleischmann. 20; Röder von Bomsdorf. 145; Fabry. Ann. IV. 70; ВУА. XVI. 10, 17, 18; Поликарпов. Календарь. 273; Паскевич. 92, 93; Жизнь и подвиги. 19-20; Харкевич. 1. 114.

<sup>69</sup> Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск. 1991. С. 104-05; Fabry. IV. 283, Ann. 70. По другим сведениям, 15 августа, в день рождения Наполеона, Мюрат отправил к нему депутацию от кавалерии, которая «представила императору взятые орудия в виде подарка ко дню его рождения, выразив при этом сожаление, что бегство (la fuite) русских лишило их случая совершить что-нибудь более значительное» (Наполеон в России в 1812 г. СПб., 1911. С. 209).

<sup>70</sup> Fleischmann. 20; Fabry. IV. 278; König. 137; Journal du general Fantin des Odoards. Paris, 1895. P. 317; Larrey D.J. Mémoires. T. IV. Paris, 1817. P. 29; Bialkowski A. Wsomnia starego żołnierza.





Мартине. **Офицер 2-го конно-егерского полка**

Gdynia, 2003. S. 154; Austin. 172-73. 17 августа баварцы нашли в Красном множество раненых и более 100 пленных; после полудня в городе вспыхнул пожар и несколько раненых сгорело. Лелорнь видел Марбёфа в Красном, «он выглядел довольно хорошо; он потерял только ногу». Через несколько дней капитан Ю. Био встретил в городе «полковника Марбёфа, у которого в бою под Красным была оторвана одна нога и который был оставлен в городе со своим полком, чтобы прикрывать обозы, направлявшиеся во Францию». Марбёф умер вследствие этой раны 25 ноября в Мариенполе в Польше (Fabry. III. Ann. 182; IV. 481; Biot. H. Souvenirs. Paris, 1901. P. 28; Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie: Notes et documents. Ser. 2. Paris, 1912. P. 51; Rigau. 54).

<sup>71</sup> Паскевич. 93; Андреев. 185; Душенкевич. 112; Михайловский-Данилевский. II. 97.

<sup>72</sup> Fabry. IV. 279, 282-84, 481, 507; Fleischmann. 20; Nafziger. 185. Русские потери французы определяли по-разному: 1000-1700 пленных, 1200-1500 убитых, 7-8 орудий (Auvray. 298; Martin J.B. Lettres // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français. Paris, 1999. P. 86; Guyot Cl. Carnets de campagnes. Paris, 1999. P. 135; Faure R. Souvenirs du Nord... Paris, 1821. P. 31; Сежур Ф.П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 61).

<sup>73</sup> Поликарпов. 273; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Богданович. II. 245; Вяликов. 136. Умер от

раны шефский адъютант Неверовского подпоручик Павловского гренадерского полка Евсюков, пропал без вести провиантмейстер 27-й дивизии прапорщик Одесского полка Фишкин (Поликарпов. 280-81).

<sup>74</sup> Вяликов. 137-38. РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. О. Д. 107. Ч. 34. Л. 278; Д. 107. Ч. 37. Л. 109; Д. 1. А. 296; Лашук. 919. Симбирский полк потерял убитыми 1 офицера и 72 (77) рядовых, ранеными и пропавшими без вести 6 офицеров и 227 рядовых; 49-й егерский - убитыми 3 офицера и 145 солдат, ранеными 4 офицера и 44 рядовых, пропавшими без вести 4 офицера и 165 солдат. Впрочем, эти цифры не абсолютно точны, так как отдельные ведомости приводят иные цифры. К тому же Вяликов не учёл потери артиллерийской роты и казачьих полков.

<sup>75</sup> Харкевич. 1. 115; ВУА. XVIII. 219.

<sup>76</sup> ВУА. XVI. 11, 21-22, 220-23; XVIII. 219. Сохранилась рукопись «Очерки войны 1812-го года описанные очевидцем», похоже, смолянином и гвардейским офицером (ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хранения. 316. Л. 20, 20 об).

<sup>77</sup> Андреев. 185; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; ВУА. XV. 16; XVI. 44-45; XVIII. 218-19; Душенкевич. 111-12; Богданович. II. 245; Генерал Багратион. 230; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 95; Жизнь и подвиги. 18, 20; Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. I. СПб., 1823. С. 216; Валькович. 17. Неверовский представил к наградам 41 офицера: 23 из Полтавского полка, 21 из 41-го егерского, 13 из Харьковского драгунского и казачьих полков; но награды эти были получены лишь в 1813-1814 гг. (Жизнь и подвиги. 21).

<sup>78</sup> Wedel. 64-65; Fabry. IV. 282, 284; Griois. II. 19; De Baudus. 14; Сежур. 61. На фоне таких лестных отзывов неприятеля о поведении русской пехоты вызывает недоумение заявления, будто «французские свидетельства, как и следует ожидать, тенденциозны и неверны», что «не стоит переоценивать благородство французов, их способность воздать должное достойному противнику. Ибо уже в 13-м бюллетене армии Наполеона сообщалось, что «27-я дивизия русских... была атакована и рассеяна в одну минуту», потеряв при этом половину своего состава» (Вяликов. 136; Тикыч. 363). Тикыч во-первых, неточно цитирует документ, где буквально сказано, что русская дивизия «была атакована и вытеснена (depostee) в один момент герцогом Эльхингенским», имеется в виду из Красного. Во-вторых, он путает две вещи: искренние признания самих участников боя и заявления официальной пропаганды, которой по определению присуще преувеличение и искажение фактов. Вообще же, подобные высказывания свидетельствуют о том, что советские писатели просто не знали иностранных источников.

<sup>79</sup> Bismark. 268; Русский инвалид. 1833. № 206. С. 816; Griois. II. 19; Fabry. IV. 288, 284; De Baudus. 13; Röder F. Der Kriegszug Napoleon gegen Russland. Leipzig, 1848. S. 70;



<sup>80</sup> Из допросов военнопленных: «Овса нет, кавалерия изнурена», «Овса нет. Лошадей кормят зеленым хлебом, и кавалерия весьма в дурном положении». Из наблюдений парламентаря Левенштерна: лошади неприятельских кавалеристов «были худы, как клячи. Я заключил из этого, что их кавалерия была уже истощена и дойдет вскоре до полного изнурения» (РС. 1907. № 8. С. 330, 332; 1900. № 11. С. 344-46; Двенадцатый год. Исторические документы... Тормасова. СПб., 1912. С. 59-60).

<sup>81</sup> Picard. II. 99; Вороновский. 95; Miller M. Darstellung des Feldzuges... gegen die Russen im Jahr 1812. Th. I. Stuttgart-Tübingen, 1822. S. 69; Жизнь и подвиги. 19.

<sup>82</sup> Bismark. 270, 277; Fabry. IV. 290; Starklof. 62.

<sup>83</sup> Biot. Souvenirs. Paris. 1901. P. 23; Fabry. IV. 289-290; Brandt. 369-70; De Baudus. 13.

<sup>84</sup> Bleibtreu C. Geschichte der Reiterattacken. Berlin, o. J. S. 237-38.

<sup>85</sup> Норов А.С. Война и мир 1805-1812 с исторической точки зрения по воспоминаниям современника. СПб., 1868. С. 19; Вороновский. 98; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 2. С. 79.

<sup>86</sup> Вяликов. 133-34.

<sup>87</sup> Гарнич. 86; Андреев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1959. С. 36; Бескровный. 310; Троицкий. 109; Тикыч. 363; Асварищ Б., Вилинбахов Г. Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса. А., 1984. С. 40; Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 55, 59; Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964. С. 32; Шекун О.А. Сражения под Красным // От Москвы до Парижа. Малоярославец, 1998. С. 29; Русская армия 1812-1814. М., 2000. С. 46.

<sup>88</sup> Fabry. IV. 278-79

<sup>89</sup> ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78; Елисеев. 15.

<sup>90</sup> Bonnet. 654.

<sup>91</sup> Fabry. IV. 287-88; Вороновский. 92.

<sup>92</sup> Паскевич. 92; Наполеон в России в 1812 г. СПб., 1911. С. 210; Ермолов. 162-63; Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения. Драматические произведения... Воронеж, 1983. С. 147. Благодарим И.С. Тихонова за то, что он указал нам на последнее издание.

<sup>93</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 316. Л. 20, 20 об. Благодарим А.А. Елисеева за предоставление нам этого документа.

<sup>94</sup> Fabry. IV. 286; Röder von Bomsdorf. 144; Miller. I. 69; Андреев. 183, 185; Душенкевич. 111; Pfister A. Aus dem Lager des Rheinbundes. Stuttgart, 1897. S. 75; ЧОИДР. 1859. Кн. 1. Разд. IV. С. 78.

<sup>95</sup> Критикуя Сироткина за фразу, что на Неверовского «обрушилась армада из пяти пехотных и трех кавалерийских корпусов», Троицкий написал, что в атаках участвовали 15 тыс. кавалеристов и часть пехотных полков Нея (Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 55; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991. С. 92. Прим. 173).

<sup>96</sup> Bleibtreu C. Die Grosse Armee. Bd. 3. Stuttgart, 1908. S. 29; *ibid.* Geschichte der Reiterattacken. 238.

<sup>97</sup> Kalckreuth. 150; Chuquet. La Guerre. II. 22. Вечером 14 августа Брандт видел возле Красного кирасир; следовательно, последние в преследовании не участвовали (Brandt. 368; Военный сборник. 1870. Т. 71. С. 222).

<sup>98</sup> Leissnig. 252; Henkens. 120-21. Он назвал командира баварцев prince de Deux-Ponts; имеется в виду майор 1-го баварского шволежерского полка барон von Zweibrucken (Ср.: Comeau S.J. Souvenirs... Paris, 1900. P. 149).

<sup>99</sup> Auvray. 298; Constantin. 407; Cheron. 19; Fabry. IV. 511; Gajewski. 221.

<sup>100</sup> 7 августа командир бригады К. Пажоль был произведён в дивизионные генералы и получил новое назначение. 10 августа Даву сообщил об этом Пажолю и велел ему прибыть вместе с полковником Мати для того, чтобы сдать ему командование бригадой. Генерал А.А. Жирарден принял командование этой бригадой лишь 15 августа (Fabry. IV. 239; V. 293-94; Pajol. III. 36; Raucourt G. De Boulogne à Waterloo (1803-1815) avec le 2-e regiment de chasseurs à cheval. Paris, 1999. P. 52)

<sup>101</sup> Шеф эскадрона Ф.Э. д'Авранж Дюкермон получил две контузии в грудь во время атаки на пехоту, 3 егеря были убиты, 5 ранены, 8 взяты в плен. В атаках на каре отличились лейтенант В. Моншан и су-лейтенант Ж.Б. Делельпланк; под су-лейтенантом С. Понслен де Рокурром была убита лошадь (Raucourt. 52, 104, 118, 120, 125, 126).

<sup>102</sup> Капитан 11-го гусарского К.А. Гейсвейт ван дер Неттен уверял, что при нападении на дивизию Неверовского полк «отличился величайшей неустрашимостью». В истории полка также упоминается бой при Красном, но не приводится никаких подробностей (Pelet, Bonnet, Everts. Carnets et Journal sur la campagne de Russie. Paris, 1997. P. 155; Lassus H. Historique de 11-e régiment de Hussards. Valence, 1890. P. 175-76).

<sup>103</sup> Miller. I. 69, Beilage. S. 3; Felder. 145; Fleischmann. 20; Starklof. 62; Fabry. III. Ann. 182; IV. 287, 511, 517, 784. Вюртембергские полки потеряли 45 лошадей. По словам Кёниха, вюртембергские полки 14-й бригады «потеряли, кроме одного убитого офицера, лейтенанта фон Спиттлера из полка № 2, моего товарища по классу, около 20 человек и 40 лошадей. Лейтенант Шлайх из моего полка получил выстрел в спину» (König. 136).

<sup>104</sup> В остальных полках 10-й дивизии потерь офицеров нет. Во всех полках 1-го и 2-го кавалерийских корпусов и в 6-й дивизии тяжёлой кавалерии 3-го кавалерийского корпуса потерь в офицерах нет. Офицеры и солдаты этих полков, оставившие мемуары, не упоминают об участии их в этом бою.

<sup>105</sup> По подсчётам А. Подмазо, Симбирский, 49-й и 50-й егерские полки из 2930 чел. потеряли свыше 900 чел. (Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 226, 597, 656, 662, 670).

<sup>106</sup> Потери полка составили: убитыми 2 обер-, 2 унтер-офицера, 17 рядовых, 2 денщика, ранеными 1 обер-, 3 унтер-офицера, 8 рядовых (РГВИА. Ф. 103. Оп. 209 а. Св. 18. Д. 1. Л.112).





*А.И. Попов*

## *Первое дело при Красном*

**К**нига ведущего отечественного исследователя наполеоновских войн Андрея Ивановича Попова “Первое дело при Красном” начинает публикацию работ, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. Описываемые события явились первым серьезным успехом русской армии на фоне общего отступления в июле-августе 1812 г. Кавалерийский бой при Молевом Болоте и последующее сражение при Красном принесли несомненную славу российскому оружию, но в литературе были освещены далеко не равнозначно. При описании знаменитого “львиного отступления” генерала Д.П. Неверовского отечественные авторы допускали явные преувеличения и передержки. При этом большинство из них были почти незнакомы с иностранными источниками, что лишило их рассказы объективности и достоверности. Целью данного исследования было как исправление допущенных в отечественной литературе ошибок и недочётов, так и создание наиболее детальных описаний упомянутых боевых столкновений. В результате перед вами книга, которая помимо хронометрического описания событий в августе 1812 г., дает ответы на многие вопросы истории связанные с действиями русской и французской армий во время “Первой Смоленской операции русских войск”.